

ВАЙНАХ

Ежемесячный литературно-художественный
журнал

5. 2013

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство Чеченской
Республики по националь-
ной политике, печати и ин-
формации.

Адрес: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Журнал зарегистрирован в
Федеральной службе по надзору в
сфере связи, информационных техно-
логий и массовых коммуникаций
27 марта 2009 г.
Регистр. свид-во
ПИ № ТУ 20-00064

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –
Ахмадов

Муса Магомедович

Редколлегия:

Л. Абдулаев

М. Бексултанов

Л. Довлеткиреева

Р. Межиева

М. Музаев

С. Мусаев

Р. Талхигова

А. Шайхив

Рукописи принимаются
редакцией в первом и втором
экземплярах, а также на
электронных носителях.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

Адрес редакции: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Тел.: 8 (8712) 22-32-45

E-mail: vaynah_az1@bk.ru

http://www.vaynah.at.ua

**Журнал выходит один
раз в месяц. 16+**

Журнал набран на
компьютерной базе ГУ

«Литературно-художественный
журнал «Вайнах».

Отпечатано в ГУП «ИПК

«Грозненский рабочий»

364021 ЧР, г. Грозный,

ул. Интернациональная, 12/35

Подписано в печать

20.05.13

В случаях полиграфического
брака обращаться в типографию,
указанную в выходных сведениях
журнала.

Тираж – 2500 экз.

Свободная цена

Заказ № _____

СОДЕРЖАНИЕ:

ЮБИЛЕЙ

75 лет президенту Клуба писателей Кавказа –

Салиху Гуртуеву.....2

Салих ГУРТУЕВ. Сон кизилового дерева. Стихи.

Перевод с балкарского.....3

Лидия ДОВЛЕТКИРЕЕВА. Возвышенным, как небо,
сердце стало.....7

ПРОЗА

Гийса ОКАРОВ. *Иедал*. Дийцар.....13

Тауз ИСС. *Путешествие в полдень*. Сатура.....20

Хьаблим БУРЧАЕВ. *Иагин хазахетар*. Дийцар.....27

Ваха ДОКАЕВ. *Повесть о Любви в статусах сайта
«Одноклассники»*.....36

Руслан ИБАЕВ. *Не достигать она...* Рассказ.....40

Фаиза ХАЛИМОВА. *Специальный репортаж*.
Рассказ.....43

Мохьмад АЛИЕВ. *Нуц*. Забаре дийцарш.....61

Анарбек ЯНДАРОВ. *История одной семьи*. Повесть.
Окончание.....67

ПОЭЗИЯ

Светлана КУРАЗОВА. *Скорый поезд жизни*. Стихи.....17

Муса ШАМСАДОВ. *Сан безам*. Стихаш.....25

Асламбек ЯКУБОВ. *Материалисту*. Стихи.....34

Хасан САЙДУЛЛАЕВ. *Сыграйте мелодию*. Стихи.
Перевод с чеченского Алвади ШАЙХИЕВА.....39

Альбика БАТАЕВА. *Зама*. Стихаш.....42

ДЕБЮТ

Асхаб АЛИЕВ. *Вечер*. Стихи.....46

Адам САЛАХАНОВ. *Исповедь экстремальщика*.
Рассказы.....49

Элора ЭЛЬЖАЕВА. *Здесь все так же, как и прежде...*
Стихи.....65

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

Николай БУСЛЕНКО. *Чеченские мотивы. Расовый круг*.

Как умирал Чехов. Стихи.....58

ПАМЯТЬ

Вахит БИБУЛАТОВ. *Представленные к Герою*.....76

Роза МЕЖИЕВА. *Герой из Атагов*.....80

ИСТОРИЯ

Бела ШАВХЕЛИШВИЛИ. *Что посеешь...*
(О переселении чеченцев в Грузию).....84

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Саламбек АЛИЕВ. *Один день в Итум-Кали*.....89

И В ШУТКУ, И ВСЕРЬЕЗ

Ахмет ДЕНИСУЛТАНОВ. *Сентенции концептуального*.

Афоризмы.....93

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Роза БЕРСАНОВА. *Вижу футбол*.....95

К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Роза МЕЖИЕВА. *Мир глазами*
молодых художников Кавказа.....95

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ.....96

Юбилей

75 лет президенту Клуба писателей Кавказа – Салиху Гуртуеву

В этом году исполняется 75 лет президенту Клуба писателей Кавказа, балкарскому поэту Салиху Гуртуеву. Редакция журнала «Вайнах» поздравляет юбиляра, желая ему долгих лет жизни и творчества, бодрости тела и духа.

Салих Султанбекович Гуртуев – известный широкому кругу читателей поэт, переводчик, общественный деятель. Член Союза писателей России, он принимает активное участие в деятельности писательской организации со времен СССР и по настоящее время. В составе писательских делегаций бывал в Венгрии, Югославии, Польше, Турции, на Днях международной поэзии в г. Сараево представлял нашу страну.

Он родился в 1938 году в селе Белая Речка, что находится под Нальчиком. Школу окончил в Средней Азии в годы ссылки туда балкарского народа, его мировоззрение формировалось в условиях жесточайшего ограничения в правах. После возвращения из ссылки в 1958 году поступил в Кабардино-Балкарский госуниверситет, который окончил в 1963 году

по специальности «Преподаватель балкарского и русского языков и литератур». Салих Гуртуев возглавлял Государственный комитет Кабардино-Балкарской Республики по делам издательств, полиграфии и книжной торговли в 1986–1991 годах. Он автор более 20-ти книг поэзии, литературных эссе, переводов на родной язык лучших произведений Пушкина, Лермонтова, Мицкевича, Нерис, Мустая Карима, Чингиза Айтматова, Маяковского, Есенина, Тихонова, Евтушенко, Рубцова, польских, сербских, турецких, венгерских, грузинских, чеченских, ингушских, аварских, кумыкских, азербайджанских, латышских, башкирских, осетинских, калмыцких поэтов и прозаиков. Он также осуществил перевод на балкарский язык всемирно известной поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», которая была издана дважды – в 1981 и в 1989 годах; в 2010 году закончил перевод романа в стихах Александра Пушкина «Евгений Онегин», который напечатан в журнале «Минги тау», №3 за 2010 год и издан приложением к тому же журналу; составил Антологию кабардинской поэзии на балкарском языке в собственных переводах. Стихи самого Салиха Гуртуева переведены на польский, сербский, турецкий, венгерский, киргизский, туркменский языки, на русском языке в Москве и Нальчике изданы сборники «Уроки добра», «Песня птицы», «Синий ливень», «У Белой Речки на виду», «Грызет мой конь удила», «Шесть писем советски», издан его сборник на грузинском языке «Спой мне песню». Салихом Гуртуевым написаны пьесы «Трудное дело», «Ров», «Раненый камень», переведены на балкарский язык «Коварство и любовь» Шиллера, «Бабица, Хамица, Хамел, Дарданел» Хугаева, «Кто виноват?» Ахьяева. Заметным вкладом в развитие балкарской литературы явились сборники стихов поэта: «Кручи», «Примите в гости», «Чаша бытия», «Нежность души», «Четыре яблони», «Полдень», «Пройденный путь», «Высокие тени», книга литературных эссе о классиках многих национальных литератур «Свет звезд» и другие. Салих Гуртуев является заслуженным работником культуры Кабардино-Балкарии; обладателем литературной премии им. Желюка (Винницкая область, Украина), литературной премии Министерства культуры Кабардино-Балкарии, награжден Грамотой Верховного Совета Грузии за вклад в развитие литературных взаимосвязей между народами. В настоящее время Салих Гуртуев является президентом межрегиональной общественной организации «Клуб писателей Кавказа».

Салих Гуртуев

Сон кизилового дерева

***

Над Белой Речкой черная ольха.
Подгнили корни – умерла до срока.
Как самого постыдного греха,
Страшусь я материнского упрека.

Поник тяжелый колос головой,
А у пустого – выше всех головка.
Я слышу голос матери родной...
Пусть никогда не будет в нем упрека!

***

Спокойствия сегодня в мире нет,
Клубится над дорогой пыль обочин.
Я оглянулся – дни мои и ночи
Похожи на изношенный бешмет.

Я прошлое свое не отмету,
Среди камней еще найду алмазы.
Вон впереди, смотрите, скалолазы
Над бездною штурмуют высоту.

***

Уже февраль.
Давно ручьи проснулись,
И хоть зима – за ближнею горой,
Но птицы перелетные вернулись
И семена ждут встречи с бороздой.

Уже на вербе почка распушилась,
Как хвост котенка. Светел солнца лик.
Откуда же тревога появилась,
Что мир готов взорваться каждый миг?

***

Удел мужчины – мужество храня,
Быть как кремьень,
рукой ворочать горы.
Не свалит даже ложь его с коня.
По-моему, все это – разговоры...

Как ни крепись он, как ни посуровь,
Душа его нежна. Не потому ли
От детских слез
в мужчине стынет кровь
И он уже готов идти под пули.

*Перевод с балкарского
Игоря Ляпина*

Теплый камень Холама*

– Мой Холам!.. Давно я не был здесь.
Камни твои теплые – как будто
В ржавчине... Но, нет, ты алый весь,
Алый весь, как моей жизни утро!..

– Словно ты не здесь рожден, коль ты
Позабыл давно сюда дорогу.
Тропы детства без тебя пусты –
Их забвенье старит понемногу.
И пока тебя не позвала,
Пристыдив, сама земля, кто знает,
Сколько б ты ссылался на дела –
В жизни дел всегда с лихвой хватает!
Так, пока – зови иль не зови! –
Жизнь не разбросает
двух влюбленных,
Не узнать им силы их любви...
Тяжек жребий душ разъединенных, –
Говорит Холам. И так глядит,
Как на сына мать в своей обиде...
Как давно я родины не видел...

– Мой Холам! – твержу...
Душа болит!
О, как сладостно к душе прижать
Камешек скалы, где не остыло
Утро моей жизни... Будто мать
Встретила меня! И все простила!

Старик и осень

Как с тела обнаженного – вода,
Как листья с веток
в этот вечер стылый,
Хотел бы, чтоб сошли с тебя года,
Глядящий на осенний лес унылый!

Что листья? Они вспыхнут и сгорят.
Но молодость, живую, как преданье,
Хранит под сединой твоею взгляд,
Блуждающий по далам увяданья.

На свете так: всему – своя пора.
В том мудрость жизни –
все принять без страха.
И даже вековечная гора
Не избежит старения и праха.

Что делать – он уведит в никуда,
Твоих годов седой большак осенний.

Я так хотел бы снять с тебя года
Лишений всех твоих и потрясений!

Ты вынес все и дожил до седин,
До белизны вершиной, до которой
Из многих сверстников своих – один
Добрался ты...

Пред ликом смерти скорой

Голов не опустив, под вой свинца
Вы вместе шли

сквозь годы и усталость,
Но вынести все это до конца,
Хлеб старости вкусить –
тебе досталось.

Ты удержался на своем коне...

Глядишь на лес,
желтеющий на склонах,
Он – на тебя, сидящего на пне
Под сенью гор, веками убеленных.

Вот – медленно поднялся. Подвернул
Бешмета полы. Повернулся к речке,
Несущей бесконечной жизни гул,
В котором – свист дороги,
звон уздечки.

Еще не скоро вынырнет обрыв,
Чтоб посягнуть на лет твоих отвагу...
Идешь... А рядом, уши наострив,
Стоит твой конь,
прислушиваясь к шагу...

Стихи без знаков препинания

(отрывок)

1

Быть может так мне в жизни суждено
Что жизнь саму познать мне не дано
Воистину как молвит до корней
Как разобратся в ней
как быть мне с ней

Как если каждый в жизнь свою войдя
Не как росток при помощи дождя
А как явления на белый свет
Судьбы которой повторенья нет
И каждый на свой лад перекроить
Стремится жизнь свою являя прыть
Как будто не хватает ей ума
Себя же обуздать как бы сама
Она не в силах кривизну дорог
Спрямить тому кто на ветру продрог
Средь бурь житейских и неведом ей

Знак по которому с начала дней
Ей должно подчиняться или он
Закончился иль ею упразднен

2

Я с каждым утром в эту жизнь вхожу
Как в речку что как будто
Конь вожжу
Внезапно зацепив
Средь острых скал
При шалом беге где-то потерял
И эта речка упадая с гор
Ко мне оборотила мудрый взор
И мнится где-то в ней себя таю
Но вижу не себя а тень свою
Пойди сочти нас
Видящих лишь тень
Свою средь тех
Кто начинает день
Хлопот забот и дел невпроворот
Хоть не ликуя все-таки живет
Не бедствуя
Мне жаловаться грех
Живу не лучше и не хуже всех
Хоть не великий спец не важный чин

Нет жизнь возненавидеть нет причин
И что с того что рано поседел
От времени от каждодневных дел
За кои как кому-нибудь на чай
Подбросят деревянных
Получай
И в этом я ничуть не виноват
И ты народ мой что трудиться рад
Ведь тот кто создавать на свет
рожден
Не станет разрушителем
И он
Насильственно оторванный от гор
Познав уничтоженья и разор
И возвратившись из краев чужих
Вовек не станет разорять других

Четыре яблони

(отрывок)

Алый Всадник Рассвета,
В боях
На великой войне
На врага нагоняю я страх –
Я солдат!
А в тылу –
Я рабочий, крестьянин – любой,
Разгоняющий мглу,
Ибо труд – это тоже есть бой!

Ну, а что Солтанбек?!
Я всхожу – он уже на ногах,
Не последний из тех,
Кто всегда – есть в колхозных делах.

Дома дети растут,
Слава богу, здоровы, как все,
Что с рождения тут
Любят бегать по свежей росе,
По тропинке крутой
Забираться на плечи скалы
И дышать красотой,
Высотой,
Где так близко – орлы!

Горцам высь подавай
Для гнезда,
Для любви,
Для борьбы,
Им орлиный их край –
Их бессмертный подарок судьбы!
Горец на гору влез,
Где лишь туров легчайших следы,
И – у самых небес,
На камнях расцветают сады!
Вы ладони его
Расспросите
И плечи его –
На камнях ничего
Не растет без него самого!

Он в ладонях таскал
И в корзинах таскал на плече
Груз земли,
Чтоб средь скал
Вишне рдеть и желтеть алыче,
Чтобы яблока шар
Восходил средь камней и светил
И щеки его жар
Горцу, будто бы лампа, светил!

Словно сад – весь, в заре,
Хоть три яблони в нем-то всего,
Так светло во дворе
Солтанбеку
От яблонь его!
И – три звонких зари –
Три мальчика
Тоже светят отцу...

Через месяца три
И четвертому быть
Деревцу!..

***

Суббота, понедельник ли, среда –
Протянут день к другому дню,
как провод,
Золу тревог неся нам иногда
Иль радости вручая легкий повод.

Сад от плодов то золотист, то ал,
То бел, пушистым снегом засыпаем...
Я каждый месяц бы тобой назвал:
Скажи лишь «Да» –
январь мне станет маем!

*Перевод с балкарского
Данила Долинского*

День Победы

Прошлое – будущее
Три звездочки,
Три счастья мои –
Дети.
Три жизни мои,
Три цветка,
Три ветви.
Три поля, где траву ласкает ветер,

Шесть глаз моих –
Меня ждут каждый вечер...

На улицу они глядят в окошко,
Три носика расплющив о стекло.
А время долго длится,
Как нарочно,
А время длится, длится,
Как назло...
Глядят, глядят,
А если не увидят,
То на меня останутся в обиде.

Ждут каждый вечер.
Ждут, не уставая...
Так я когда-то ожидал отца.

Со мною вместе мать моя родная
С томительной усталостью лица.
Стекло окна
Дождя ль струей в те дни,
Слезой ли материнской омывало?..
В окошках гасли
Медленно огни...

Мне так в те дни
Отца не доставало.

Все ждал,
 Все ждал я, глядя в темный двор...
 И засыпал,
 Склоняясь на подоконник...

В окошко то
 Гляжу я до сих пор –
 Стекло
 Все холодит мне носа кончик...

Как далеко
 Отец ушел тогда!..
 Как нескончаема его работа!..
 Десятками уже пошли года,
 Меняют лик
 И время, и природа.

Но все живет в душе
 Тех лет окно,
 Стекло то,

От которого курнос я...
 Хоть дети и здоровы,
 Все равно
 Боюсь за них я в этом мире грозном!

Вхожу.
 И всех троих –
 В объятье рук,
 И сразу мое сердце –
 На вершине...
 Обнять их надо мне,
 Пока я с ними!..
 Отцова доля
 Выпадет мне вдруг?!

И возьмется со мною без конца,
 И слез моих не видят
 За улыбкой, –
 Я вспоминаю своего отца,
 Что так и не пришел
 С войны великой...

*Перевод с балкарского
 Анатолия Передреева*

Сон кизилового дерева. 1944

Ночью заснеженной дереву видится сон:
 Каплями крови исходят, сочатся плоды.
 Снег окровавленный вьюгою ввысь вознесен,
 Словно предвестие неотвратимой беды.

Где это видано: красный клубящийся снег
 Раной дымится на мертвой безлюдной земле?
 Если рискнет на него наступить человек –
 В то же мгновение бесследно исчезнет во мгле.

Старое дерево червем терзает вопрос:
 Что, как оно всему существу в мире виной?
 Что, как годами росло оно людям не впрок
 И не к добру покрывалось цветами весной?

Чья это кровь из плодов густо каплет на снег?
 Уж не того ль, кто с любовью его посадил?
 И для того ли его возрастил человек,
 Чтобы несчастье принес ему старый кизил?

Соки живые свой бег замедляют в стволе.
 Дереву снится: оно засыхает, гниет.
 ...Мартовской ночью не слышно ни звука в селе.
 Год до Победы.
 Выслан балкарский народ.

*Перевод с балкарского
 Аркадия Кайданова*

* Холам – родина предков автора.

Лидия Довлеткиреева

Возвышенным, как небо, сердце стало

«Встреча с поэтической книгой – то же, что и встреча с новизной весны, с ее теплом, с голосами птиц, говором ручьев, с зеленью деревьев, с небывалой голубизной неба над белизной горных вершин», – такими словами величайшего классика кавказской литературы, балкарца Кайсына Кулиева открывается книга стихов «Сон кизилового дерева» другого балкарца – Салиха Гуртуева. И есть в этой перетекаемой непрерывности поэтических звеньев нечто сакральное: поэзия – Кайсын – Салих – кизил – дерево – камень – Балкария – Кавказ – Вселенная.

Поэтическое творчество Салиха Гуртуева классично по форме: строгие рифмы, выдержанный ритм, традиционные темы Родины, дружбы, любви. А главное требование, которое предъявляет к себе поэт, – искренность, правдивость:

Боишься правды – чистый лист бумаги
Не оскверняй напрасными словами.

(«Мой вопрос к поэзии»)

И образы, включенные в его поэтическую парадигму, тоже не новы. Порой даже выглядит смелым обращение Гуртуева к многократно обыгранной до него символике. Казалось бы, ну что можно свежего сказать о кинжале после знаменитых лермонтовских строк «Люблю тебя, булатный мой кинжал,/ Товарищ светлый и холодный. /Задумчивый грузин на мечь тебя ковал,/ На грозный бой точил черкес свободный», брюсовских «Кинжал поэзии! Кровавый молний свет,/ Как прежде, пробежал по этой верной стали./ И снова я с людьми, – затем, что я поэт,/ Затем, что молнии сверкали», пушкинских «Свободы тайный сторож,/ Карающий кинжал,/ Последний судия позора и обиды», стихотворения Кулиева «Кинжал»: «Тебя вонзала храбрость в грудь,/ А трусость всаживала в спину» и там же: «Ты дорог мне и ненавистен – кавказский кованый кинжал!» Но, как видим, вплетенный в поэтическое сознание настоящего поэта этот клишированный, особенно в восточной поэтике, мифообраз, как и другие «стереотипы художественного мышления, сформированные безотчетно, спонтанно – из общности восприятия своего мира и себя в нем»¹ – начинает светиться неожиданными гранями. Пушкин воспевае кинжал как орудие возмездия, как символ освобождения от тирании, Брюсов – как символ поэта-борца, у Лермонтова он олицетворяет твердость человеческого духа. Образ кинжала находит свое преломление в поэзии кабардинца Алима Кешокова. «У кинжала два лезвия, обращенных спиной друг к другу. Но они делят между собой или один позор, или одну честь, заслугу, славу. Их два, но оба они – одно»²: «Мерцает сталь холодная сурово,/И я желаю более всего,/ Чтобы сливалась истина и слово,/Как лезвия кинжала одного».

А Салих Гуртуев сосредотачивает свой окуляр на этом объекте не как на орудии добра и зла, борьбы, он использует кинжал в качестве оригинального сравнения, передавая суть сложного чувства любви: остроту переживаний, их противоречивость, пограничность психического состояния влюбленного...

Любовь, ты радость с горечью смешала
В нележкой человеческой судьбе.
Ты держишь, как на кончике кинжала,
Безумцев, прикоснувшихся к тебе.

(«Любовь, ты радость с горечью смешала»)

Безусловно, поэзия Салиха Гуртуева, как и творчество классиков северокавказской литературы – Расула Гамзатова, Кайсына Кулиева, Алима Кешокова, позволяет читателю выявить специфические черты общекавказского мышления через художественные образы.

Незыблемость гор как символ стойкости национального духа посреди вселенского хаоса передана, например, в следующем стихотворении преимущественно простыми глагольными и предметными словами, без каких-либо украшательств в виде эпитетов и метафор (исключая ставшие общезыковыми – «седые скалы» и «пламенный восход»):

Лавины сходят, движутся обвалы,
Грома грохочут, молнии горят.
Но, посмотри, стоят седые скалы
Такими же, как сто веков назад.

Здесь люди песни издавна певали,
Встречали песней пламенный восход,
Растили хлеб, влюблялись, воевали
И сплывались с песнями в народ.

(«Лавины сходят, движутся обвалы»)

Словно сок кизилового дерева, кровоточит душа поэта народной болью, поэтому центральные темы поэзии Гуртуева – Великая Отечественная война, депортация, мать, малая родина. «Род отца поэта, Султанбека, спустился в Ак-Су с Холамских гор. Султанбек сражался против гитлеровцев и погиб на фронте. Говорят, он был хорошим воином. Салих совсем маленьким остался без отца. Его с братом вырастила, воспитала и учила мать, пройдя исключительно тяжелый вдовий путь, живя далеко от родных мест, проявив завидную энергию, стойкость, незаурядные душевные силы, поддерживаемая бессмертной материнской любовью к детям»³. Понятно, почему поэт признается:

Как самого постыдного греха,
Страшусь я материнского упрёка.

Белая речка, Холам – родина предков автора, Черек, горы, родники живут в строчках его стихов, создавая уютный, светлый образ любимой малой родины, открывая читателю истоки поэтического вдохновения. Даже камень в родных горах вовсе не холоден, бездушен и равнодушен – негативные коннотации образа камня, запечатленные как в художественной литературе, так и в обыденном сознании, а напротив, согревает, представляется живой материей, насыщенной чувствами, мыслями, голосами – памятью прошлого, юности – стихотворение «Теплый камень Холама». И как проникновенны эти строки признания сына в любви к матери, к родной земле:

– Мой Холам! – твержу... Душа болит!
О, как сладостно к душе прижать
Камешек скалы, где не остыло
Утро моей жизни... Будто мать
Встретила меня! И все простила!..

Поэтический мир Гуртуева пронизан экзистенциальной тревогой гражданина Земли XX-XXI веков. Ощущение, что «мир готов взорваться каждый миг», «взрывчато время, зримее смерть...», «в порядке только беспорядок», не покидает ни лирического героя, ни самого автора, ни читателя. Но и в этой

бушующей, кипящей, непредсказуемой, опасной вселенской лаве войн, природных и техногенных катастроф, террористических атак он сохраняет оптимизм: «Вон впереди, смотрите, скалолазы/ Над *бездною* штурмуют *высоту*»⁴ (курсив здесь и далее – Л.Д.). Мужской идеал Гуртуева – суровый, мужественный, но нежный в душе, горец – дает поэту основание на эту веру в преодолевающую все невзгоды силу человека.

Время в поэзии Салиха Гуртуева является сквозным мотивом его философских размышлений о жизни и смерти, скоротечности земного бытия, а также вечности. Оно амбивалентно: с одной стороны, это спокойное осознание и принятие конечности всего сущего, ведь «даже вековечная гора/ не избежит старения и праха», и главное в отведенном для тебя отрезке, чтоб «удержался на своем коне», т.е. остался верен себе, достойно прошел предначертанный путь, «вверх ли ты ползешь, летишь ли вниз – голос сохрани и норы свой», с другой стороны – в преемственности поколений видит поэт победу над ограниченностью земного пути, именно связь времен вплетает нас в косу вечности: «Отец, я продолжение твое / И над тобой дождь времени бессилён!», или «Связь родовая с годами в горах не тоньшает», или еще более философское: «Гаснут люди, как гаснут миры./ Продолжаясь в живых!» Боль от потери отца, ненависть к войнам, обрекающим детей на сиротство, а жен на вдовство, тесное переплетение темы Великой Отечественной войны и героизма воинов с горестной темой выселения балкарцев звучит во многих стихах Гуртуева. Факт личной семейной биографии уж слишком типичен, а потому и не понадобилось искать обобщений, и имена отца, бабушки, матери, сестры, братьев (Султанбек, Курманкыз, Аба, Салим, Салих, Азрет, Светлана) в поэме «Четыре яблони» и других произведениях автора называются, как есть, но одновременно являются ликами всей Балкарии:

На вершинах таяли снега
И стекали с черных гор слезами.

Сиротливо шелестит платан.
Где отец?
Ушел с врагами драться!
А семью сослали в Казахстан –
Там ему жена растит балкарцев.

Время стремительно, время всеильно, «года обрывая, как листья... над нами свистит». Но даже оно не всевластно:

Сменится
    закат зарею,
Расцветут
    и увянут цветы,
Всеильное время
    с землюю
Горные сровняет хребты,
Но что
    оно сделает с теми,
Кого уже нет в живых? –
Вовек
    не прибавит время
Ни года
    к возрасту их,
Ни года у них
    Не отнимет...

Изменяются материки –
Молодые останутся молодыми,
Стариками останутся старики.

(«Хмурое небо»)

Многие стихи Салиха Гуртуева посвящены депортации балкарского народа: «8 марта 1944 года», «Камень», «На мой народ обрушилась беда», «Огромная безгласная страна» и др., но совершенно особенным, по притчевой интонации, сюрреалистическим краскам, острому мистическому ощущению беды, предвестником которой становится вещий сон кизила, является стихотворение «Сон кизилового дерева». Если бы талантливый художник взялся за то, чтобы нарисовать иллюстрацию к этому стихотворению, картина эта смогла бы прославить его имя в веках.

Несмотря на трагизм мироощущения, которым прошита вся художественная ткань гуртуевской поэзии и у которого есть исторические обоснования, все же лирический герой поэта открыт миру, охвачен всеобъемлющей приязнью ко всему, что сотворено Всевышним: «Дай весь мир под луну обнимать мне объятьем души!». И потому одним из важнейших многозначных мотивов его творчества является дорога: «Мне дороги любой поворот в смене мчащихся дней, / Это – новое слово, пришедшее душу открыть». Но, куда бы ни завела дорога, какие бы откровения и открытия ни сулила, она всегда начинается и завершается родным порогом – той отправной точкой души, что и дала этот заряд любви к беспредельному миру:

Счастья большего – помнить с детства: есть в мире село,
Его дерево, звезды, вода стали знаком твоим,
Что тебя представляет, куда б тебя ни занесло,
На дорогах других – водам, звездам, деревьям другим.

(«Дорога»)

В этом стихотворении наиболее отчетливо выражена идея, красной нитью проходящая через все творчество Гуртуева, – идея культурной множественности, которую испанский философ Х. Ортега-и-Гассет выразил словами о том, что «каждый народ умалчивает одно, чтобы суметь сказать другое, потому что все сказать невозможно». И Салих являет посредством своей поэзии балкарский универсум остальному миру, вплетая его в узор общего многонационального и многокрасочного ковра, который ткут художники различных этнокультур. Пространство в его поэтическом мире сжимается до этой священной точки отсчета и от нее же расширяется: «Моя вселенная – трава и камни моего селенья».

Доктор филологических наук, исследователь балкарской поэзии З.А. Кучукова в своей книге «Онтологический метакод как ядро этнопоэтики» на основании широкого фольклорного материала и поэзии балкарских классиков делает вывод о том, что национальному образу мира народов, проживающих в горной местности, присуща «философия вертикали». Отметим, не вдаваясь в детали, что основу смысловой архитектоники вертикальных образов горы, дерева, неба, камня и др. составляет идея возвышения. «Вершина горы, соприкасающаяся с небом, служит символом трансцендентности, промежуточной точкой восхождения, духовного возвышения, откуда личность призывается к еще более таинственным восхождениям»⁵.

Творчество Салиха Гуртуева является одним из камней этой башни, поскольку художник, вероятнее всего подсознательно, по наитию, являясь плоть от плоти

представителем данной ойкумены, оперирует вертикальными архетипами художественного мышления, которые и составляют художественный код кавказской культуры. Вот, к примеру, строфа из его стихотворения «Камни посреди реки», насыщенная вертикальной символикой, проникнутая ментальной идеей духовного роста, вопреки возможным бурям века – как бы ни было тяжело, в каких бы исторических перипетиях ни оказывался человек и народ, он всегда тянется вверх, проламывая преграды:

Ну, а главное, что *камень* там,
Оставаясь сам в воде по горло,
 На себе упорно, смело, гордо
Поднимает сосны к небесам!

По мнению английского социолога и культуролога Р. Робертсона, «художник на международной культурной арене все чаще выступает не только и даже не столько как представитель своей страны, сколько определенной локальной субкультуры, национально-культурной общности». ⁶ Эта мысль абсолютно точно накладывается на поэзию Салиха Гуртуева, лирический герой которого признает: «Чсть родимой реки бережливо по жизни несую». Или:

В Белой Речке возле древних гор
 С песней колыбель моя качалась.

Я из тех, кто путь к снегам торит
 На вершины горного отрога,
 Хоть в горах – пусть каждый подтвердит –
 Розами не устлана дорога.

Ментальное своеобразие балкарца, шире – кавказца, разлито по всем строкам поэтического моря автора. Вот «гоппан с айранной шапкой набекрень» – это не просто специфический предмет национального быта чабана-балкарца, который он «в кошаре при неровном свете лампы... вырезал рукой надежно». Этот экзотизм не только создает яркую визуальную картинку жизни труженика гор, но и становится тем самым проводником культуры, который открывает мир балкарцев мирам других народов. Он и в прямом смысле является «чашей дружбы», ведь айраном пенным не один инородец угощался из гоппана, и в то же время демонстрирует неагрессивную, притягательную культурную инаковость. Даже в таких приемах, как перифразы, проявляется тонкоментальное балкарское (опять же – общекавказское) отражение. «Снохой моей матери стань!» – название одного из стихотворений Гуртуева, в посвящении «Ночных стихов» написано: «Матери моих детей Зое». Обе эти перифразы заменяют слова «жена», «супруга», которые редко могут прозвучать из уст кавказца – глубоко личное никогда не выставляется напоказ. Материнство, уважение женщины к матери и родственникам мужа подчеркиваются как особые нравственно-этические категории, возвышающие ее статус. А как красивы национальные фольклорные мотивы или те же вещественные проявления культурной среды, когда они используются поэтом для передачи общечеловеческих категорий. Размолвка влюбленных приобретает яркий оттенок благодаря использованию сугубо национального фразеологизма в вопросе: «Кто между нами волчью шерсть швырнул?», эквивалентного русскому: «Какая кошка перешла дорогу?». А вот как замечательно передано прошлое лирического героя, полное потрясений, с помощью такого, казалось бы, «заезженного» в кавказской литературе или литературе о Кавказе предмета: «Я оглянулся – дни мои и ночи похожи на изношенный бешмет».

Но, осознавая и передавая имеющимися в арсенале художественными средствами своеобразие родного ему мира, Салих Гуртуев остается интернационалистом: «Как все *горы* по-своему и *высоки* и *красивы*, / Так по-своему каждый *народ* и *красив* и *высок*...» Обратите внимание, что даже в этой искренней мультиглобалистской формуле Гуртуев остается носителем «психологии вертикали».

Салих Гуртуев – мастер слова, образность его лирики впечатлит самый требовательный эстетический вкус. Наиболее чутким становится поэтический слух автора, когда речь заходит о любимой девушке или природе: «И лунным светом пахнул твой платок»; «Балкарочка вяжет, и пальцев движение, / Как солнца лучи, что сверкают в реке»; «Пусть любовь, словно кисть винограда, / Сладкий сок свой от солнца берет». И улыбка имеет свои оттенки: «Ее глазами улыбалось небо», а здесь «Была твоя последняя улыбка, / Как на ветру дрожащий желтый лист». Особенно трепетным пером создает автор пейзажные зарисовки, основным средством которых становится необычное олицетворение или сравнение: «В озаренных луной бесконечно несущихся водах, / Искупившись, станется чище осенняя ночь»; «Намело – словно встали над белой слепящей пустыней / Сотни малых казбеков и малых эльбрусов вокруг»; «Но плещется у ног твоих волна, / Как тихая и кроткая овечка»; «И чайки на закате / на мускулистых прыгали волнах»; «И парным молоком задышало встающее утро»; «Дождь никак не устанет к горам пришивать свои тучи»; «Как серьги водопадов, заблестали сосульки в нитях солнечных лучей»; «Как мудро молчание камня – с ним вечность находит родство»; «Я чувствую, как детство пробежало, / И на меня сквозь заросли глядит»... Благодаря таким живым образам, поэтический мир гуртуевской лирики зрим, осязаем, полон живого дыхания.

Салих Гуртуев, используя классическую технику стихосложения, разнообразит ее всевозможными ритмами, отчего каждое стихотворение приобретает свой музыкальный рисунок – то стремительный, как поток горной реки, то напевный, плавный, как мелкие равнинные волны, лениво перекатывающиеся друг в друга.

Не хочется орудовать хирургическим скальпелем, препарирруя гуртуевскую поэтику, подвергая математическому анализу слоги, ударные и неударные такты, высчитывая дактили, ямбы и хореи, количество строк в стихотворных отрезках... Тем более, что речь идет о переведенной на русский язык поэзии. Ведь главное – это душа текста, а она у стихов Салиха Гуртуева есть, беспокойно трепещет, пытаясь щедро рассеять по свету сострадание, отрицание насилия, доброту, веру в торжество гуманистических начал:

Дать ближнему тепла, души отрезав долю,
искать слова для тех, кто испытал недолю, –
по этим меркам я судьбу свою крою, – таково кредо поэта.

¹ Кофман А.Ф. Латиноамериканский художественный образ мира. – М., 1997. С.9.

² Владимир Солоухин // <http://www.staroradio.ru/audio/12971>.

³ Кулиев К. На виду у гор. / Гуртуев С. Сон кизилового дерева. – М., 2010. С.5,6.

⁴ Гуртуев С. Спокойствия сегодня в мире нет / Гуртуев С. Сон кизилового дерева. – М., 2010. С. 20.

⁵ Кучукова З. Онтологический метакод как ядро этнопоэтики. – Нальчик, 2005. С. 27.

⁶ Цит. по: Кучукова З. Онтологический метакод как ядро этнопоэтики. – Нальчик, 2005. С.5.

Окаров Ийса**Іедал**

КІант меттара восса карахцадолуш Іаш ву, ойланаш еш. Корак схьагушдерг кхоблина гуьйренан де ду. Чуьрачу тийналлехь хеза кехатийн цхьатерра «шарх-ширх». Аьчкан зІар тоьхначу кора хьалха, ахча дагардеш Іаш ву кІентан да. Туп пІелгашца стоьла тІе талайой, нана пІелгашца хьалальусту цо ахчанан маьІигаш, багахь, лохха, «шиват, шиват, шиват...» деш. И «шиват» бохуш ахча ларарой, бІаьрго халла лоцучу оцу нана пІелганий, хьажо пІелганий юкьахь хьала уьдучу ахчанан маьІигаша тІеозийна, цунах тамаша беш, шен меттара дІахььожуш Іа кІант.

Лерина ваьлча, яйн стола тІе тухий нисьой, йистах йоккху дас ахчанан туп. Дерриг стол дІалоцуш лаьтта оцу можачу соьмаша, баьцарчу кхаа соьмаша, сийначу пхеа соьмаша. Массарел даккхий ду Ленинан суьрташ тІехьдолу туьманаший, ши туьма пхи соьмашший. И ахча районе дІа а даьхьна «Іедална» дІадала дезаш ду.

И «шиват» бахар дагардар ду моьтта кІантана. Оцу цхьана дашчу оццул дукха ахча тардалар боккха тамаша хета кІантана. Баккхийчеран кхин а цхьа кьайле ю иза, кхунна чога лаьа иштта дагардан Іама, воккха а хилла сихха. Цхьа йоккха ирхе ю иза кхунна.

Арахь машен соцуш хеза. Юха цхьана тобанан кьамелаш хеза, божарийн, зударийн аьзнаш вовшах а хьерчаш, кІантана боьвзачу, амма хІинца а кхеташбоцучу маттахь. Туька юьрта йистехь, Симпалате боьдучу некьо голатухучохь лаьтташ ю. Дийнахь а, буьйсанна а – ханьйоцчу хенахь, тІехьйолу машен соций, кор-неІ туху кхеран. Іуьйкьашна кор деттарш кьаьркьа дан баьхкина хуьлу, дукхох берш нохчий а болуш. Гонахьарчу ярташкахь мелверг йиша-ваша, хьаша ву. Кьаьркьа, гуттар аьлча санна, тІедиллина хьо, масех шиша, я дийнна яьшка. Шишанаш цхьа зовьне вовшах а детталуш, дІахьора и яьшка.

...ГІовгІа туьканан неІаре кхочу. НеІ етташ хеза, маьхьарий а. Юха оцу тобанан гІовгІа, туьканна го а тоссуш, тІехьаьрчу коре схьайогІу. Иштта а сингаттаме, и цхьаь бен доцу, аьчган зІаьр тоьхна кор, адамиин гІаларташа кхолодо. Царна ахча го, дерриг стол дІалаьцна. ГІовга цІехьхана дІатуь. Уьш ахчане хьовьссинчохь буьссу. Массарел хьалхахь лаьтташ волу вежа, цхьа цІармат муцІар йолу гІазкхе сихха меттавеара. «Открывай! Давай водку!..» – бохуш дера мохь беттара цо, кор детташ. Куьзганаш эгадора. ТІехьараберш а бара тІегІертташ, зударий а бара цаьрца.

«Переучет. Магазин закрыт. Уходите...» – мохь туьйхира дас. Готтар марсаволуш, дарлуш чугІертара и цІармат муцІар йолу гІазкхе, корак буй бетташ. КІантана иза ахчана тІе кхацагІертташ хетара. Юха доккхачу татанца куьзганан бІаьрг стоьла тІе охьаатабелира, ахчанан таппаш тІехула дІасадаьржира гаьргийн йистош ира кьега а кьегаш. ГІазкхийчо пхьарс чу баййтира, амма аьчган зІеро стола тІе ца кхочуьйтора.

Да хьала иккхира. НеІ нисса цунна букьа тІехьа яра, араволуш, аьтту агІор лаьтташ, хІинца кІант тІехь Іашволу аьчган маьнга бара, аьрру агІорчу неІаран сонехь хьалахІоттийна ши топ а яра. Да, тІехьадда тоьпах ка а тухуш, ара велира.

КІант, ирахІоьттина, маьнгин гІоьвлехь кхозу шен хеча дукха сиха тІеюха вуьйлира. Маьнгин аьчга бой дІасалелаш кІентан шозлогІа ког а, хьалхарчунна тІаьххье, цхьана хечин кога чу нисбелира. Юха, мел тохавалрх, хьала а ца

болура. Дог дайтла, дера велха волавелира иза, юх-юха а хеча тлеюха глерташ. Цу хенахь арахь топ елира.

Клант эххар а ара ведча, цунна гира и кор кагдина хилла лекха оза глзкхи – цунна тлехь хилла долчу салтин чоин тломах, голлел лакхахь, шайх клур хыла а обхуш, доккха ши луьрг. Богучу тлерган хьожа а яра обхуш. Цъанхъара съхъакхаьчна клентан нана йоблхуш тлехъаьдира глзкхечун чоа дай. Йобхна хыйзара иза, чоэх куьйгаш хьокхуш, пелгаш а моьрцуш.

Дланехь, новкъахь лаьтташ церан, «Газ-51» олуш йолу, машен яра, эчиган басахь гата тоьхна, таьлна-баьццарчу басахь йолчу дечиган аглона тлехь клайн таксин шашкеш а йолуш. «Груз-такси» олура цунах баккхийчара. Симпалате аглор йирзина лаьтташ яра иза. Кхьолина, гуьйренан де дара, хлинца а шельяла ца йолаеллера.

Юхъанца тоьпо човхийна тоба, юха а дена тлеглоьртира обглазлонца. Дас чапха дласа а тоьхна, топ тлелецира царна. Оцу меттхь Исмаьлил орцах кхечира, цо «ледал» а элира, юха туьканахь тиша эчиг схъаобцуш гульеллачу оьлана юккьера баьккхина цхъа мекхабоьлла глуй а айбина юхатуьйхира и тоба. Уьш машенан тле хъалабевлира, тлехъара, цхъаь бен йоцу дечкан нел тлекъоьвлира, тхов тле хъалатесина гата охъа а хьобцуш. Машенан сирачу гатана тлехь кегий, аьнгалийн гоьрга-деха кораш дара.

Дас топ айьира юха а. Тлехъарачу оцу наьларан тлехула кхозу гата хыла айделира, къона метишка ара хъаьжира. Цуьнан карахь бер дара цхъана къорзачу кладийна юкъахъарчийна. Дас топ охъаяхийтира. Машен Симпалате аглор даяхара и метишка ехха ара а хьобжуш.

Шоллаглчу дийнахь туьканна хъалха гата доцуш «Газ-51» машен сецира. Охъа ца вуссуш, кузов чохь ирахь лаьтташ дега, лакхара охъа цхъаь дуьйцуш ши стаг вара. Клант, дена улло а хлоьгтина, хыла хьобжура цу шинге. «ледало хлума ца бахахь, аса-м дладоьрзуьйтур ду. ледалца дерг...» – бохура цхъаммо.

«Оцу машена тлехь лаьттачу шина стагах «ледал» муьлха ву-те?» – бохуш оила йора кланта. Машен а лекха яра, цунна тлехь лаьтта ши стаг кхин а лекха, ирах, стигла хыла хетара клантана. Вист ца хуьлуш лаьттачу шоллаглчунна тлехь холхазан сира куй бара. «Иза «ледал» хила мега» – аьлла, хетара хлинца клантана...

Иштта, цу дийнахь дуьйна «ледал» боху стаг билгал ган лиира клантана. Симпалате вахана-веаначуьнга хоттура наха: «ледало хлун боху? Вай цла маца дохуьйту боху? Бакъонаш схъа маца ло вайна..?»

Мехкадаьтта дутту аьнгалин шишанаш долу чиркхаш летадо. Иттхь цла ду кхузахь, бен башха доцуш дина, тхевнаш латта тесина, тлапа ду, цленошна гондахъа керташ яц. Кхеран туька эвла йистхь лаьтташ ю, цунна тлехъашха, юьрта чу ца хъевзаш Симпалате боьду некъ бу. Аьхкенан хенахь машен тлехъйолуш боккха ченийн клур глотту, кхузара латта гламаран долу дела. Юьртана къилбехъа, яхалашха, малхбалеххый, малхбузеххый дласа, лекха лаьржа пен хилла лаьтташ зезийн хьун ю. Ткъа важа ерриг аре ю, Казахстанан йист йоцу аре, блястенца, май баттахь зезагаша къарзъйна лепаш, гуьйренца, сентябрехь, шийлачу махо бумбареш а идош.

Юха, оцу махах дарц хуьлура, лайн даккхий чимаш дуькъа, букара хаьвзара. Шийлачу, луьрачу дарцо адам а, эхха а шен-шен чу лоллура, лачкъа меттиг йол-йолчу. Клант, шел ши шо жимахйолчу йишица, чохь вуьсура, дарц саццалц. Нана, шен доккхачу коргалих а хъаьрчий, ара йолура, хлокху шинна тлехула члуг а тосий, шен глукхашка.

Юха цхъана луьйранна дарц сецна карадора, глорийначу корах млараш хьокхий ара хъаьжча, дуьне хьулдина луьллуш клоргало хуьлура, глоттучу малхо

цїйдина тачанаш дехкина. Неларш чохьа еллалуш яра. Ло дласахьокхуш арабовлура. Блаьргех датон мехий литталуш санна хала хуьлура лайна тлехула длахьажа. Голлец лайла дахана лаьттара хуьнахара зезнаш. Даккхийчу лайн литтанаша хуьлдинчу тлапа тхевнийн туьнкалгашчуьра нийсса ирах, екхначу стигла хьала оьхура сийна кларраш. Шелоно морцура юьхь, лергаш, куьйгаш.

Еха хуьлура лаьнан суьйренаш. Клентан денда ша, кьаьстина, лаш вара, гена воцуш. Цуьнан шен зуда яра, клентан ден десте. Цо аьхка бедаш а кхиаьой, гурахь, глура йолаелча, уьш ланна йойура. Тилаьой, чо-ко схайоккхий, тоьлий чу хьалаухкура и бедаш. Цу шиннан цла чу воллушехьа, учара аьрру аглор чу йоьдуш яра и тоьла, лаьттаь яхна ламийн киртигаш а йолуш. Шийлачу учара дуйна, тхов лаьцначу блогамаш тлехула кхозура ден дестечун бедаш. Йисинарш тоьли чу вахьа йохура.

1944-чу шарахь хлорш ледало Кавказера бохийна, Симпалатехь шалон тлера охьабаяхна хлокху есачу ара, клоргачу лайла охьакхиссича яхна яра иштта тоьланаш, тлулг санна долчу глорийначу лаьттаь. «Тоьла» аьлла цле йисинера цуьнан, цїйнаца цхьана тхов клел а йолуш, иштта и бедаш а, картолаш а чохь латтош, цигарчу оьрсаша ма оллура, «погреб» хиллера цунах. Кагдинчу шекаран цинцаш санна кьегара оцу тоьли чохь лаьттан пеношца йолу глура.

Еха, шийла лаьнан суьйренаш, пешахь догуш баганан дечиг, пеша тлехь, зайли чохь кхорзуш кегийра хедийна бедан жижиг. Сибрехан глоронехь кхаьрзина жижиг санна керлий, мерзий кхача хуьлуш а ца хиллера, кхин тле а ден десте юург чомахь кечьеш цле яхна а яра.

Кора хьалха, стола тлехь шиша долу чиркх а богура. Шина доккхачу стеган оти, блаьргашна аьхна, синна хьаам бохьуш серлайоккхура оцу шишанна чохь йогучу клайчу цларо. Сийначу аьнгалехь чекх гора стогара чуьра мехкадаьтта, цу чохь шалха йоьжна луьллу милт. Дедас, глорийначу лохачу кора тлехула пена тле оьлдинчу календара тлера кехат сьхадоккхура, доьшуш лара, юха олура де мел дахделла, бут маца цинбелла, кхин а. Хьаьжна ваьлча кланте дларора календаран кехат. Йоза ца хуу хлара цу тлерачу суьрте хьоьжура, даккхийчу а, кегийчу а терахьашка. Цхьаццадерш цлен басаршца хуьлура терахьаш, йозанаш. «Сидмой наябир», «Перой май», олуш цхьа «паразникаш» а хьахадора баккхийчара нагахь. Церан цлен кехаташ хуьлура календара тлехь, цхьа самукьане суьрташ а. Кьаьсттина хазаетара клантана «Сидмой наябар паразник» олучу дийнахь хуьлучу кехата тлера суьрташ: тоьпашца глзкхий, белшаш тлехула охьа, глода юкьехула а патармаш дихкина, юкьаь йихкина цхьа яккхий еха тапчанаш йолуш, куйнашна, хурашкеш тлехь цлен седарчий долуш. Церан керахь а, царна тлехула а цлен байракхаш хуьлура, йозанаш долуш. «Уьш хлун деш бу? – аьлла кланта хьаттича, «ледал доккхуш бу» – элира ден дас.

Деден цхьа киншка яра. Жимачу кора клеллахь, пенаца лаьтгачу паднара тле хьала волий, газанан кледачу цлоки тлехь оцу кинишки тлерачу сьурташка хьоьжура клант вехха. Ленинан, Сталинан суьрташ цунна доьвзара, кхиберш хлун нах бу ца хаьбра. Оцу кинишки тлехь дедас цхьацца йозанаш а дора шекьа долучу кьоламца, цхьаммо шегара ахча даьхьча.

Лаьнан юккьехь Симпалатера календар яхьара клентан дас, ша глала вахча. Корал лакхашь, суьрташ чохь долчу гура клел, хьала уллура стомма, цхьа а кехат сьхадаккхаз а йолу, керла календар. Юха, хлора сарахь, дедас цхьацца кехат сьхадоккхуш, календар юткьлуш сагатлора клентан, цхьа мерза синкьерам лахлуш, бешаш санна.

Оцу деден киншки тлехь цхьа сурт дара клантана члогла тамашена хеташ: ирахь лаьтташ воккха стаг вара, верзина. Газанан санна маж а йолуш, коьртахь йоккха, хьирчина никлапа а йолуш. Иза шинне а куьйгаца шен керарчу шалха

ирах хьовзинчу злокберган ехачу гложатле букар а вахана лаьттар, ойланашка вахча санна. Цуьнан глодаюкбах го а баккхина, ши ког кьовлуш охьадоглуш буржалш дара. Хьалхарчу когех иштта буржалш а дохкуш, аькка байтлехь шена гина говр дагайоглура клантана и «лай» гича киншки тлехь. Цхьана меттера яьжна яьлча дехьа кхоссалора иза, ког ца баккхалуш. Кланта дедега и стаг мила ву хаьттича: «И лай ву-кха», – элира...

...«Тедало» ша сих-сиха дагавоуьйтура клантана, стохка ша туькана хьалха мелла а кхунна «гучаваьлчхьана». Цхьана хазачу, довхачу дийнахь денда волчуьра шен цла вьодуш вара хлара. Аьрру аглор сийна, лекха, кхузарчу глзкхиша «бор» олуш, хьун яра, важа ерриг, куьйг санна нийса, аре яра, генахь, дуьненан йистехь сийначу стигланца хотталуш.

Цлеххьана, тлехула, ерриг стигла цхьана аьчган говгланца егош, цхьа инзаре тата даьржира. Клант ладийна сецира, кхин меттах ца валалуш. Юха, стигла хьала хьажа ца ваьхьаш, цлехьа ведира. Гловгла, члаглуш, езда лахьелла тлехьахьаьдира, клант лаьтга охьаталош. Некьана гена доцуш, стаг кьайла воккхуш клорга ор дара, поппарна можа латта даккха аьккина. Вьоддашехь цу чу иккхира клант. Хлинца ирах хьаьжира: лила санна сийначу стиглахь жима, хаза ши кема дара айлуш доьдуш. Цу шиннан, керла даьлла датон эппаза санна, малхехь лепачу тлемаш тлехь кегийра цлен седарчий дара. Цла кхачча нанас, хлара тевеш санна, элира: «Булгане¹ кеманаш ду уьш...»

...Эвла йистехь, хьуьна улло таьлна, ши чойь, учей йолуш цла а доьлна, туьканара схьакхелхира хлорш. Да Симпалате-глала шопар деша вахара, цигахь петар а лаьцна. Наний, кланттий, цул ши шо жимах йолу йиший – кохь диссира цлахь. Да наггахь, баттахь цкьа-шозза цла воглура. Дешна а ваьлла, «Тедало» цлена машен схьаелча, кера а хаййна, «руль» а хьовзайойтуш, машен хохкуьйтур ю аьллера кланте.

¹ Булганин Н.А. (1895–1975) – Сталинан заманчохь лаккхара Тедалан белхало, тлеман глулакхан министр.

Ночь войны без конца и без сна.
 Отбомбили. Не нас. А кого
 Вдруг застал этот «бал при свечах»?
 Кто бомбил нас, рад, если жив,
 Две удачи – жив и герой.
 Ну а тем, кто сможет пожить, –
 До другого налета –
 Отбой!

***

Все помнить долго –
 вот здоровья признак.
 А память горькая? Как с нею быть?
 А так, чтобы не мучил
 старый призрак,
 Сама решу, что помнить, что забыть!
 Скажу себе: – Прости! Прощай!
 Не усложняй, а упрощай.
 И, по-иному расставляя вехи,
 Пойму, – ведь женщина не так глупа,
 Что были не грехи, а лишь огрехи
 (Я получила в жизни «на орехи»),
 Зато нашлась заветная тропа.
 А памяти скажу: – Прости! Прощай!
 Не усложняй, а упрощай!

Набег

Набег – ворота на засов!
 К бойницам все, к бойницам!
 А тем, кто все еще боится, –
 Не услышать бодрящих слов.

Набег – ворота на засов!
 Таран – ворота в щепки,
 Опять нас провели ищейки,
 А мастерились под послов.

Набег – мужчины полегли.
 Остались женщины и дети.
 Одна надежда, что от смерти
 Хотя бы их уберegli...

Набег через десяток лет. –
 Где жены, дети? – На бойницах.
 Их не простят, пришли проститься,
 Ведь этот враг положит всех.

Была семья, сам – господин,
 Сегодня – раб, и ты один.

Коварен враг, неверен раб.
 Вчера силен был, нынче слаб.

Все смерть взяла,
 К чему борьба –
 Ни господина, ни раба.

Тиха земля,
 Ковыль взрастит,
 Сто лет набег ей не грозит,
 Но сохранила, что могла, –
 Как память – в черепе стрела.

***

Желтизна фотографии старой –
 Папа, мама – еще до войны.
 Ах, какая красивая пара!
 Как друг в друга они влюблены!
 Годы шли, мы с сестрой подрастали,
 А подростки – не слишком умны,
 И порой мы тихонько смеялись:
 – да они до сих пор влюблены!
 Пусть всему наступает усталость,
 Выцветают со временем сны.
 Но на вечную память осталось:
 – Влюблены, влюблены, влюблены!

***

Я та солома, что бросают,
 Чтобы потом полегче встать.
 Я та солома, что кидают
 В костер, что должен угасать.
 Я не боюсь, ведь я – солома –
 Не для тепла, не для огня,
 Но я готова, хватит слова:
 – Прикрой меня, спаси меня!
 Как будто нет пути иного,
 Я не свеча и не дрова,
 Но разве не нужна солома?
 Хоть, может быть, я не права.
 Но оттого, что мне не ново, –
 Я и нужна, ведь нет беды, –
 Сгорит стожок простой соломы,
 Вам не доставив маеты.

***

Не милостыни – милости прошу,
 За то, что посягнула на святое.
 Анапест, ямб, хорей –
     со мною в ссоре,
 Но от своих стихов не откажусь.
 И пусть меня одолевает грусть,
 О ценности стихов с собою споря,
 Я ночью, может быть,
     поплачу с горя,
 Но все ж –
     от слов своих не откажусь.

***

Алхимия – древнейшая наука
 И до сих пор всем будоражит кровь.
 В одну пробирку –
     ненависть, любовь,
 Добро и зло сливая без разбора,
 Ты, взбалтывая, не забудь,
 Что ищешь истину!
 В осадке – муть.
 Кристалл рождается лишь в чистоте
 раствора.

Баллада Шелкового пути

Долгожданный оазис – пустыни цветок –
 Всех собрал у костра, кто устал и продрог.
 Разговор – что в цене – кофе, шелк, хна иль жемчуг,
 Где засада, болезни, высокий налог...

Мудрый старец сказал, помолясь на восток:
 – Если голоден ты, зятяни поясок.
 Не воруй – и воздастся, услышит Всевышний –
 Есть рука, что подаст тебе хлеба кусок.

Будет проклят навек, кто развяжет войну,
 Понесут его дети позор и вину.
 Благодарная память тому достается,
 С миром кто возвратит процветанье в страну.

Ложью ты оскверняешь не только уста,
 И на свете сильнее всего – доброта.
 Никому не грози – сам не будешь бояться.
 Верность в дружбе пусть не омрачит суета.

В этом мире для каждого тьма есть и свет.
 Кто умен, тот слушает добрый совет.

Тауз Исс

Путешествие в полдень

Сатура*

Встанешь утром, пойдешь к полдню и найдешь себя...

Осень блеснула в одно из утр золотой лозой, легшей в середине виноградника молнией. В окно в другие времена приходило другое: победоносная звезда, свершившаяся крона, черная вязь сада, голое, одинокое небо и всегда молчание, отвечающее молчанию. Огненное лезвие молнии ширилось, виноградник сгорал в его пламени, и черно-фиолетовые плоды, раздавленные, вытекли пряным, розовым молоком. Огонь, неудержимо разрастаясь, побежал в горы и вошел в море. Золотое жало осени жгло мир. Мир менялся, ветшая и обновляясь в золотом сечении, где уравнивалось время света и время мглы. Наступало прозрение в неожиданных днях и снах, в плазмах мерцаний, в зеркалах паутин, в горсти листьев и звезд, в пенах, в песнях, в одиноком сердце... И над всем стояло молчание, и Млечный путь тек по ночам поверх всего. Причастность ко всему происходящему ошеломляла – мир менялся, оставаясь неизменным, дробился красками, перетекал, утолял и утолялся. Безголосый любил это время, время грусти и красоты. И люди, вздыхая, говорили: «О-о-о-сень...»

Ничто не осталось неподвластным ей: дороги, горизонты, время. Золотая нить стала золотым ореолом, действием. Все свершилось, вернулось в исходную и снова началось, щедро и победоносно. Золотой ручей, вытекший из точки, горсти, рассек собой время, неся в своем русле лаву, переплавляющую мир, надевая его смирением и славой, вулканическими красками, наготой правды, забвением и памятью, кротостью и силой. Золотой челн плыл в бесконечном мире, сметая горизонты и кроны, и парусами его были сияющие вершины. Испить золотую чашу до дна, увидеть сине-золотое небо и белую реку, уповать на невозможное счастье, быть в середине миров: в безвестности и безграничности; уповать на сны, умирать, воскресать, уходить в пророчества снов, удивляться каждому дню, искать слова среди немот и пауз, признаваться в любви тишине, ждать, уповая на Того, на Кого можно уповать.

Прошлое казалось несбывшимся и прекрасным, будущее – еще более прекрасным и невозможным, и сегодняшнее мгновение напуганно вело.

Меч и мост, разделившие и соединившие мир, блеснули и погасли, растворились в мире единства и множеств. И стояли дни дождей и ночи звезд. Жизни Безголосого, идущей втуне, хватало самой малости. Эта малость была великим, неисчерпаемым достоянием: солнце, вода, воздух, земля и хлеб. И еще множество – открывающееся, лишь перестав быть. Всегда было время не удивлять, а удивляться, не брать, а отдавать, не учить, а учиться. Время заточения и свободы, время уз и лишений, слепоты и прозрений, сумерек и рассветов – время жизни. И тот, кто мог читать ее письма, тот читал: в палых листьях, в уплывающих облаках, в стаях птиц и рыб, в восходах и закатах. Мир всегда был открыт, полон неиссякаемой любви, равновесий.

Так шло время, и люди снова говорили, вздыхая: «О-о-о-сень...»

Зажженная однажды золотой свечой, осень пировала, чтобы сбывься до предела и... оборвавшись, истлеть, вручая себя светоносным снегам на горах, неге снов.

И, когда выростали белые факела дальних вершин, хотелось отрастить крылья, чтобы очутиться там – на сияющих высотах, и оттуда увидеть самые крайние пределы – тройные горизонты, застигнутые взором, и так стоять в тишине, сквозь которую будет слышен ровный гул, идущий из небесных сфер и земных недр.

И там, быть может, услышать весть, идущую от вести, истину, разоряющую

душу прямоюй, откровением и чистосердечием, наподобие детского лепета, в котором мир может продолжиться, тешась ничем.

Взлелеять тайную, несбыточную мечту, рассказать всем, выпестовать другую и снова оставить, узреть тайну в явном, видеть призрачность и колдовство мгновений.

В самом укромном уголке тишины изведать неведомое на языке неизвестности – там утолить жажду, чередуя шепот с шепотом и молчания с молчаниями.

В убогом мире быть убогим, зачеркнуть все, словно задуть свечу, следовать сердцу...

Медленно разворачиваются осенние розы, пламеня пурпуром, следуя закону мирового развертывания.

Еще будут последние всходы перед зимним равнодейством, последний взлет. Самое нежное, милое тепло вырастит их в эту зимнюю пору, а потом розы закует прозрачный лед, сквозь который они будут светиться.

И тогда проснется грозный, зимний зык моря – большая синяя вода, с шумом и яростью идущая из бездны, чей рокот поглотит все звуки мира, и под этот зов – долгий сон, раннее, сумеречное утро – окно, недвижимое небо, звезда.

Она придет в одно из голых, безголосых утр, сквозь призрачный тусклый рассвет, сквозь обугленную вязь сада, мерцающая и напутствуя обездоленный, продрогший, разоренный мир. И Безголосый пробудится к жизни.

Так, воскресая утрами в занавешенном сумраком окне, звезда Безголосого воскресала и, тихо сойдя с небес, открывала дороги живущим – благостная и терпеливая, обрученная со светом. Звезда исцеляла душу и сердце среди нагот и безголосий. Ее безмолвная красота озаряла надежды в великом саде жизни.

Безголосый предался молчанию, отнявшему все слова...

Молчание и тишина говорили больше, чем слова. Слова были из другого мира, оттуда, где царил хаос. Потеряв свое изначальное соответствие, слово перестало быть. Эта утрата, разладившая мир, несла в себе все беды. Все смешалось: правда и ложь, насилие и великодушие, добро и зло.

Молчание и тишина жили в зеркалах, кладбищах, храмах, небе, в каждой вещи и в человеке. И время познания было впереди. Знать о незнании, следовать очевидному, утешаться малым, хранить неизведанное, утоляться каждодневным, жить в благодарении, избегать суеты, стоять в молчании, ничего не желать, трудиться в поте, думал Безголосый. И звезда приходила и молча звала.

Спросила однажды капля меда у слезы, почему ты такая горькая? Потому что настояща во мраке темницы – человеческого тела, на цветах горя, а когда я выхожу на свет, то участь человека облегчается. Ты же возвращена на солнечных цветах и любви, но твоя участь – быть замурованной в темницу и, если ты пробудешь там дольше обыкновенного, ты тоже будешь горчить, – ответила слеза.

Утро проснулось от долгого-долгого грома, и на душе стало уютно и спокойно. Мир жив. И мы продолжаемся, как это долгое раскатистое эхо грома – музыка величия, силы, умиротворения. Далекий гром зывал заспавшийся мир к жизни, к новому дню. Весь день лился мягкий, тихий дождь. Под вечер брызнуло солнце, и на горах открылись облака и показались заснеженные вершины, а внизу на вершок поднялись травы. Так продолжалась жизнь. Люди бросали камни и палки в большое ореховое дерево, сбивая плоды, забыв, что дерево само отдаст их. Надо бы сделать день воспоминаний, подумал Безголосый. Впрочем, чем мы занимаемся всю жизнь, как если не вспоминаем себя.

В той сгоревшей в первой войне рукописи было: «Воспоминание воспоминаний...» Терпкое воспоминанье, вечное воспоминание, воспоминание о воспоминании. Воспоминание о сгоревшей в войне рукописи... Сгорели люди, дома, воспоминанья. И с этим, как вихрь, воспоминаньем...

...Дождь пошел, передумал, опять пошел, опять передумал и пошел, стих, перестал, опять начал и так целый день на побережье.

Ночью прилетела большая, цветистая бабочка – лобызать электрическую

лампочку, и пыльца осыпалась с ее детонирующего тела, и крыльцо ходило ходуном от ее эха, и где-то ковырялся гром, и вытекло две-три капли. После полуночи обрушился ливень, и бабочка погасла.

В ту последнюю зиму в Вавилоне приехал друг, раздал обездоленным солнце и, сказав: ловушки, кругом ловушки, – вернулся к себе сторожить мазар.

Дом, в котором Безголосый снимал последнюю квартиру, стоял в овраге. В зеркале сумрачной прихожей жили две-три искорки и несколько царапин. Иногда появлялась муза и, дразня язычком, исчезала. В одну из зимних ночей с верхних этажей кто-то выбросился, как окурок. Так выбрасывались в окна общежития – в год один-два полета.

В начале лета овраг заволакивало тополиным пухом. Между полуднем и вечером в овраге стояли золотые лужи света и так, долго стоя, тихо подрагивали. Когда голуби, жившие неподалеку, садились сюда, пух медленно взлетал, и золотые лужи начинали плескаться.

Иногда Безголосый выходил в город. Самые роскошные места в городе были отданы прожженным пьяницам. В метро бегали крысы и люди. Встречались лежащие в полной нирване. Одному отгрызло стопу, но он продолжал лежать, (как видно, переплыл с Хароном). Некий из лежащих в нирване был самым живописным. Он лежал в главном саду, под сенью высоченной красной стены, в середине большого газона-цветника, раскинув руки, в полном забвении – царь лежащих, йог и кудесник. В Вавилоне занимались своей йогой, и большинство вавилонцев достигли в этом больших успехов, неустанно и ежедневно упражнясь. Главной составляющей вавилонской йоги было приложиться – приложиться, чтобы забыться, не помнить, не знать, освободиться... Эликсир, дающий забытье, покупали дрожащими руками и благоговейно клали под сердце. В Вавилоне царила беспробудная нирвана. В этой вечной тяге к горькому эликсиру крылась неразгаданная загадка вавилонцев, такая же, как и тяга к пространству.

Скоро в мир хлынет тихий солнечный плеск... Часы стали... Красная секундная стрелка дергается, пытаясь выйти из стопора... Время остановилось...

Безголосый перешел в тот памятный день Рубикон. Впереди в сияющей красоте жила обугленная тишина. Река отрезала остальной мир. Сквозь частокот автоматов и мутные взгляды невидящих Безголосый ступил в Страну Души, в блокаду. Здесь носили траур по недавней войне и остальному миру.

Обладатель печати и черного ящика, восковой сиделец и верховный нирванец, смахнув слезу, сел в бронированный лимузин и убыл через свинцовую площадь... электорат безмолствовал... И пришел новый цекатило...

Наверху были горы и реки, а внизу сады и море, и все реки шли в море – это и была Страна Души. Берег.

Время пошло и снова застряло, теперь секундная стрелка тыкалась взад-вперед и была похожа на умирающего насекомого...

Сорванные ночным ливнем пестрые листья лежали ковром, забрызганные дождем и светом.

Празднично одетые гости съезжались, чинно здороваясь друг с другом. Усевшись, отстегнулись, подняли граненные под легкую закуску и выбрали пиарщика моложавого, средних лет, приятной наружности, с талантом оратора, наращивающего жиры. Подняли еще. Полегчало. После каждого поднятия красноречие росло и перешло во вдохновение, которое уже не спадало. Во главе стола сидел известный в высших кругах опытный пироман, работающий, не покладая рук и челюстей. Чокались. Голоса возвышались. Начали кричать и перепивать друг друга, потом перекрикивать, затем начался гвалт, перешедший в лай и... грянула песня. Один из пирующих – бывший ассенизатор и ныне большой геополитический столп с необычайно живописным животом переел, перепил, перекричал, переговорил, перепел всех. Он пил батареями и, одновременно успевая в этом, ел, общался со всеми, продолжал говорить часами, пока наконец не испарился... Через время он снова возник и его неутомимая рука с ходу начала загребать салат и пригоршнями совать в рот. Кто-то пытался все

время через несколько столов узнать имя прелестницы, сидевшей с ангельским видом. Горы яств не истощались и все продолжали прибывать. Опять грянула песня.

В это время на пиру появилась рыхлая женщина, с землистым цветом лица и лихорадочным блеском глаз. Она прошла по всему пиру и затем остановилась как вкопанная возле самого обильного стола. Ее появление и присутствие ни у кого из пирующих не вызвало ни малейшего замешательства. Скорее всего, ее никто не замечал или не хотел замечать. Она осторожно, словно боясь, что они исчезнут, подошла к яствам. Неизвестно откуда, в ее дрожащих руках появились сумы. Прежде чем она приблизилась к горе кушаний, ее тело стало ходить ходуном и, сделавшись множеством разных частей, начало бросаться на съестное, а руки тем временем торопливо запихивали съестное в сумы, в мгновение ока наполняя их. Она исчезла так же, как и появилась. Пир продолжался...

Все часы были вдребезги разбиты... Шел нерушимый распад...

В детстве Безголосый мечтал поймать солнце. На закате оно, свернувшись, становилось с желтый, красивый мяч и так стояло в ложбине гор, перед тем как уйти за гору. Куда оно уходит и как далеко, ведь, если взобраться на гору, его можно потрогать и даже поймать, чтобы оно всегда было со мной, думал он. А теперь та гора и то солнце были далеко – с обратной стороны, а Безголосый там, куда уходило солнце, на берегу, окраине мира, где жила обугленная тишина и солнце закатывалось в море.

...Безголосый идет за солнцем, а солнце уходит и снова появляется и снова уходит и снова взлетает и стоит над головой, скатывается, ходит, ходит кругами. Безголосый идет под солнцем, чтобы дойти до последнего горизонта вместе с солнцем, где солнце остановится чуть дольше, чем всегда, и там найдется приют, чуть ближе, чуть дальше, во все времена жизни.

Холмы, стекающие в море, покрылись огненной вязью... Самый памятный день – завтрашний, самый длинный – в котором ты ничего не сделал, самый короткий – в котором ты успел сделать много.

Солнце уходило золотой дорогой, которую оно вымостило плавающим светом, и море шевелилось упруго и мягко, и белые птицы летели медленно к ночи. А наверху парила чистая белая вершина. И каждый был героем своей судьбы.

Наверху было небо без малейшего изъяна, полное звезд, а на земле ночь и сон и впереди – завтрашнее утро, как живая родниковая вода, и новое солнце повсюду.

Сквозь сожженный ливнями сад – голое, безголосое небо. Небо любви, воскресающее, зовущее к жизни, небо жизни и в зеркале одинокого неба – венок сада, замерший, нисходящий в сон.

Они жили в негласном обете молчания: небо, сад, окно, Безголосый. Вспомнилось уже давнишнее: когда он замолчал в первый раз, кто-то сказал, шутя: надо побить его камнями, чтобы он заговорил. Тогда он еще не знал, почему молчание вселяется в него. Сейчас, когда вокруг было так много послевоенной тишины, в которой слышался зык моря, ему начало казаться, что он, вспоминая, вспоминает праязык и что молчание нужно для того, чтобы наконец вспомнить его. Иногда в дремах он читал странные древние письма и, прочитав, тут же забывал, и это чтение повторялось почти ежедневно, утомляя его. Но, наверное, чтобы вспомнить праязык, надо по-настоящему постичь тишину, ведь в начале было безмолвие. Сколько же надо молчания, чтобы оно заговорило, освобожденное от кабалы каждодневных тусклых слов, на первозданном праязыке... Однажды пришедшие в несоответствие слова со временем все более и более утрачивают свое истинное предназначение, вселяя в людей смуту, недoverие, страх.

Небо огромно, как никогда. Оно стекает, струится голубым золотом. Всюду мягкое мерцание. Вершины мерцают на море, и море мерцает в вершинах. В нем открылись самые дальние потаенные двойные горизонты, и в них высверкивают

редкие дневные звезды. Безголосый который год слушал море. Окольцованное темно-синей каймой двойных горизонтов, оно кишело алмазами, его сек свет, и свет вставал в ослепительных восходах. Море вращалось бескрайней спиралью, бесчисленными кругами и, подолгу смотря на это вечно движущееся чудо, Безголосому показалось, что впервые встречается с морем и что, может быть, заветный праязык родился и вышел именно из воды, из моря.

А затем отворилась река, отворенная молнией, и хлынула в мир...

Был всегдашний сон о белой дороге. Она шла наверх через горы, руины, каменоломни, рядом с рекой, мимо древних башен и замков, стоящих на скалах, все выше и выше, через множество преград к твердыням и странным письменам, символам, знакам, будто виденным давно и давно забытым и теперь смутно вспоминающимся. И все это изумляло силой и красотой. Эти видения, наверное, приходили оттуда, когда был жив праязык, и в этих снах казалось, что вот-вот откроется тайное, идущее из истоков. И Безголосый, идя по этой дороге, вспоминал, что все, что он видит, он когда-то уже видел. Они были прозрачны и чисты, эти ночные видения, и красивы. И ему хотелось, чтобы они приходили снова и снова.

О первая звезда, приблизься, как приближаешь ты разлуку!

Безголосый вернулся из вещего сна, в котором видел свое село, сожженное войной. Дома зияли черно-красными ранами, и высокий берег был низведен, съеден до основания, и река, река детства, всегда берегавшая село, разбежалась, разделилась и не могла собраться. Сверху, с птичьего полета, село казалось островом, на котором бушевали две стихии – огонь и вода, и все было неузнаваемо, огонь и вода не могли остановиться. Потом пришла тихая, утомленная женщина и сказала людям, сидевшим в подземелье: «ОН вас любит...» – эти слова тронули сидевших до глубины души, и они прозрели. Они поняли свою общность и общего дела.

Того, кто вспомнил праязык, убил снайпер в начале второй войны.

Звезда вернется в мир, в котором все сожжено, утрачено и оплакано, и прочитает свою тихую сутру...

Там, у моря, есть разноцветное дерево, на паутинках которого висит золотая колыбель. В ней спит младенец и в его изголовье лежит крохотная книга величинной в самшитовый листок – книга знания, и прочитать ее может лишь тот, кто знает язык детей, не знающих языка.

Безголосый стоял над рекой, чистой до дна. Вода бежала, как нити в челноках, и в глазах рябило от ее бега. Отсюда до моря был один шаг. «Расскажи свои сны уходящей воде», – вспомнилось ему. Река была беззвучна, лишь иногда кротко всхлипывая по краям. Здесь, у последней черты, она безоглядно входила в бескрайнее море.

После птиц осыпаются листья, после листьев осыпаются гнезда, после гнезд осыпаются звезды, а потом осыпается... сердце.

Тысячеустый рынок, взбудораженный будущей датой, вибрировал, умножаясь суетой.

В гулкой железобетонной чаше, перекрывая людской гул, стоял механический треск. Верху огромных плах мясного ряда надрывно срезала бензопила, обновляя их в канун великой даты для нового мяса. Вокруг стояли мясники с толстыми топорами, то и дело рубя ими. Щепы, разлетаясь, царапали людей.

А на улице в ладонях улыбающегося мальчишки сидел белоснежный голубь, вращая черными глазами. Внезапно он выпорхнул из детских рук, увеличившись в размере, и, стремительно уходя, вошел в полдень, расплавивший все тени.

Оттуда, из золотого полдня, объявшего все горизонты, молниеносно предстало: Свет Творящий видел Единым взором каждую былинку, каждое существо, каждого человека...

* Сатура (от лат. *satura*, буквально – блюдо, изготовленное из смеси разных плодов; всякая всячина) – жанр римской литературы, первоначально – соединение разнообразных по форме и содержанию стихотворных и прозаических произведений.

Шамсадов Муса

Сан безам

Со хир вац цхьа хан-зама яълча,
 Амма лаьмнаш
 Хир ду ондда лаьтташ,
 Хьалалаьчна стигал – сийна тхов.
 Хир ду Орга сийна, зевне тулгеш
 Бердах етташ,
 Углуш, вота етташ.
 Хир ю длогоахь лаьтта шира блов,
 Хара некъан йистехь тохку тулгаш.
 Хир ю хьаннаш, олхазарша екош,
 Хир ду дети санна, малхо лепош,
 Лаьмнийн блярхиш –

сирла шовдана.

Зезагаш а хир ду кхарех тера,
 Мелчу махо эсала техкош. Амма
 Кхин илланча цара хьобстур ву.
 Цо шен хенахь, ас тахана санна,
 Доггах безаш Даймохк хестор бу.
 Дохур ду цо лаьмнех керла иллеш,
 Дог ца лебаш церан хазаллах.
 Хир бу цуьнгахь халкъе бехам,
 гиллакх,
 Вехар ву и масал оьцуш дех.

...Цхьа хан-зама яълча со хир вац.
 Амма тлаьхьа бусур бу сан безам –
 Со длаваларх иза лийр ма бац –
 И Даймехкан сих дайина беха.

***

Кхузахь сан цла дара лаьтташ,
 Малхехьа кораш а дерзийна.
 Бомбано длашарди и лаьттах.
 Бар дисна бешахь цхьа, дерзина.

Цу цийнан тхов келлахь берийн
 Говгланаш, беларш а зевне,
 Дла ца туьйш, хаддаза декара.
 Хиндолчу ирсах со тешара.

Амма тлебеара бода,
 Де кхолош, бохош сатийсамаш.
 Лакбийра цо ирсан шовда,
 Дахарехь беш ирча хийцамаш.

Ор ду цла хиллачохь хьалха.
 Берийн да – со висна цхьалха.
 Сан даг чохь лазамаш, эшамаш.
 Ца ека кхин зарзаран эшарш а...

Кхузахь сан цла дара лаьтташ,
 Малхехьа кораш а дерзийна...
 Тамо со бухваьккхи лаьттах.
 Са ду сан лелаш цхьа, дерзина.

***

Танкаш бухахь дахар хьаьшна.
 Кеманаша латта аьхна.
 Ялтийн метта минаш йийна.
 Теман хьеро синош аьхна.

Кху дуьненан еа маьлехь
 Тамо йина чевнаш, даьлнаш.
 Лаьттан кийрахь – латта эькхал
 Герзаш, бала, лазам лаьлна.

Адам-жлаьлеш цийх ца леба.
 Бераш – адамаш даьа лема...
 Маржа-ял, дло анайистал
 Дехьа вала доцу темаш!

Сан дог инзардаьлла тламах,
 Лазам, бала боьлла тамарх.
 Дела бехьа тхox кьинхетам,
 Кьобал ехьа ахь тхан тамал.

Доьлхуш ду тхо бердах, тилла,
 Герга ду тхо хиллакхила.
 Дела бехьа тхox кьинхетам,
 Лохьа тхуна собар, кхетам!

***

Со инзарваьлла
 Адамийн кьизаллах.
 Со дуьхьал ваьлла
 Ца ейта хазалла,

Вайн берийн аганаш херца ца дайта
Мискачу наношна вонаш ца гайта.

Х1ай, кьиза, акха адамаш-берзалой,
Далийта шайн герзаш
суна т1едерзадай, –
Сан ц1ийх аш лабаде
дегнаш шайн дера –
Сайх сагладоккху ас дуьненна т1ера.

Шу ду-кха дуьненах
Баланийн ц1а динарш,
Адамийн лазамах,
Ц1ийх шайна са йинарш.
Шу ду-кха аганахь
малийкаш дайинарш,
Лабтгах ц1е яккхинарш,
Адамалла яйинарш...

Со инзарваьлла
Адамийн кьизаллах.
Льбу ас дахарехь
Кьинхетам, дикалла.

***

Вайн дахар доьдуш ду галдаьлла.
Кьинхетам, эхь-бехк а д1адаьлла.
Ондачун 1едал ду – схьайоккхуш,
Новкьаверг,
бакьлуйшверг д1авоккхуш,
Тешавой, гур буг1уш, ког тосуш,
Дезшнарг, мисканиг д1атосуш,
Тешнабехк, харцо еш стагана.
Хьекьалдерг ца лору тахана.
Бахамберг, уйрашъерг айвина.
Г1ийланиг вууш ву лай вина.

Акхаройх тера вай а хилла-кха.
Церан а ду иштга г1иллакхаш.

***

Девзи дахар, ницкь сайн т1емийн,
Девзи чемаш кьаьхьа, мерза.
Хийла мукьам баккха 1емаш,
Ас пондаран хедий мерзаш.

Дукха ду со кхиьнарш т1аьхьа:
Латта ду вайн т1ех исбаьхьа,
Кху дахарехь леа хьакьдерг
Хилла безам, марзо, бакьдерг.

Со ца кхуьуш т1аьхьа диснарш –
Кхин а дукха. Анайистал
Дехьа юйлуш лела оила,
Цунна карош яц-кха г1овла.

Кху дуьненахь дукха вахарх,
Ахь мел шорта гулбарх бахам,
Цкьа лахьти чу веза верза.
Дуьне ду-кх ахь диьнарг мерза,
Даг чохь богуш малх – хьан безам!

Девзи дахар, ницкь сайн т1емийн,
Девзи чемаш кьаьхьа, мерза.
Дег1, са кхоо со ца 1еми-
Ас сайн деган хедий мерзаш.

***

Халкьан барт ийг1ича
Мохк ц1арах богу,
Махкана доладан,
Кьола дан бог1у
Ямарт нах, кьуй, бохкабелларш,
Халкьах а Делах а бевларш,
Ц1ийх хьаьгна чаг1алкхаш йог1у,
Хье боцу варраш а дог1у.
Х1умма а ца кхоадо цара:
Я халкьан сий а
Я ц1ий а.

Сихло уьш кисанаш дуза,
Сихло уьш буза,
Д1адохка
Эхь – бехк а, синош а, мохк а.
Цхьа х1ума дац церан сийлахь.
Сакьоьруш, мерзаниг дууш,
Беа уьш,
Кхел юй ца хууш,
Мохк богуш,
халкь керчаш ц1ийлахь.

***

Дайша коьрта лоруш хилла
Оьздангалла, г1иллакх.
Тахна к1илло ойбу наха,
Елахь цуьнан уйраш, бахам.

***

Нохчийчу коьссинарг суна
Кхета со мел генахь хиларх.
Нохчийчоь, ирс ду-кх хьо хилар.
Сан са а дахар а – хьуна.

***

Бакьдерг дийца оьшу кьонах,
Вухуш воцург дарцехь, вонехь.
Бакьдерг толо араваляхь,
Хир бу хьуна лазам, бала.

Бурчаев Хьяьлим

Йагин хазахетар

Йага цлийнан пурхахь хиъна лаш вара, шеца шиъ жима стаг а волуш хлокхуьнан лулахо керта веъча. Лулахочуьнца берш Йагина бевзаш бацара. Цу шимма, Йагина мара а обккхуш, могош-парглат хаьттинчул тлаьхьа, лулахочо элира:

– Йага, хлара шиъ армехь волу вайн клант Бойсаглар вевзаш веана ву. Хлара, – цу шиннах хьяьрса месаш йолуш лекхочу деглехь волчуьнгахьа куьг тесира цо, – хлокху деношкахь армера отпуске веана куц ду. Бойсаглара, шегара хьал-де дийца, кхуза кхетахьара аларна, ша длавахале, хьуна гучувала веана ша, боху кхо!

– Ой, дела ва шуьшиь могош а, маьрша а! – хазахетта хьяьвзира Йага. – Хьяжахьа, хлинца леррина кхуза веана-кх шуьшиь, хлара къа а хьобгуш. Схьавало, схьавало, чохьавала, – бохуш, и шиъ пурха а вайккхина, охьахайира цо.

– Лакхахьа юкьара цла воглуш вара со, хлара шиъ тлевеъча. Хлокхара хаьтти соьга, вайн клоштара армех мила ву аьлла. Суна уггар хьалха дагавеанарг вайниг вара. Ас, Йагин клант Бойсаглар ву ах шо хьалха дуьйна цигахь, аьлча, иза армех мичхьа меттехь ву а хаьттина, шаьшшиь билггал хьо волчу воглуш ву кхара а аьлла, схьадаьрки тхо, – дийцира лулахочо.

Хьяьрсачо цо дуьйцург тлетадира: – Хлаъ, и иштта дара. Хлокхо Бойсагларан цле а яккхича, цу тле иза Москвахь ву а аьлча, со кхийтира тхойша нийса схьакхаьчна хиларх.

– Мичхьара ву шуьшиь? – хаьттира Йагас.

– Мартантлера, – жоп делира хьяьрсачо. – Сан цле Ваха ю. Цо ша цла язdech кехаташ тле со хьахийна хила а мега хьуна. Гуттар а виллина цхьаьна ма вуй тхойша, казарма цхьаь яцахь а. Дукхяхьолахь буса сахиллалц цхьаьна ла тхо цхьаьца дуьйцуш, тхешан цлеранаш хьехош. Цлогла сагатло-кхий цигахь вайн цла.

Цо и дуьйцучу юкьана Йагас клантера деана масех кехат а, кхо-дий сурт а схьайцира тлорказ чуьра. Цхьа конверт схьа а эцна, Бойсагларан адрес а дешна, Ваха велавелира:

– Хлаъ, хлаъ, хлара ю-кх тхан частан номер, – тлаккха, суьрташка а хьобжуш, – Эхлей-т, гора нохчийн клентий ял, хлумма а ледара берзалой-м яц шу! – элира. – Со вац кху тлехь. Хлара сурт доккхучу хенахь командировке вахийтина вара со. Хлара Леча ву, цунна юххерниг тела ву, кхоалгланиг Лобма ву, иза Шалман ву, – цлераш яха волавелира иза цхьана суьрта тлехь болчу салтийн, хлораннан цле ша мосазза яккхи, Йаге дла а хьобжуш, – хлара лаьттарг лумар ву...

– Иза-м хлокху чуьра клант ма ву, – нисвира иза Йагас.

– Ой, ву дера-кх хлара-м Бойсаглар, сихвелла яккхира ас-м кхечуьнан цле. Оха, Штирлиц аьлла, йоккху Бойсагларан цле. Хлай даьдала цу клентан, валлахли ю-кх еккьа цлена цхьа борз-м! – хастьира Вахас суьрта тлера клант.

Оцу хенахь цла кхечира Босбика а. Баьхкинарш муьлш бу хиъча, доза дацара цуьнан хазахетаран. Хлайтбаьлла, кхача кечбеш, пешана гонах а хьийзаш, веанчо дуьйцучуьнга леррина ладоьглуш, шен хеттарш деш яра иза.

– Тлаккха, юург муха ю шун? Д1авуьжийла башха екьа-м яц? Командираш муха бу шуьца – нохчашца? – хоьттура цо.

– Д1аялахьа, нана, стенна сагатдо ахь юучунна а, вуьжучунна а, – т1аьхь-т1аьхьа шарлуш вара Ваха, – кхечу салташка тхайна оьшшург тхайшна т1е йоуьйту оха. Ма ял, нагахь шайна синош дезахь. Хаьа царна оха шайна дендерг. Йиттина, г1иба-м боху тхешан дош кагдинарш. Цкъа Штирлица, аьлча а – Бойсаг1ара, буй тоьхна, мара а кагбеш, охьавиллинера царох уггаре а бохь ву бохург. Ма к1ант а ву-кха хьайниг, ва нана! Ч1ог1а дукхавеза иза суна. Командираш а кхобру-кх цунах, иштта-м тхох-нохчех – массарех а озалора уьш...

– Вай Дела! Ахь х1ун дуьйцу к1ант? – юкьаиккхира, чоьлпа а буйнахь, 1адийча санна, сецна, цуьнга ладобг1уш лаьтта Босбика. – Муха мегар ду шайца болчарна ницкъбан?! Командираша бохург ца дича, эхь дац ткьа? Шайна дуьхьало йинарш цара чу ма бухку. Шен командирна дуьхьалваьлла аьлла, кхо шо хан тоьхна, чохь воллуш ма ву тхан эвлара Мовладин к1ант. Цул хьалха а ма воьллира масех к1ант набахти чу. Дагадог1ий хьуна, стаг, муьлш бара уьш? Х1аь, Майсин к1ант а, хьан шичин стунваша а, кхин а...

– Дера, и иштта делахь, дош-м дац, – т1етайра Йага Босбикас бохучунна. – 1овдал лела мегар дац, Ваха, шу. Шуна т1аьхьа ладобг1на 1аш ма ду шун х1ораннан да-нана.

– Д1адовла, д1адовла, – вела а воьлуш, куьйгаш вовшахдеттара Вахас, – оьцул т1ехдаьккхина х1ума ма ца леладо оха. Эцца, нагахь нисло-кх уьш...

– Нагахь ахь дуьйцург бакь делахь, ас-м, цига шу долчу д1а а еана, сайн к1анта яккха йисина цьха шой, ах шой хан цуьнца ца якккхича ер яц аьлла, хета суна, – баккъала а бохура мискачу Босбикас.

Вахас дош делира, кхин цигахь шаьш вон лелар дац аьлла. Цуьнан накьост, вист а ца хуьлуш, ладобг1уш 1ара кхаьрга, наггахь Вахина т1е б1аьргаш а кьерзош.

Юучух кхеттачул т1аьхьа, жимма кьамелаш деш а 1ийна, ши хьаша д1аваха тохавелира. Босбикас цу шинне а цьхацца коч а, пазаташ а елира, вукхашимма, ца оьшу бохуш, жимма дуьхьало а йина, уьш схьайцира.

Йагас армера веанчунна пхи туьма, ткьа цуьнан накьостна цьха туьма ахча а кховдийра. Ахча схьа а оьцуш, Вахас, ц1еххьана дагадеа шена аьлла, Бойсаг1ар г1еххьа ахча оьшура шена бохуш вара бохург д1ахайтира.

Ахча схьаэца Йага дуьхьал ц1а чу вахча, Босбика цунна т1аьхьаеара.

– Стаг, ладобг1ахь соьга. И ахча почтехула д1адахьийта вай? Хьанна хаьа, оцу к1анта и дожадой я кхин хир? Бакьдерг аьлча, башха дика болх а ма ца хета суна-м иза. Ши б1аьрг бу цуьнан дукха изьхь доцуш, гуттар д1асауьдуш а, цу т1е а, дукха а лоть, – шен шеко д1ахайтира цо ц1ийндена.

– Хьо стенна яц цунна реза, иза леррина вай ган схьавеана хилча? Дера дохьуьйтур ду-кх, бухахь цьха кепек юьсуш яцахь а, х1ара пхийтта туьма-м. Гуттар а ас лелочунна резайоцуш ю-кх хьо, – яппарш а еш, ахча схьайцира Йагас.

– Х1ета, хьайна хеттарг дехьа, – т1етайра цунна Босбика.

Хьеший д1абаха арабевлира. Кет1ахь х1окхеран 1одика еш, Ваха Йагиний, Босбикиний маракхийтира.

– Шек д1а ма довла шу, Бойсаг1ар дика а, осал воцуш а к1ант ву шуна. Нана, хьо иштта саготта ма хилалахь, могаш а, маьрша а ц1а воьг1ур ву хьуна хьан к1ант, – бохура цо.

Цул т1аьхьа ши-кхо де даьлча, Босбикас кехат яздира шен к1анте. Цу т1ехь цо дуьйцура баьккинчу хьешех лаьцна, Вахе шегара маршалла д1адалар т1е а диллира цунна. Иштта бехказьюьйлура иза шаьш ахча цунна к1езго дайтарна а.

Жоп сихха дeара. Бойсаглар члогла цецваьлла вара шега даийтинчу кехатах. Шеца Ваха це йолуш мартанхо а вац, я шен накъостех цхьа а отпуске а ца веана, я шега аш даийтина ахча а ца кхаьчна, бохура цо.

Тлаккха, кIа диьча санна, хьийзо ваьккхира Босбикас Йага, и тIехдетташ. Чувeь-веанчуьнга дуьйцура шен цIийнда баьхкинчара лeвар. Дийцина яьлча, гуттар а тIетухура: – Дера делир-кх оцу жоьлгашна 21 туьма ахча-м хIокху Iовдало.

– Ткьа ахь елла кучамаш а, пазаташ а? – дагадоуьйтура цунна Йагас.

– Ой, ас хIун дийр ду? Хьо а тешча, суна а бакъхийтир-кх цара дуьйцург.

Вуьшта, хьо Iовдал вуйла ца хууш йолу со а ма бац хьуна лартIехь болх-м.

Цул тIаьхьа масех шо а делира. Цкьа цхьана дийнахь Босбика шайн юьртахь хIора кIирандийнахь хIуттуш йолчу базара яха араелира. ТIекхьячча йоллуш яра гуьйре, бераш школе дахадеза хан а гена яцара. Цундела уьш дерриш а, царна тIеюха бедар эца, шеца дуьгуш бара Босбикас. Йага хьалхо араваьллера, докьар цIа дан трактор нислур яц-те аьлла.

Шаш хIинцалц гуттар а санна, цIийнан нел, догла а ца тухуш, тIе а чIаьгIна, кех бевлира уьш. Церан куьпахь, ерриге юьртахь а, нехан хIусамашна кьоладаина меттиг цкьа а хилла яцара. Цундела цхьаннен а дацара ур-атталла кевнашна а тухуш догIанаш.

Босбикин тидам а ца хилира дехьо, некьо голатуххучохь, цхьана дитта кIел охьалахьелла Iачу зудчун. И зуда, хIорш гучуьра ма-бевлли, хьала а гIеттина, цкьа урамехула хьала а, охьа а хьяьжна, шена юххехь лаьтта ши чамда схьа а эцна, БосбикагIеран кевнах чохьхьаелира. Юха а леррина дIаса а хьяьжна, цIа чу яхара. Ша ма-йоддара бедарш чохь йолчу шкафна тIе а яхана, и кего хIоьттира иза. Бедар схьа а оьций, цкьа и дIаса а яржайой, сихха цуьнга бIаьрг а тухий, шена тайнарг чамди чу юьллур, ша реза йоцург шкаф чу охьякхуссура цо. Цо и болх сиха а, совнаха дIасахьийзарш доцуш а бора. Цундела шен ший а чамда юзуш дукха хан ца яйира цо. Тлаккха массо а чохь теллира, цхьацца кега-мерса хIума схьалехьош. Стоьлан гIутахь чохь шена карийначу Йагин паспорте а хьяьжир, юха охьадиллира.

ДIаяха дагахь цо шина а чамданан тIемаш схьалаьцча, цIехьхана кетIара ков цIевзаш хезира зудчунна. Чехкка коре хьяьддачу цунна гира сихьелла чуйогIу Босбика. Зуда, ший а чамда шена цхьацца агIор дIа а хIоттийна, неларехь лаьтгачу гIанта тIе охьахира, шина а куьйга шен чIениг а лаьцна.

Чохьхьяьлла Босбика, цIехьхана цунах шен бIаьрг кхетча, кхераелла юхакхоссаелира. Важа ша хиьналачуьра хьала шен сирла-сийна бIаьргаш хIокхунна тIе а берзийна Iара.

– Ой, хьо мила ю?! Хьо муха кхаьчна хIокху чу? – хьаьтира Босбикас.

Зуда цхьа паргIат, сих а ца луш хьалагIеттира, юха охьахира, тлаккха леррина Босбике а хьяьжна:

– Ткьа хьо мила ю хIокху хIусамехь? – хаттарна дуьхьал хаттар хIоттийра цо.

– Муха-мила ю? Со хIокху хIусаман нана ю-кх! Ткьа хьо?.. Я хьо нийса ца кхаьчна-те? – юха а хьаьтира Босбикас.

– Мила ву хьан цIийнда? Цуьнан це хIун ю? – Босбикас бохург тергал ца деш, элира зудчо. Йага ву-кх сан майра... – йоьхна жоп делира Босбикас.

Йага велахь, со нийса еана-кх – элира вукхо.

– Ткьа сан майрачуьнца хIун гIуллакх ду хьан? – ца кхеташ, чамданашка хьяьжир Босбика.

Зудчо доккха садаьккхира, киснара схьадаьккхина жима йовлакх шен юьхь тIе хьяькхира:

– ГIуллакх ду дера-кх, дукха доккха гIуллакх-м. Ша волу меттиг ца юьйцуш, хIокху пхеа шарахь лееш лелий-кха цо со... – бIаьргех а хьяькхира йовлакх.

– Ой, ахь дуьйцург х1ун ду?.. Сан майра ахь стенна лобху дийнна пхеа шарахь? – ца кхетара Босбика.

Зуда хьалаглеттира, шен стаммий пхьаьрсаш долу ши куьг хаьнт1е х1оттийра, цкъа елхаозийра, юха юьхь т1е кхоларан марха йоссийра, т1аккха къамел охьаланийра:

– Со-м, г1ийла сайн хан токхуш, 1арий, хьан, аьлча а, вайшиннен а майрачо суо дакъазаяккхалц. Шен зуда а, доьзал а бац бохуш, хаза а, говза а пугташ буттуш, сан корта а хьовзийна, моллица мах беш, шен дола а яьккхина, цул т1аьхьа наг-наггахь бен гучу а ца волуш, лелаш ву-кх х1ара Дала дакъаза ваккхарг. Доьзалхо хьаьрчина ца хиллехь, х1еттехь 1адвитина хир вара, Делах ца яьхьир-кха беран къа сайх хьарчо. Т1аккха цунна т1аьххье шолг1аниг а хили. Бакьду, цхьа сом делла а, и ши бер кхобучу сан г1о-м ца леци цо. Эцца базара йолуш, мехах нахана поппарш хьобхуш, хала лол-м беттийти соьга цу ц1арах вагаро...

– Цкъа собарделахь, – юкъаиккхира, х1етталц, шена хезначо акъяьккхина, мотт сецна лаьттина Босбика, – и х1ун ду ахь дуьйцург? Суна-м ма дац цунах лаьцна хууш цхьа а х1ума...

Зуда ца ешаш елакьежира:

– Суна а дера ца хаьара хьох лаьцна х1умма а. Ас-м ца йо хьо бехке. Х1ун дер ткъа, цхьаьний х1окху кертахь 1ен доьг1на хилла-кх вайшинна. Ас кханнехь важа ши бер схьадалор ду. Цкъачунна цхьа чох а тоьар ю тхуна, уьш-м кегий бара. Вуьшта, хьобций, соьций шар1о ма-бохху нийсо ян-м дезар ду хьуна вайшиннан майрачун.

Босбика юьйхира, шен настарш лехаш санна хетта, nelca1a схьалецира цо. Х1ара г1енах ду те, я самах ду те аьлла, шекъяьлла, шен пхьаьрсах м1ара а кьовзийра. Амма «сама ца йолура», т1аккха, х1ара дерриге а бакъхиларх кхетта, тохаелира, хиьна 1ачунна т1ейирзира.

– И х1ун ю ахь юьйцурш? 1ийр яцар-кха, хьобца-м, хьовха, кхин цхьана а зудчуьнца цхьа тхов а болуш со-м. Ас и Йага д1алур ву-кх хьуна, хьайна луьучу д1авига ахь иза, амма ас хала вовшахтоьхначу х1усамаш чохь шуьшиь ловзур ду бохург аьттехьа-м дац...

Важа цхьа маса хьалаиккхира, елхаран кепехь «ух1-ух1» дина:

– Дика ду, со-м д1айоьду. Амма, цхьаь д1ахаалахь: ас кханнехь сайн нах кочатосур бу хьуна оцу вайшиннан Йагина. Со, кхин вала стаг воцуш, яьлла лелаш зуда ю моьттина хир ду хьуна, оцу Йагина а, – nelareхьа тасаелира иза.

– Мичахь бара хьан нах, ахь хьайн ши бер дуьнен чу доккхучу хенахь? Царна ца гуш а, ца хууш а, уьш муха кхаьбна ахь х1инццалц?! – багаеттара Босбикас. – Цкъа собардел, юхаерзал, схьаэцал хьайн чамданах а. Ахь хьокху чохь йитахь, ас ураме аралестор ю хьуна х1орш. Босьа х1ума!

Шен ший чамда а эцна, дукха маса кевнал араха тилира зуда. Хьалха ша 1ийначу урамо голатухучу иза кхаьчча, дехьо лаьтта цхьа ц1ен машен цунна дуьхьал хьалайолаелира. Сихха иза цу чу а хаййна, чехка д1аиккхира машен.

Миска Босбика кхин ара а ца елира. Къаьхьачу ойланаша лаьцна иза, шина а куьйга корта а лаьцна, маьнги йистехь хиьна 1ара. Босбикина цкъа а дага ца деанера, ишттаниг Йагех дер ду аьлла.

Иштта иза 1аш йолуш еха хан ялале, веана ц1а кхечира Йага а. Багахь цхьа самукъане мукъам а беш, чохъавелира иза.

Корта а оллийна, шега схьа а ца хьожуш, я меттах а ца йолуш 1ашйолу Босбика шена гича:

– Каьмпет, хьо ма г1ийла 1аш ю? Корта-м ца лозу хьан? – хаьттира Йагас, зудчунна т1е а воьдуш.

– Х1ан-х1а, – корта ластийра зудчо. – Иштта д1а ойланашка яхана 1ара со-м...

Декъазчу Босбикина ца хаьара, х1инца ша х1ара хала къамел муха д1адолор

дара. Тахана хилларг цхьа цлеххьашна тлелеанера, листа а, къасто а, дерзо а члогла хала а хир долуш.

– Хьо базара ца яхара? Бераш мичахь ду? – чухула дласахьаьжира Йага.

Босбикас шен ший а белш хьала-охьа айира хаац бохучу маьлнехь.

– Хлета, ма тел, Каьмпет. Хлинца сан кхо накьост ву схьякхача везаш, йол цла ян глур ду тхо. Тхуна жимма юург а, цига дладахьа хи а кечдай, хьайн базара глуро, – элира Йагас.

– Муьлш бу уьш – хьан накьостий? – хаьттира Босбикас.

– Хьаппий, Мушуй, Шовхаллий бен, кхин мила кхойкхур вара ас белхех, – олуш, Йага аравала дагахь длаволавелча, Босбикас:

– Тахана йол цла ян белхи вайна ца оьшу. Кхана йохьур ахь и. Цу тле а, ахь кьайлах вовшахтоьхна белхи а бу хьуна кхана схьабоглуш. Уьш а ву, боху, кхоь, – элира.

Йага, саца а сецна, юхавирзира, тлаккха цецвелира:

– Ой, и хлун ду ахь дуйцург?! Тахана вовшахкхетта белхи а хилча, трактор а нисьелча, кханенга хлунда тоьтту и? Вуьшта, кхана суна белхех боглурберш муьлш бу боху ахь?

– Галара боглур бу-кх, – Йагина тлебуьггира Босбикас шен ши бляьрг. – Галахь а хилла хьан-м цхьацца гергарлонаш...

– Хлу-у-н?! Мича глалахь? Сан-м вац цигахь цхьа а гергара стаг... Зуда хьо телхаш йоллу-те? Хьуна хлун хилла? – олуш, тле а вахана, охьа а таьлна, леррина цуьнга хьаьжира Йага.

– Длаяьл суна хьалхара, боьха хлума! Дала хлаллаквойла хьо! И хлун ду ахь динарг? Со а, хлара бераш а дацара хьан? Хлинца кхоччуш нахала вели-кх хьо. Хлинцалц-м ас латтош вара хьо нахана ца вовзуйтуш, ахь кьаьркьа мелча а, хьо сайх летча а, кертахь глулакх ца дича а, – цхьана хенахь багаетта йолийра Босбикас. – Хьий, хьо вилла тахханехь уьн тле! Жьожхатин цларо морцийла хьо!.. – мохь хьобкхура цо.

Цо дуйхьара тоьхначу маьхьарх кхеравелла, ши-кхо глулч юхаиккхина лаятга Йага члогла воьхнера. Билгал телхаш йоллу-те иза я жинийн хлю-м ца кхетта те цунна бохуш, члогла чот йобхна лаяттара иза. Хлара цхьаь ала воьлча, зудчо, шен цлогла кхин тле а члаглдора, тька миска Йага шена тлеволавелча, шен кара мел йоглург цунна теластайора. Иштга цо схьяластийна жимахийолчу йоблан мача Йагин стоммачу мерах кхийтира.

Ша хлун леладо ца хууш, катоьхна и мача буйна а йоьллина, лулахошка орца ала дагахь араиккхира Йага, дукха сихваларна коьртаца нел дла а йоьллуш.

Оцу хенахь кевнал чохьа бевлира хлокхуьнан доттаглий. Цхьаь дуйцуш, бийла а буьйлуш, керта боглу уьш, шайна и сурт гича, совца а севца, цецбевлла вовшашка хьаьвсира, тлаккха Шовхала:

– Ой, ва Йага, ахь хлун до хлара беран мача а буйнахь? И йохка базара воьдуш-м вац хьо? – хаьттира.

– Дера ву со, вайн несо хлара вайн доттагл, хлума а тоьхна, аракхоьссиний-те моьттуш, – Хьаппис а элира.

Тька Мушу, ши куьг вовшаш а детташ, вела хлоьттира, тлаккха – важа ший а.

– Шу стенна дуйлу!?! – мохь белира Йагин. – Хлун хилла хабий шуна, хлай!?

Босбаьхьна, вахьийча санна волчу Йагин кхоччуш тидам хилча, билгал цхьаь хиллийла хььначу накьосташа шайн белар сацийра.

– Хлун?.. Хилларг хлун ду тька? – хоьттура цара хлинца.

– И Каьмпет... – цла чу пелг хьежабора Йагас. – И...иза...телхина моьттуш ву-кх со...

Цуьнан дешнаша цецбаьхна доттаглий цла чу хьаьлхира. Босбика хьалхалеррачу меттехь хььна лара, ценкьахь локкура цо Йагина тле мел лестийна хлуманаш а.

– Босбика, х1ай, ахь х1ун до? Хьуна х1ун хилла? – аьлла, уьш шена т1ех1иттича бен, кхаьрга схьа а ца хьаьжира нус. Т1аккха меллаша хьалаг1еттира, юха цхьана г1ийлачу озаца:

– Шу а даьхкина!.. – элира.

– Х1аь, даьхкина. Тхо ма ду х1орш, Босбика. Хилларг дийцахьа, Босбика, – сихвелла бохура Хьаппис.

– Хилларггий?! – шен корта хьала а айбина, х1окхарна т1ехула д1а не1арехь лаьтгачу Йаге хьаьжира Босбика. – Хилларг д1огахь, шун баккьашна т1ехьа лечкьаш волчуьнга хатта аш.

Кхуьй а Йаге вухахьаьжира, ткьа вукхо, шена хууш-м дац х1умма а бохучу маь1нехь ши куьг д1атесира.

– Босбика цкьа охьаховша вай, – элира Шовхала. – Х1инца парг1ат, сих а ца луш, дийцахьа хилларг.

Босбика, цкьа елхаозийра, юха, йовлакхан маь1игца шен б1аьргаш а бакьийна, дийца йолаелира, юкь-юкьа даккхий синош а дохуш:

– Со, х1окху чуьрчу берашна цхьацца бедар-х1ума оьцур яр-кх аьлла, уьш а буьгуш, базара яха яьллера. Лоха-Вашаг1ар болчу кхаьчначу хенахь дагадеара суна айса ахча чохь долу бохча дицдина хилар. Т1аккха, бераш Лоха-Вашаг1еран чу а дахийтина, со и бохча схьаэца юхайирзира. Х1окху чу со яьлча, х1инца хьо 1аччу г1ентахь, – Мушуна т1е п1елг хьажийра цо, – хийна 1аш ю-кх цхьа зуда, юххехь лаьтгаш ши чамда а йолуш. Х1ара шун доттаг1чуьнца г1уллакх долуш еана хиллера-кх иза, – Йагехьа д1а а ца хьожуш, иза волчухьа корта тесира цо.

– Муха-со вевзаш? Мила яра ткьа и? – ша лаьтгачуьра схьа хаяттира Йагас.

– Х1ай стаг, суна мичара хаьа иза мила яра!? Х1инца ахь дийцахьа х1окхарна хьалхха, мила ю иза, сийначу ц1арах ягарг.

– Со ца кхета-кх ахь дуьйцучух, – ша волччохь воьхна д1асахьийзара Йага.

– Х1ета ас кхетор ву-кх хьо. Хьан г1алара зуда мила ю? Шуьшиннан ши бер а ду, ма элира цо. Ма эхь доцуш х1ума хилла-кх хьо, ца кхета моттуьйтуш, тхуна и кеп х1иттош. Боьха х1ума ю-кх, сан дакьазалла суна евзина йолу, – лобра зуда.

– Аш дуьйцург х1ун ду? Валлах1и-биллах1и, шуьшиь ший а ларт1ехь-м дац тахана. Аш дуьйцург-м ч1имаш биьначо а дуьйцур ма дац, – т1ечевхира цаьршинна х1инца Хьаппи. – Х1ан, Босбика, схьадийцал цу зудчуьнца хьайн хилларг...

...Босбика кху чохь хилларг дийцина яьлча, доттаг1ий леррина Йаге хьуйсуш 1ара. Ткьа х1ара пекьар-м, дукха т1ех ша вохарна, куьйгаш а, балдаш а дегош лаьтгара:

– Ой, ой, и бохург х1ун ду?... Яхьа-Хьаьжас дешначу Кьор1анора дац цу зудчо дийцинарг бакь... Ас стенна т1ехь а ч1аг1о йо-кх хьанна а хьалххяхь, и бакь дац аьлла...

– Кхи-кхи-кхий, – велар иккхира Шовхале. – Хьо-м еккьа ц1ена цхьа борз ма хилла.

– Х1инца шу а ца теша-кх сох? Х1инца ас х1ун дан деза? – массаьрга а рог1-рог1ана хьобьжура Йага.

– Ахь дан дезарг ас хьобьхур ду хьуна. Тахханехь хьайн нускал долчу д1аг1ур ву хьо, кхана и нах схьабаьхкича, х1окху кертахь 1алаг1ожа а ца х1оттош. Соьгахьара дуьхьало яц хьуна, бакьду, х1окху керта-м вог1ур вац хьо, со елча сан тезета бен, цига а – хьайна лаахь я нускало вайтахь. Бераш соьга сайгга кхабалур ду. Х1окху хьан доттаг1аша новкьа а воккхур ву хьо. Бакьду, х1окхарна и хууш ца хилла аьлча а, ца теша со, – элира Босбикас.

– Босбика, хьаштдоцург ма дийца, – массеран а ц1арах вистхилира Хьаппи. – Х1ара цхьа тамашийна болх бу, цкьа х1ара Йага оха леррина левича бен, кхин т1аьхьакхуьур воцуш. Уьйт1а довлу тхо, – хьалаг1еттира иза.

Доттаглий уйтларчу ложа клел, бай тле охъахевшира. Бист а ца хуьлуш глехъа лйира уьш, Йагас хлун олу-те бохуш, ладуглуш ткъа важа-м лара, бос а баьхъна, цхъанхъа «шайтланан бляра» а воглавелла.

– Хлан-хла, тхан доттагл, – элира эххар а Хьаппис. – Схьагарехь, хьо-м лела-а-ш клант хилла.

Йагас, сихвелла, цкъа цхъанна тлевюрзий:

– Вайн Делан вазаллора! – юха вукхуьнга: – Вайн Делан воккхалора! – кхоалгачуьнга: – Валлахли, Биллахли, Таллахли, – олуш, ша хлокху хиллачо инзарваьккхина ву, цхъана а кепара ша кхеташ дац хлара хлума, бохура.

Цлехъана Босбика кхойкхуш хезира царна:

Цкъа чудуьйлийша сихха. Хлара хлун ду суна гушдерг?

Сихха хъала а лилхина, хлорш чубахча, Босбика яра шкафан йиллина йолчу неларшна хьалха лаьтташ.

– Ой, хлокху чохь кхозуш хилла бедарш мичахь ю? Уьш стенга глур ю? – ша-шега а, юха кхаьрга а хоьттара цо сих-сиха.

Йага а хъаьдира шкафана тле. Шен бедарш тлеухкучу хьостамашна тле а воглавелла, леррина царга хьобжуш лаьттара иза, уьш царна чохь кьайлаевлча санна.

– Сан костюм-хеча? Сан кучамаш? – бур-бур дора цо.

– Хлай стаг, сан а, берийн а бедарш а ма яц кху чохь-м! Хлара хлун де ду-у-у таханлерниг?! – шен корта лецира Босбикас.

Хьаппий, Шовхаллий, Мушуй цхьабосса вовшашка хъаьжира, цхъана хлуманаш шекбевлла. Таккха Шовхала:

– Босбика, цу зудчуьнгахь хиллачу чамданаш чохь ахь дла-м ца яхийтина-те уьш, – шайна кхаанне а хетаделларг элира.

– Хлах!?.. – ша йолчохь охъалахъелира Босбика. – Хила а ма мега, со ловдал леян и кьамел а дина, цо длаяьхъна.

– Со ма ца кхета аш бохучух, – элира Йагас.

– И-м башха клоргера ойлаян хлума а ма дац. Хлокху кертахь аддам доцийла а хьна, и зуда кьолодан чуьялла. Шен ахча схьаэца юхайоглу Босбика а гина, хлара лехо и кеп хлотто дагадеана хилла цунна, – шен таллам бира хиллачун Мушус.

Йага кьаьрззина шен доттаглашна тлевоглавелира, таккха леррина Босбике хъаьжна, вела ланавахара.

– Ва-хъа-хъа! – клажьобхура иза. – Вохь-хьо-хьо!..

Цуьнга цхьатерра бийла хлиттира вуьш а, цхъа Босбика йоцург. Иза, корта охъа а бахийтина, церга балда а лобцуш лара, цкъа – ела, юха – елха дог хуьлуш.

– Хлан, длалаца хъайна хлинца. Масех шарахь суна-м тлехдиттира ахь ас Бойсагларна тлаьхьадахийтина ахча. Хлинца хью муха леяитина?! Хастам бу-кх Далла! Хьо сох кхаьрдира, цундела и қхардам хьуна дуьхьалбели. Эхл, хьо хазахетар! Ва-хъа-хъа-хъа! – воккхавера Йага.

Буьйлуш лачу царна кетлахь сецначу тракторан гловгла а ца хезара.

Что нам Сейшелы и Таити?
 Нам и здесь природы впрок,
 Вот буренок подоите,
 Отдых – сон без задних ног.

Жизнь – катала...

Сколько раз обставляла она,
 Оставляя тебя в дураках,
 Сколько раз поднимала со дна,
 Чтобы снова разбить тебя в прах.

Не гордись, друг мой, силой своей
 И умом ты своим не кичись,
 И на мнимый расклад козырей
 Опрометчиво ты не ведись.

В этом мире изменчивом мы
 Жертвы блефа, коварства и лжи,
 Раздаст карт колоду из тьмы
 Нам катала по имени Жизнь.

И тебе ее не обыграть,
 Как бы ты ни построил игру –
 Обреченный проиграть,
 Обретенные блага в миру...

***

Не попрекай того, кого
 Ты поддержал, кому помог.
 А лучше радуйся, что Бог
 Через тебя его опек.

Ведь это благо – но его
 Не всякий может распознать,
 Сильна Всевышнего печать –
 Лишь Он во власти выбирать.

А наша жизнь – как карусель,
 Как колесо – то вверх, то вниз.
 Не удержаться, как не тщись –
 Весьма обманчивая жизнь.

Текут события, как сель,
 Все на пути сметая в прах.
 И лишь тому неведом страх,
 В кого иман вселил Аллах!!!

Портрет мужчины

Ни рост карьерный, ни деньга,
 Ни даже бешеная слава
 Не повлияют никогда
 На качества мужского нрава.

Открыт и прям мужчины путь,
 И, как ни мчи судьба кривою,
 Он не выпячивает грудь,
 Не поникает головою.

Его не выбить из седла,
 Он не подвержен настроеньям
 И не закусит удила
 В плену горячего мгновенья.

И, будто корень деревца,
 Вростает разумом, душою
 В родную землю праотца
 Нерасторжимою судьбою.

Единство мыслей, слов и дел –
 Портрет законченный мужчины,
 И мотивирован удел
 Стремленьем вечным брать вершины.

Мужчину делают не чин,
 Не популярность, не копейка –
 Но званья истинных мужчин
 Идут от званья человека.

Спровоцируй меня на стихи

Спровоцируй меня на стихи
 Да на те, чтобы «крыши» срывали,
 Чтобы все – и низы, и верхи –
 Их как мантру с душой повторяли.

Спровоцируй меня на стихи,
 Как тебе это только доступно,
 Чтоб они средь шедевров с сохи
 Ощущали себя бы уютно.

Спровоцируй меня на стихи,
 Вдохнови на прекрасные строки,
 Чтоб они, словно чудо-духи,
 Возносили бы к звездам высоким.

Спровоцируй меня на стихи...

Ваха Докаев

**Повесть о Любви
в статусах сайта
«Одноклассники»**

Мои друзья разъехались по всему свету... Но часто пишут мне и звонят, кроме Тэси. Этот Рыцарь Печального Образа не стал бы писать и собственной душе, будь она от него в трех метрах. Но история наша не о нем. А о моем тезке, Аслане. Даже это имя его – псевдоним, которых у него так много, что скажи ты наугад имя любой знаменитости, ты угадал бы. Ну, например, Бред Питт. Этот тоже несет такой же бред, как пить дать.

Итак, после излияний нашего героя (моего тезки) я поспешил посмотреть на его злополучную страничку. И понял: попался, подлец! История нашего бедного влюбленного была выложена как на ладони – в статусах. Значение некоторых статусов туманно для читателя, но не для меня. Ведь я параллельно видел и статусы его Королевы.

Представьте себе, что их жизнь началась с обоюдных признаний в Любви... Все остальные для них просто перестали существовать. По крайней мере, для нашего идиота... Не называйте его так вы! Я его так называю на правах друга. Итак, перед вами, друзья мои, его статусы и летосчисление со дня их Любви.

Отсчет начинается с 01.01.0001 года от Рождества Любви.

День 3.

– Жду не дождусь Завтра

День 4

– неужели это правда?

– Я думал, что никогда не буду счастлив... но счастье – знать, что ты есть в мире...

через что нам приходится проходить, чтобы найти маленькую частицу любимой... фото... электронные буквы...

– День 5

– долго тебя нет!!!!!!!!!!!!

– меня сегодня испытали разлукой... чуть не умер...

День 7

– Может, время лишь две половинки Счастья... между тобой и ней?

День 8

– Мне нисколько не стало легче... Да я и не хотел этого

День 9

– я не чувствую сердца, я не чувствую руку...

День 10

– «я полностью потерялся в своих чувствах»

День 12

– Hhhhhhhmmmmm

– хорошо, когда все дома))))

День 13

Поезд на Юму

- День 14
– Когда наступило завтра...
- День 15
– Боже, благодарю за то, что я могу видеть это чудо Твое...
– когда я услышу мелодию счастья снова?
– Не грусти, мой маленький Лис...
- День 16
– вот и утро – вставай...!
– Возможно, счастье бесконечно...
– «Женщина – лира, которая раскрывает свои секреты только тем, кто знает, как играть»
- День 17
– Цветок
- День 20
– С печалью в сердце и улыбкой на устах
– Конец Истинной Любви – только счастье... Любовь доверилась тебе – доверься ей и ты!!!
- День 21
– Герой может пасть только жертвой Любви
– Спи... да будет покой и нега во сне твоём....
– Лучше один раз увидеть, чем не видеть вообще
- День 22
– Истинное счастье – невыносимо...
- День 24
– Не знаю, почему ты пропала?
– да будет воля твоя...
- День 25
– Что ж, попробуйся, сердце, жить не в груди...
– И не пытайся....
- День 26
– навстречу друг другу
– Это Я люблю тебя. Я первым сказал
- День 27
– Я привязан к тебе, как грех, как скала...
– ни на миг не забыть о тебе, Солнце
– что ж, мне в дорогу... снова без тебя...
- День 29
– ты – везде... потому что – в сердце
– Пиши стихи
– счастье – вечно
– не мучь меня, прошу
- День 1 (второй месяц Любви)
– жизнь исчезнет с тобой...
- День 3
– 33 дня счастья, которое подарила мне Ты
- День 5
– Единственная моя
- День 7
– в сердце твоём
- День 8
– Прости...
- День 9

– ты наполняешь мою жизнь смыслом
 День 10
 – они меня с ума свели
 День 11
 – будь моей
 День 12
 – я иду к тебе... моя дорогая
 День 13
 – жди, когда других не ждут, позабыв вчера
 День 14
 – мой покой – твои объятия
 День 16
 – да будет радостной твоя дорога... оживай...
 – Боже мой... как тяжело без твоих нежных слов...
 День 18
 Боже... как ты прекрасна.....ты моя лихорадка!!
 Самый страшный день не тот, который унесет тебя, а тот, в котором ты останешься без своей половинки...
 День 20 (50-й день Любви)
 – Главное, ангел мой, чтоб с тобой все было хорошо
 День 22
 – покоя тебе и счастья.... но этого не бывает вместе
 День 26
 – она начала тяготиться тобой
 День 28
 – счастье – осень... все листья упали... и истоптаны бессердечными
 День 29
 – я верю, что ты вернешься... потому, что я знаю – это истинное чувство... просто я боюсь, что ты вернешься, когда начнутся необратимые процессы!
 – День 5 (третий месяц любви)
 – Боже, облегчи мне путь к мечте!
 День 6 (06.03.0001г от Рождества Любви)
 – О мой ангел! Каждый день я умираю без тебя, снова и снова. Будь милосерден!
 День 17 (17.03.0001г от Рождества Любви)
 – Я думал, что никогда не буду счастлив... но счастье – знать, что ты есть в мире...
 День 17 (17.04.0001 г от Рождества Любви)
 – Почему я все еще жду тебя???????????????? ангел мой...
 – Реальность... день сегодняшний...
 День 4 (04.05.0001г от Рождества Любви)
 – У меня было счастье, оно превратилось в бабочку и упорхнуло... у меня было сердце, оно улетело за тобой... Почему я все еще жду тебя?
 День 26. Последняя (безответная) запись Героя.
 .....
 ...Так сколько живет Любовь?

Хасан Сайдуллаев**Сыграйте мелодию**

***

Сыграйте мелодию
Чеченскую мне,
Что в детство уводит
И в яви, во сне.

Я явился на свет удивляться,
Мир очистить, просеяв его.
Добротою светить и влюбляться,
Не сломаться, коль горе пришло.

В пургу согревает,
Свет дарит во тьме.
Сыграйте мелодию
Чеченскую мне!

Я явился на свет удивляться
И до дна чашу счастья испить;
Перед этой землей преклоняться –
За то право на ней просто жить.

Когда я встречаюсь
С любимой своей,
Нежным чувством
Любовь поет ей.

Я явился на свет удивляться,
Колыбелить Чечню и согреть.
И обычаям гор поклоняться,
Их нарушить вовеки не сметь.

Я видел: однажды
Солнцу силки
Поставила тучка,
Чтоб его загасить.

Я явился на свет удивляться,
Спеть Песню во славу людей.
И в себе каждый раз сомневаться,
В правоте утверждаясь своей.

Мелодии звуки
В горах раздались,
Растаяла тучка,
Лучи вновь зажглись.

***

В застойном озере
Не взывает волна,
Не взмахнет коль крылами
Ветер.
В глазах разведенки
Пустота лишь одна –
В любовь она больше
Не верит.

В дом матери старой
Горе пришло,
В трауре черном
Нынче село.

Горем разбитая
Мечется мать,
Кровиночку смерти
Не хочет отдать,

***

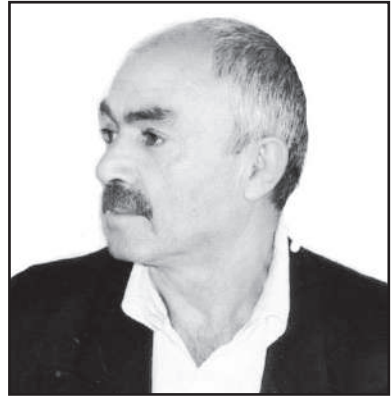
– Триста лет, говорят,
Ворона живет.
Почему срок короткий
Отпущен орлу?

Мелодии звуки
В горах раздались,
Мать оживилась:
– С честью погиб.

– Он крылато живет.
Крылато умрет,
Нам пример подавая,
Как гибнуть в бою.

...Дайте мелодию
Чеченскую мне,
О Родине песню
Сложить надо мне!

*Перевод с чеченского
Алвади ШАЙХИЕВА*

Руслан Ибаев**Не достигать дна...**

...Ты как будто один во всей вселенной... Стоишь на холодной горной вершине, на самом ее краю... Собираясь взлететь...

Ты так и взлетал... во сне... свободно парил, разрезая паутину мерцающих звезд легкими и плавными движениями, видя под собой все разнообразие ландшафта земного покрова.

В игривом азарте ты устремлялся к самой близкой звезде, желая пообщаться с ней. Рассказать все, что накипело, накопилось и наболело.

Но, сколько бы ты ни парил, не достигал этой звезды; она все больше отдалялась от тебя, не оставляя никаких шансов для встречи и тепла.

На этом твоя тяга к общению не обрывалась, и ты уже устремлялся к другой звезде; тебе думалось, что она уж точно манит и зовет к себе, и оттого казалось, что она становится все ближе и ближе. А ты парил и парил навстречу ей...

Внезапно связь с космосом обрывалась и ты, теряя взаимодействие с невесомостью, устремлялся вниз все быстрее и быстрее, сознавая, что так происходит всегда.

Тут ты с большой опаской вспоминал дорогу, столбы, электропровода и все, что могло помешать твоему безоблачному приземлению.

Ты никогда не садился на землю, подобно птице, упруго подставляя потоку воздуха крылья, а стремительно падал вниз в темноту, в бездну, пока не мутился разум и не наступало удушье.

И в этот момент старался как можно скорее проснуться, хаотично двигая руками и ногами, при этом слыша свой же панический крик о помощи, наверное порожденный историческим страхом.

Потом долго лежал, боясь бездны или дна, достигнув которого, ты можешь разлететься на мельчайшие куски, частицы и смешаться с космической пылью.

Часто, с огромным желанием очередной раз взлететь, ты разогнался по одной и той же улице, где проходило твое детство, и там тебе все было знакомо: столбы, кусты, деревья и маленькая речушка.

Вдруг, если не удавалось взлететь выше столбов, то дальнейшие попытки ни к чему не приводили, сколько бы ты ни подпрыгивал, разбежался, махая руками и ногами, как крыльями.

Ты стоял, озираясь в космос, устремив свой холодный и безжизненный взгляд во вселенную. И вдруг вздрогнул. По телу побежали ощутимые мурашки. И страх... панический... и волнующее подозрение в чем-то...

Ты посмотрел на звезды, но не ощутил связи взаимодействия, как бывало раньше. Они не мерцали. Они застыли в преддверии надвигающейся беды, боясь предупредить тебя об этом.

Ты все понял... Понял, что надо бежать отсюда, бежать, что есть силы.

И уступ скалы ты даже отпустил с большой опаской, боясь ее неожиданного обрушения, и стремительно побежал по круговой террасе вниз, набирая скорость и боясь оглянуться назад.

Бежал ты как робот, как холодный металл, который не дышит и не слышит стук своего сердца, не задаваясь вопросом, почему это так, а прыгая и перепрыгивая с одной террасы на другую.

В одном из переходов обрывистых скал:

– О-о-оу?! Оу-у?! Что это?.. Кто?..

Твои глаза чуть не вылезли из орбит.

– Не может быть!..

Кровь стынет в жилах. Ты знаешь, кого видел, хорошо знаешь... Это зверь с темно-коричневыми полосами, похожий на тигра, как будто беззаботно отдыхает, растянувшись на каменной террасе.

Он как будто не замечает тебя, не видит.

И ты бежишь дальше, не оглядываясь, как будто отрываешься от опасности.

– Ну вот!.. Это засада!.. Это точно засада. Этот не собирается щадить тебя. В глазах – беспощадная жестокость.

Этот зверь так ловко начинает свой разбег, перепрыгивая с одной террасы на другую, и прямо несется на тебя.

Твои мысли стремительно покрываются морозным инеем, как веточки деревьев, и тут же трескаются от напряжения холода. Зрачки расширяются, и ты почти теряешь зрение, погружаясь во мрак безысходности, и ясно представляешь себе, как через миг будешь растерзан на мелкие кусочки.

И мысль... возможно, последняя...

– Вот и я, последний на земле человек. Все погибли. Все люди. Их убили...

Ощувив на себе тень накинувшегося зверя и запах оскала, ты прыгаешь, прыгаешь в бездну...

И стремительно несешься вниз, в темноту, в бесконечность.

От ошеломляющей скорости ты начинаешь задыхаться и стараешься выйти из состояния сновидения и страшной дремы, и вскакиваешь...

Вскакиваешь от глухих ударов и стука, как будто в дверь. И почти не в состоянии разобрать, что это еще сон или это уже явь...

Но теперь слышен и людской говор и ясный стук сапог.

Друг за другом в дом врываются люди в масках, военные во всей экипировке.

Ты стараешься присесть, чувствуя себя здесь почти чужим человеком.

– Лежать!.. – грозная команда. – Есть еще люди в доме?!

– Да... Да, есть...

За спинами уже стоящих впереди проходят другие. Идут и идут. Ты под прицелом.

– Кто есть, сын есть?

– Да! За стеной. Спит...

– Сколько лет сыну?

– Двадцать три... Студент.. Учится...

– Кто еще?!

– Эта... Эта... Жена и дочь, – стараясь приподняться, с особенной тревогой.

– Лежать, сказал! – армейской командой, затем, оборачиваясь назад:

– Завести!..

В комнату протискивают какого-то арестанта, тоже в маске.

– Этот? – стоят, уставившись на старшего сына. Младший лежит, прильнув ко мне.

Твои панические мысли, которые готовы были взорваться, устремлены в дальнюю комнату, где жена и дочь...

– Нет, нет, не он, – выговаривает заведенный. Его как ввели, так и выводят.

– К выходу всем! – командует офицер.

И выходят люди в масках, не говоря ни слова, один за другим.

А вы все, оставшиеся в доме, с затаенным дыханием молчите и не двигаетесь с места, не веря глазам своим, не веря и ушам, что так просто, без беды, без худа...

В доме повсюду грязные следы от сапог и ботинок. Они, кажется, есть на стенах и потолках...

Твои мысли бегут, как строчки на рекламных щитах.

– Не достигнуть дна! Не удариться! Не разорваться!

Альбика Батаева**Зама**

Йиц ма лолахь, зама, йиц ма лолахь,
 Со гал ца йоккхуш, сан ойланех из.
 Со йиц а яй гenna д1а ма г1олахь,
 Ас болийначу некъан йисте 1е.

Со ца гича сагатлундерш бацахь,
 Со 1ехай, сох белам ма беллахь.
 Соъра болуш жимма а пайда бацахь,
 Эрна латта хьешар, ахь ма лолахь.

Со ца кхиънарг, даза диснарг делахь,
 Дахарехь ас йина ойла елахь,
 Готта хилла некъаш, ахь шорделахь,
 Сан г1алатийн хьесап ахь ма делахь.

Цахиндолчун ойла соь ма яйта, –
 Мархалделла зезаг ден ца ло.
 Самах ца гург, г1енах ахь ма гайта,
 Таханлерчух тоам соьга байта.

Нохчийн мотт

Маржа я1, нохчийн мотт ма сий дан дезара хьан,
 Эвлаяийн ц1ераш хьайн маттахь хилча.
 Бусалба динан бух хьоьца ч1аг1белча,
 Махках ваьллачо хьоь орца дехча.

«Яхь» боху онда дош хьоьца доьзна хилча,
 Хьан метган хазалло лам башош хилча.
 «Къонахий» боху ц1е хьан маттахь хилча,
 Шайх ала дош дубтуш дай белла хилча.

Юьртан сий бен кхин 1алашо ца лоруш,
 Мехкан маршо бен кхин декхар ца хеташ,
 Т1ерачу Далла бен суждане ца больхуш,
 Шайн метган сий деш, д1аихна уьш хилча.

Тезетахь до1а до шен ненан маттахь,
 Ловзаргахь дош олу шен ненан маттахь.
 Нохчочо шен амал болатах яхчош,
 Хьо буйцу даима, г1иллакках ца вухуш.

Т1аьхьара горгали

Дайх дисна оьзда дош, сий караэций,
 Баланаш, г1айг1анаш вовшашца екьий,
 Хьарамчу рицкъанна хьанал букъ тохий,
 Чолхечу дахарх, чекхдовла хьовсалаш.

Халкъана, махкана тешаме хилалаш,
 Харц новкъа ваьллачун юххе ма х1итталаш,
 Безаман, тешаман уьйр цхьаьнатохалаш,
 Г1ийлачун, мискачун г1о лоцуш хилалаш.

Мел яккхий халонаш шайна т1ех1иттарх,
 Оьздаллин дог1а аш даима ларделаш,
 «Нохчалла» боху дош шайн дагахь кхабалаш,
 Дубьненчохь шайх ала дика дош диталаш.

Фаиза Халимова

Специальный репортаж

Рассказ

Здравствуйте, уважаемые любители зомбоящика! Наши дорогие телезрители! Сегодня мы расскажем вам о значимых событиях нашей страны, произошедших на этой неделе.

Ну а начнем мы с самой главной новости, которая шокировала весь мир.

Чеченский кот безжалостно съел белого попугая, мирно совершавшего воздушные пируэты в квартире своих хозяев. Купленная на днях птичка смогла прожить в своем новом доме только две недели. Ну а мохнатого усатого зверя взяли под опеку полгода назад. И, как утверждается в его паспорте, никаких аморальных наклонностей у кота не должно было быть. Однако, в связи с последним событием, возникают сомнения в полноте родословной животного и в подлинности его документов.

Организация «За спасение Мира», побывавшая на месте происшествия, констатировала, что кот напал на попугая неожиданно и с особой жестокостью, не дав даже шанса спрятаться бедной, несчастной и абсолютно беззащитной птичке.

Имевшие глупость выпустить пернатое чудо из клетки хозяева – в растерянности. Но усыплять четвероногого зверя-вредителя они не хотят.

Подробности с места событий передает наш корреспондент Юпитер Большеглазов:

Большеглазов: Об этой истории знают уже все жители города Серчаево. И это неудивительно, ведь буквально вчера здесь, на Коммунистической улице, на 5 этаже, в квартире 34 второго подъезда, дома 76 произошло чудовищное преступление. Жертвой, на первый взгляд, безобидного и добродушного кота стал попугай по кличке Хвастун. Есть предположение, что ушастое животное, напавшее на птичку, имеет неместное происхождение, чем, возможно, объясняется его буйное поведение.

Вот что говорят соседи о случившемся:

Подросток у подъезда, жует жвачку: Что я могу рассказать о мохнатом соседе?.. Я думаю, что этот кот все-таки с Дагестана. В нем проглядывались борцовские наклонности с самого начала.

Корреспондент: К примеру?

Подросток: Когда его только привезли совсем еще котенком, я был у них в гостях вместе с мамой. Мы стали свидетелями необычной сцены. Котик носился по комнате как заведенный и в конце концов страшно поцарапал кожаный диван, после чего они сменили мебель.

Прохожий, жестикулируя: Может быть, у них там нормально, когда комнатный кот нападает на комнатных птиц, но здесь так не положено. Вообще не пойму, зачем мы кормим кавказских котов, у нас что, своих мало?!

Вахтер дома76 : Да вы видели усы этого кота, его густую шерсть, а длинный хвост? Ну, это что-то, я вам скажу! У нормальных котов такого не бывает.

Мальчик идет домой из школы (улыбается): Никогда не видел этого ужасного кота и не слышал, что есть коты чеченской породы.

Парень на лестничной площадке, крутит на пальце связку ключей: Не-е-е – не-е-е, это точно чеченский кот. Я сам лично видел, как однажды, услышав лезгинку, он тут же подпрыгнул. Думаю, это гены.

Молодая женщина на балконе, курит: Я слышала, что он напал на попугая. Говорят, недавно этот кот чуть не съел одну бабку из соседнего подъезда. Она проснулась, когда мохнатое чудовище отгрызло ей правое ухо! Спросите вон того бомжа, он каждый вечер спит в подвале этого дома.

Бомж, расстилает картон для ночлега: Какое ухо? Вы что? Нет, конечно. Старуха жива и здорова. Разве коты не едят маленьких птичек? Я и сам их ем, когда больше есть нечего, пойдите на нашу свалку, там этих тварей пруд пруди! Любого цвета и размера. На днях нашел труп в урне... как раз на вашу птичку похожа.

Бабушка с лавочки: Затяжно мяукал сиплым голосом: – Мр-ря-я-я-ув – мр-ря-я-я-ув, Мр-ря-я-я-у-у-у-у-у-у-в-х-х-х! Морда наглая, хулиганская. Надменно расхаживал тут, словно он единственный кот во всей округе. Да и во всем Мире! Вот тебе и на! Понабежали, повезли тут...

Гламурный парень, свесив руку из автомобиля: Да на-ман-н-ный котяря, съел намалеван-н-ную птичку, че вы из этого такой шум подняли, журналюги...

Преподаватель философии, возвращающийся с работы: Что вы уцепились за блохастого, я не пойму?! Ну съел и съел! Что поделаешь, такова жизнь! Такова природа! Хочу вам пояснить, жизнь и смерть, живое и неживое, выживание и невыживание, согласно бинарной логике¹, – это две взаимоисключающие части единой природы, частью которой являемся и мы.

Дворник, собирает в кучу листья: Я думаю, во всем виноват «Вискас». Да потому, что в последнее время туда чего только не добавляют, запах ужасный, на вкус также. Вот и не выдержал кот, захотелось реального птичьего мяса. И я его понимаю.

Женщина с коляской: Вы знаете, случившееся повергло в меня шок. И как после всего спокойно гулять по улице?! Получается, любой из нас может стать чьим-то обедом или завтраком. А как же тогда мирно жить в своей стране?! Растить детей для светлого завтра? Что нам ожидать от будущего? Нашу жизнь могут загадить за один день. Разве мы не живем в свободном демократическом государстве?

Большеглазов: Как вы и сами только что слышали, Рыжик не был похож на молчаливых безнадзорных бродяг, которые тут расхаживают по ночам.

Кот разносил блох по всему округу. Нападал на старых бабушек, одичал, разросся шерстью. Подпрыгивал, когда слышал лезгинку, что явно говорит о том, что кот с Кавказа.

Хотя есть другие версии случившегося. По словам хозяев питомцев, попугай умер от птичьего гриппа, и, чтобы не ранить своего сына, маленького Мишу, они и придумали историю с чеченским котом, по их признанию, кот не бывал в южных регионах даже проездом, так как он сибирской породы. Однако мы предполагаем, что они хотят тем самым спасти усатого от клетки.

Расследование еще ведется. Животное пустилось в бега. Надеемся, очень скоро безжалостного кота, убийцу птиц, обижавшего несчастных бабушек, поймают, и он понесет заслуженное наказание за свое омерзительное преступление.

– Спасибо, Юпитер.

Напомним, чеченский одичавший кот съел комнатную птичку-невеличку из семейства малюток-листоносов², внесенную в «Красную книгу».

А вот фотография злоумышленника (на экране крупным планом показывают морду кота). Если кто-либо заметит его на своей улице, сообщите, срочно! Помните, у него острые зубы и он гадко мяукает. *Есть вероятность того, что загадит вас до смерти!*

Следите за развитием событий.

А мы продолжаем наш выпуск...

---

¹Бинарная логика — логика, оперирующая двумя значениями переменных (истина и ложь).

²Листоносы (Phyllostomidae) — семейство млекопитающих подотряда летучих мышей.

*Дебют***Асхаб Алиев**

Родился в 1992 году в Грозном. Студент 3 курса факультета экономики и управления ГГНТУ. Стихи пишет со школьных лет, пробует свои силы в прозе. Публикует свои произведения в Интернете.

Вечер...

Капли льются... Небо плачет...
 По твоей щеке
 Слезы льются – это значит
 помнишь обо мне...
 Шорох, шепот...
 Звук гитары...
 Слышен в тишине
 Гулкий рокот
 от ударов молний вдалеке...

Дождь и ветер...
 Вместе, сразу... Наперегонки...
 Теплый вечер, розы в вазе,
 тлеют угольки...
 Ноты, строчки...
 На листочек... складываю я...
 Ставлю точку, ну и почерк,
 говорю шутя...
 Одиноко... Очень скучно...
 В доме без тебя...
 Знаешь, я хотел, как лучше...
 Но, похоже, зря...

***

Поток песчинок в сказочных часах
 Диктует тихо правила игры...
 Жестоко время – обращает в прах
 Людей, предметы, камни и миры...

Сгорают солнце, небо все в огне...
 И плачет мир от горестной судьбы...
 Повсюду пустошь,
 как в кошмарном сне,
 Засохли и завяли все цветы...

Бесценных нет, продажно всё и все –
 Одна большая ярмарка желаний.
 Душа и тело – дело лишь в цене,
 И деньги стали новым мирозданьем...

Животные и люди – нет различий,
 Все поддаются лишь
 одним инстинктам,

Мир молится разврату и наличным...
 Желание – любовь,
 а чувства – свинство...

Мир не был никогда
 простым и чистым,
 Он был пропитан до корней грехом,
 В болоте лжи исчезли строки истин,
 И нет надежды больше на потом...

Такая жизнь вселяет только страх,
 И смерть придя окажет лишь услугу,
 Ну а песчинки в дьявольских часах
 Продолжат течь
 по замкнутому кругу...

Похороны...

Черным пеплом ляжет на ладони
 Небо, солнце – вниз за горизонт...
 Кто-то плача друга похоронит
 И раскроет над могилой зонт...
 Слезы будут капать, но потоки
 Теплого дождя их смоят с лиц...
 На плите напишут эти строки –
 Имя, дата смерти, «Rest in peace»*...
 Запах смерти разнесется всюду,
 Боль утраты вселится в сердца...
 И вокруг усопшего все будут
 Утешать сестренку, мать, отца...
 Те, кто знали что-либо плохое
 Об умершем, просто промолчат,
 Те, кто знали мелочь, но благое,
 Станут восхвалять и восхвалять...

И смотреть на этот фарс отвратно,
 Лежа в тесном, маленьком гробу...
 Труп опустят в землю аккуратно,
 Закопают, постоят, уйдут...
 Он же будет в темноте глубокой
 Смирно обращаться в пыль и прах...
 Мертвый телом, сердцем одинокий,
 Без души и с пустотой в глазах...

***

Острой иголкой сквозь сердце,
 Прямо до самой души,
 Словно ключом кто-то дверцу
 Боли и страхов открыл...

Сны растворяются в тени
 Долгой безумной ночи,
 Медленно сыплется время,
 Я поджигаю мосты...

Вязкие звуки гитары
 Рушат мой сказочный мир,
 До боли привычный и старый,
 Стертый судьбою до дыр...

Бешеным ритмом колотит
 Мускул в холодной груди,
 Будто он вырваться хочет,
 Чтоб убежать от любви!

Дым пробегает по легким,
 Все раззедая внутри,
 Воздух становится мертвым
 Где-то секунды на три...

Дети «индиго»...

Мы – дети когда-то утерянных грез,
 Несказанных слов, непролитых слез,
 Жестоких иллюзий и мертвой любви,
 Мы ищем покоя для нашей души...

Мы – дети свободных
 и диких ветров,
 Немой тишины и призрачных снов,
 Безумия разума, вечной борьбы –
 Сквозь тернии к звездам
 мы будем идти...

Мы – дети пропитанных
 болью миров,
 Исписанных стен, измятых листов,
 И черного солнца, и алой луны,
 Упав, мы продолжим
 к вершинам ползти...

Мы – дети осенних
 холодных дождей,
 Тоскливых ночей и пасмурных дней,
 Мы – дети последнего века земли,
 Мы – дети «индиго»,
 мы – дети войны...

Король Безумных Лир

Играя на престоле с бесконечностью,
 Он правил целым миром
 лишь пером...

Он жизни отбирал
 своей беспечностью,
 Он был безумной лиры королем...
 Но истощала душу тяжесть бремени
 Безумия сокрытого в словах...
 Сплетались и текли

песчинки времени,
 Безумца превращая в тлен и прах...
 Прокрались в двери
 сумрачной обители
 Коварной тенью скука, боль и страх...
 Всех чувств лишилось
 сердце повелителя,
 И растворился дух его в песках...

Я помню будущее...

Я помню будущее, веришь?
 Я помню то, как ты согласишься,
 Как ты меня впервые встретишь,
 «Мы раньше не встречались?» –
 согласишься...

И это будет то начало
 Безумно-долгих отношений,
 Страница первая романа,
 Без всяких пошлых оглавлений...

Я помню, веришь? Точно помню!
 Как будем вместе улыбаться,
 Сиять в толпе, подобно Солнцу,
 Чтоб никогда не потеряться...

То будут наши времена
 В другой, наверное, вселенной,
 Где поменяем имена,
 И будет каждый день бесценным...

Там будет все наоборот –
 Бардак и полный беспорядок...
 Ты – Шляпник, я – Чеширский кот,
 Сплошные персонажи сказок...

Все будет так, как мы хотим,
 Не важно – поздно или рано!

Ну а пока я здесь один...
По эту сторону экрана...

***

Я не желаю больше видеть слез
И проливать их тоже не желаю...
Каким бы сложным
ни был этот кросс,
Что люди часто жизнью называют,
Я засияю в небе ярче звезд
И ни за что судьбе не проиграю...

Я не намерен требовать замен
И заменять кого-то не намерен,
И ждать от жизни новых перемен –
На что способен сам я, не проверив...
Придется – я рассыплюсь
в прах и тлен,
Но до конца себе я буду верен...

Сдаваться... Отступать... Да никогда!
Походкой твердой –
к неприступной цели!
Идти вперед и заставлять себя
Плевать на бури, вьюги и метели...
Надеяться, в конце концов, что я
Скажу себе: «Мы все-таки сумели»...

***

Трясутся руки... Разум изможден...
Желудок пуст уже вторые сутки...
Мой главный нерв задет и обнажен,
А я все жду своей последней муки...

Отравлен дух предательским пером,
Чернильный мрак
неспешно настигает...
Мой гений пал...
Он сломлен и сражен...
Камин бумагу жадно пожирает...

Потоки слов не вяжутся в стихи,
Бескрайний ад моей порочной музы...
На волоске повисли все мечты –
И не спасут мой мир стальные узы...

Я исчерпал все силы. Я иссяк.
Глубокий вдох – и жизнь
лишь на мгновенье...
Колдун и Принц... И Клоун...
И Чудак...
Они всего лишь тени вдохновенья...

Опять и вновь... Пытаться рисовать,
Пытаться взять аккорд
на рваных струнах...
Не есть, не пить...
Не думать, не дышать...
Висеть и спать
в своих душевных путах...

Лежать на дне в объятьях океана...
Смотреть на мир
раздробленных зеркал,
Накрывшись одеялом из тумана,
И обрести покой, что не искал...

Найти себя... Убить и закопать...
Сыграть с судьбой...
Использовать свой шанс...
Поставить все и снова потерять...
Увы, не в первый,
но в последний раз...

На балконе...

Я нечто, что дымит в полночный час на том балконе,
С которого не видны небеса...
Я тот, кого в итоге невзначай небо уронит
На землю, где под снегом спит трава...
Я призрак... Сгусток мыслей... Эхо выстрела и стога,
Что болью обозначен в эту ночь...
Я звук... Очередной сюжет и вымысел Платона...
Во мраке ваших снов я гину прочь...
Я труп, который скоро, очень скоро похоронят,
Вернут туда, откуда и пришел...
Я мальчик, что дымит в полночный час на том балконе,
Где восемь лет назад приют нашел...

* Упокойся с миром (англ).

Дебют**Адам Салаханов**

Родился в Грозном 19 марта 1984 года. Живет в Урус-Мартановском районе, в селении Гехи. В 2002 году окончил Грозненский педагогический колледж по специальности «Учитель начальных классов». Публикуется впервые.

Исповедь экстремальщика

Рассказ

(Основан на реальных злоключениях)

За все приходится платить.
Даже полет
Может оказаться
первым шагом к падению.

Чарльз Буковски

Воспоминания бывают разными. Разными, как и сами люди или их отпечатки пальцев. И следы от них остаются в нашей памяти такие же разные. Приятные или не очень... смотря что и как затронуло вас за живое. Не пытайтесь вывести эти татуировки с мозга. В сценарии каждого из нас может таиться урок, полезный для чьей-то эпопеи. Это и служит мотивом для моего рассказа.

Мне было лет девять, когда я увлекся этим видом зимнего экстрима. Если фронтмен группы Limp Bizkit Фред Дёрст хвастался, что у него в детстве на заднем дворе была настоящая рампа для катания на скейте, то я в этом возрасте даже понятия не имел, что это такое и каким образом на ней вырабатывают свою порцию адреналина. Нашей рампой была любая горка с ледяной поверхностью, которую мы сами за ночь перед катанием поливали водой, чтобы к утру она покрывалась льдом. Так как скейт в нашей семье стал табу, после того как старшая сестра умудрилась заработать трещину на руке, то так же, как и Фред, мы придумали свою альтернативу – любая зимняя обувь превращалась в лыжи. Для этого требовалось сточить все неровности и шипы на подошве. Мы занимались таким видом экстрима, который Дёрсту даже не снился: цеплялись за задний бампер любого автомобиля и катались, как на водных лыжах. Это было неопишное удовольствие. Вам оставалось только заорать во всю глотку «Я КОРОЛЬ МИРА!», подобно Леонардо Ди Каприо на корме «Титаника». Зацепился и полетел.

Задачу нам облегчало то, что из-за гололеда машины ездил на средней скорости и становились легкой добычей. В то же время легкой добычей разъяренных водителей становились и мы. Причиной этой ярости было то, что мы своим опасным увлечением часто травмировали и себя, и автомобиль: порой невнимательный водила лишался бампера, словно олень, скинувший рога в преддверии осени.

С такими линчевателями нужно было шустрить. Они обычно неожиданно били по тормозам и тут же выскакивали в погоню. В подобных случаях у вас было несколько секунд (если, конечно, вы не врезались в неожиданно тормознувшее авто), чтобы развернуться и удрать. Некоторые из-за сточенной обуви и гололеда буксовали на одном месте, как на беговом тренажере.

Движение в пространстве по задуманному направлению им придавал смачный пинок по точке №5 от подбежавшего водителя.

Разные были фантазии у водителей. Некоторые аккуратно подбирали упавшего буксовщика за заднюю сторону пояса и шкирку и втыкали вниз головой в снежный сугроб. Видимо, чтобы охладить горячую голову. Мой старший брат с двоюродным нашим братом однажды придумали свой метод наказания: он медленно проезжает (такая езда брата манила всех моих корешей, а я, конечно же, должен был играть роль примерного мальчишка и наблюдать за этим процессом с завистью), ждет, пока все адреналиновые пиявки присосутся к бамперу, и тут открывается багажник, из него высовывается двоюродный брат и канистрой начинает отбивать незатейливый мотив на бошках ошарашенных ребят. Второй мой брат тоже пытался отучить ребят – и тоже тщетно. Другие просто распространяли слухи: про бамперы с лезвиями, про примерзшие и оторванные руки и тому подобные байки из склепа, как будто мы сами не умудрялись их «заработать» своим неpassивным трудом.

Из всех своих «заработанных» травм больше всего мне запомнились штуки три.

Так вот, кроме вышперечисленных неудобств при зацепке, не менее опасной была и процедура отцепления от бампера. Ее следовало выполнить, убедившись, что навстречу не едет другой автомобиль. Иначе не успеете вы отцепиться от заднего бампера одного автомобиля, как врежетесь в передний другого, несущегося навстречу. В итоге был весомый шанс, что вас самих косою «зацепит» костлявая. Поэтому тот, кто цеплялся за левый край бампера, играл роль штурмана, так как он видел дорогу и препятствия на ней. Он сообщал, когда можно или нужно отцепиться. Часто натыкались и на принудительную отцепку. Водители специально заворачивали на растаявшую, скользкую поверхность или проезжали по глыбам льда, лужам и т.п., чтобы отцепить нас, так же, как ящерица отстегивает свой хвост в момент опасности. И вот в один, как оказалось, не очень прекрасный день нам попался именно такой экземпляр – явно не лев Банифаций. Тем не менее мы зацепились за его колымагу и, как ни странно, быстро разогнались. Вдруг кто-то из штурманов сквозь рев мотора закричал:

– ОСТОРОЖНО! Впереди ледяная глыба.

Но смысл этих слов добрался до меня чуть позже, чем та самая глыба льда. Я уже валялся на спине и пялился в синее небо, когда сообразил про себя: «Ах, вот о чем он нас предупредил».

К счастью, позвончик уцелел, но больше кататься в этот день мне почему-то не захотелось. С походкой Робокопа я потопал домой.

В детстве я был способным учеником, многое схватывал на лету, но, видимо, тот полет был слишком коротким, так как урок этот я не усвоил, о чем свидетельствует следующий случай. На этот раз нам попалась добыча покрупнее. А точнее, «Камаз». Этот транспорт был одним из наших любимых – из-за ряда удобств: средняя скорость, множество железяк сзади, чтобы уцепиться, и, главное, уверенность в том, что водитель не станет тормозить эту махину, спускаться из нее и гнаться за нами... в общем, мало кто из них занимался всей этой рутинной ради удовольствия влупить подзатыльник какому-то забывшему про инстинкт самосохранения сопляку.

Но был и один минус. Если «Камаз» попадался с прицепом, то под его железным козырьком приходилось кататься пригнувшись, так как, наезжая на кочки и ямы, лафет вместе с машиной дергался вниз, как прессовочный станок.

И вот, зацепившись за подобный транспорт и пригнувшись, мы с радостным

смехом неслись, скользя сточенными подошвами по гололеду, как настоящие сноубордисты. Вдруг один из сноубордистов, то ли сам, то ли реально поскользнувшись, перешел на фигурное катание. Пытаясь не упасть, он зацепил ногой своего соседа, таким темпом эта зараза передалась нам всем. Подобно телятам на льду – швыряя ноги то вправо, то влево – наше кабаре отчаянно боролось за равновесие. Во всей этой скользкой пляске я забыл про меры безопасности и выпрямился, как по стойке смирно. В этот самый момент, по печальному совпадению, «Камаз» угодил в ямку. Хотя она и не была глубокой, удар, который пришелся на мою и без того горячую голову был таким, что меня мгновенно припечатало к дороге пузом вниз в позе лягушонка. Как будто земное притяжение умножилось в сотню раз – настолько сильно прицеп «Камаза» ударил меня по башке. Такая мощная «печать» вполне могла бы гарантировать мне блестящую карьеру лилипута в каком-нибудь цирке. Удостоверившись в том, что жив, могу встать и могу передвигаться, я немедленно воспользовался тем, что доковылял до дома.

Но более всех мне в память впечатался третий случай. В тот день был какой-то «автокризис». Так сказать, «не за что было зацепиться». В какой-то момент меня окликнул приятель:

– Йов! Иди сюда. Я тебе что-то покажу. У меня кое-что есть.

И тому подобная тирада-заманиловка. В общем, не нужно было быть ясновидящим, чтобы понять, что его наказали домашним арестом. Парень явно не мог далеко отходить от дома. А я только недавно вышел на улицу и еще не успел заработать свое наказание, поэтому не стал воспринимать его рекламу всерьез. Его дело, по-любому, было не в моей юрисдикции, и я никак не мог содействовать его амнистии. Все, что я мог, – это просто изображал занятость фразами типа:

– Что? Да щас... подожди. Что ты сказал?

Хоть между нами и было метров триста или чуть больше, меня абсолютно не привлекало то, что он хотел мне показать – что бы у него там ни было. То, что меня реально привлекло, появилось как в замедленной съемке и направлялось в сторону игнорируемого мной оратора. Это был трактор – самый легкий вариант прокатиться. Впереди у него был огромный гредерный щит, а сзади ковш. Вот за него я и решил зацепиться. В кабине был тракторист и рядом с ним, кажется, сидел мальчик примерно моего возраста. И вот я один из всей компании – как ни странно – пустился в погоню за легкодоступным из-за средней скорости транспортом. Когда оставалось совсем немного расстояния – мне до него, а ему до поворота, тракторист, заметив меня, оглянулся. С настороженным взглядом пялясь на меня, он начал заворачивать в тот самый поворот, когда из него навстречу выехало «Жигули» шестой модели. Он только и успел вернуть свой взгляд на дорогу, чтобы воочию увидеть, как его передний щит врежется в правый угол легковушки. В этот момент температура на улице для меня упала еще на пару десятков градусов ниже нуля, так, что я приморозился на месте, как ледяная статуя. Бежал за адреналином, в итоге получил чрезмерно большую порцию шока. Из трактора и легковушки стали выбираться люди. В «Жигули», помимо водителя и молодежи, оказалась женщина в годах. Вскоре я понял, что шокотерапия оказалась групповая – не мне одному достались эмоции от аварии. Но я, как оказалось, не всю свою порцию оттяпал. На обычные в таких ситуации вопросы вроде:

– Куда ты смотрел? Не видишь, что я еду? – тракторист, как на очной ставке, нашел меня взглядом в толпе и сказал как есть :

– Вот этот мальчик побежал за мной, и я оглянулся на него.

После этих слов все взгляды устремились на меня. Чтобы передать то, что творилось у меня в душе в тот момент, представьте, что их всех вооружили

мушкетами и генеральский голос прокричал им команду: «РОТА! ЦЕЛЬСЯ! ОГОНЬ!» Ко мне с молниями в глазах подошел старший двоюродный брат и злобно прокричал:

– Ты чего это побежал за ним?

Тут уже явно светило нечто похуже, чем канистрой по скворечнику. Тракторист нашел себе отмазку, теперь слово за мной. И я подумал, куда бы я мог бежать, ведь теперь-то не убежишь.

Неожиданно я вспомнил, что перед погоней за трактором меня звал приятель. «Да! Аллилуйя! Все-таки есть справедливость в мире!» – подумал я, защищаясь от обвинения таким ответом:

– Меня звал вон тот пацан, – показал я на ошарашенно наблюдающего за нами мальчика. – Я бежал к нему. И прозвучало это так, как будто я был спасателем, которому мешают выполнять свою работу. Но только один я знал, кого я спасал на самом деле.

– Ну так беги дальше к своему приятелю! – снова прокричал на меня брат. Но уже как бы с досадой оттого, что лишился повода поколотить меня как следует. Не нужно было дважды отдавать подобный приказ такому солдату, как я, тем более, на подобном поле брани. Вряд ли я когда-нибудь был так рад, что меня позвал друг. Каждый имеет право винить и меня, и тракториста. Но если вы сейчас задумались, почему этот опыт я склонен считать самым худшим, то, в отличие от того дня, когда я в его взгляде, перед тем как он врезался в «Жигули», увидел вопрос: «Неужели ты надеешься зацепиться за трактор?» – теперь, каждый раз вспоминая об этом случае, я вижу в его взгляде совсем другой вопрос: «Неужели ты надеешься отцепить это ДТП от своей совести?»

Недогоревшая петля

Рассказ

Так как в моем теперешнем состоянии мне сложно о чем-либо рассуждать, то лучше я послушаюсь того совета, который я получил из пламени. Это был какой-то знак на листе бумаги, кричащий: «...написав сам для себя весь этот день с самого утра». Похоже, он копировал мои работы – там были еще обрывки типа: «... эзотерический смысл этого дня открывается в процессе письма». Но не припомню, чтобы я когда-либо писал подобную чушь. Неужели он писал стихи... Горе-поэт. Судя по репертуару, с музой своей он давно уже в разводе. Не сомневаюсь, что я сделал доброе дело, скормив ненасытному огню труды этого писаки-колдуна. Его самого нужно было сжечь так же, как сжигали его древних «коллег» на костре. Вполне возможно, что он писал заклинания. Не просто же так ходят по округе эти слухи. Да и сам он обронил что-то про магию. И я ясно расслышал, как он проговорился о том, что убил кого-то. И все это в моей избе. Но теперь все позади, и пишу и чувствую какую-то умиротворенность. А может быть, я просто внушил себе, что это какой-то знак и все такое. Тем не менее не лишним будет описать все события этого дня на тот случай, если вдруг полиция или еще кто-то хватится этого человека – хоть какое-то алиби. Но факт налицо: это занятие отвлекает мое сознание от ненужных размышлений.

Что ж, попробую вспомнить весь этот день с самого утра. Такое чувство, что я вытянул билет из горящего камина с заданием написать сочинение на тему: «Как я провел день». Точно помню, что первым словом, которое я сегодня произнес – более того, даже выкрикнул – в момент пробуждения было «Я». И это был не просто крик. Я хотел сказать какому-то взбешенному, очень злому человеку с грязным лицом о чем-то крайне важном. Мы были в какой-то

комнате, очень похожей на эту, и я предчувствовал что-то страшное, так как он целился из ружья мне в голову. Я пытался ему что-то объяснить, но это его явно бесило. Предчувствуя плохое, я начал повышать голос и говорить ускоренно. В результате он разозлился еще больше. Только я хотел выговорить это слово «Я» – кажется, я хотел закончить им какое-то предложение, не помню, что я говорил до этого – как он выстрелил. Дроби, которые врезались в мою голову, как будто разбили цветной экран и все погасло. «Выкл». Кино закончилось. Мое сознание погрузилось в полную тьму. Я парил в ней какое-то время, но потом парение замедлилось, как будто я погрузился в воду и поплыл. Спустя еще какое-то время меня как будто волной выбросило на берег. И тут уже «Вкл» – включился свет. Я проснулся, выкрикнув «это Я». Оно эхом – «я-я-я-я-ааа» – улетело куда-то вдаль. Может, я хотел ему сказать, что «это Я» или «это был не Я» – не помню. Осколки этого сна (как это обычно и бывает), чем сильнее я пытаюсь его вспомнить, тем глубже погружаюсь во тьму. Не думаю, что смогу передать, насколько я его возненавидел. Я сразу вспомнил байки про проклятого колдуна, бродящего в этих лесах. И мой убийца во сне – это был точно он. Теперь, после всего, что произошло, у меня нет никаких сомнений в том, что это был вещий сон.

Свет, который я увидел в момент пробуждения, был вроде света в конце туннеля, но находился я, как вскоре выяснилось, не в туннеле. Это была пещера. Рядом раздался треск, который окончательно пробудил меня от фантазий полета души, навстречу свету в конце туннеля. Это упало ружье. Мое ружье. Видимо, перед сном я поставил его, уперев об стенку тоннеля, и в момент пробуждения задел. Патронов в нем не оказалось. Оба ствола пусты. И тут я начал размышлять о всяком: о том, что больше не останусь ночевать во время охоты, тем более в подобном месте, что только такой дурак, как я, мог забыть зарядить ружье, да и еще на ночь глядя. Выковыривая из своего пояса два патрона двенадцатого калибра и засовывая их в ружье, я все еще думал, с каким же удовольствием вышиб бы мозги из того злобного стрелка, лица которого я так и не сумел толком разглядеть. Выйдя из пещеры, я подтянулся, зевнул и по привычке резкими полуоборотами туловища сначала в одну, потом в другую сторону наслаждался ожидаемым хрустом позвоночника. Суставы приятно размялись. В дополнение к этому блаженству я начал любоваться природой, вдыхая полной грудью свежий воздух. Постепенно живой лес своей разноголосой симфонией отвлек меня от фантазии возмездия за жестоко прерванный сон. Подняв голову, я начал разглядывать зеленые верхушки деревьев в надежде увидеть источник этого прекрасного голоса. Но вместо поющих птиц или скачущих с дерева на дерево белок я заметил поднимающуюся в небо из глубины леса змейку черного дыма.

Дыма без огня не бывает, а лес и огонь – это весьма опасное сочетание. Присмотревшись внимательнее, я пришел к выводу, что дым исходит из той части леса, где находится мое скромное жилище. Вновь пытаюсь вспомнить подробности недавнего сна, быстрым шагом я направился в ту сторону, откуда шел дым. Примерно через час, устав от напрасных попыток вспомнить детали сна, я сосредоточился на окружающей местности.

Выбрав маршрут вдоль реки, я услышал какие-то голоса. Цепляясь то за камни, то за землю, тщетно пытаюсь не упасть, кое-как я все же спустился к реке и увидел трех мальчиков разного возраста. Младшему приблизительно лет семь, среднему – около десяти, старшему – максимум тринадцать. Скорее всего, братья. У старшего в руках было что-то вроде спирали из проволоки. Такой обычно ловят щуку. Средний плелся за ним с пустой сеткой. По его лицу было видно, что он не возлагает особых надежд на то, что приспособление

старшего обеспечит их хоть каким-либо уловом. А младший, беспечно напевая себе под нос какую-то песню, собирал и швырял камни в реку. Вытирая рукой пот с лица, я задал им шуточный вопрос: «Ну, молодежь, сколько шук пришлось отпустить из-за жалости?» Судя по выражению их лиц, я не только застал врасплох, но и нехило напугал их. Я даже оглянулся, подозревая, не стоит ли у меня за спиной медведь. Оказалось, что нет – все тот же лес и горы. Тут младший задал мне встречный, не менее забавный вопрос: «Дядя, а вы настоящий?»

Я улыбнулся и сделал вывод: «Тот же вопрос я могу задать и вам. Но, по крайней мере, для вас – да, я настоящий». Старший сразу же принялся объяснять: «Извините. Это он просто заикнулся на страшилке про призрак...» «Пло плизлака искателя ошейника», – уточнил младший. Вдруг средний захохотал, а старший, с улыбкой на лице, сделал еще одну поправку: «Писателя-отшельника». И я сразу понял, что они из соседнего села, в котором я обычно запасуюсь продуктами, соляжкой и прочей провизией. Там вечно косо смотрят на чужаков, а за спиной сочиняют всякие байки покруче, чем какой-либо «искатель ошейника». Так и повторил я с притворным удивлением. Видать, их специально пугают, чтобы они не уходили далеко в лес. Вспомнив о своем, я спросил: «Вы не заметили, кто-нибудь поднимался вверх по реке?» Переглянувшись, все трое хором ответили: «Нет!» Тем временем младший продолжил свой допрос: «Дядя, а што у ваш с ложей?» Это уже был перебор, и, явно прочитав это на моем лице, старший наконец-то врезал мелкому вполне заслуженный подзатыльник. На что тот возмутился: «За штоо?» А средний, сквозь очередной приступ смеха, предложил младшему: «Скажи еще раз писатель-отшельник или, нет, как там еще рассказывала тетя перед сном... а-а, скажи – сумасшедший самоубийца». На что тот в своем стиле прошипел: «Щумашечи щамаубича». Теперь уже оба старших брата начали хохотать над младшим. А тот, улыбаясь, начал чесать только что огретый затылок, явно радуясь тому, что всего-то двумя словами загладил свою недавнюю оплошность. Да, парню вполне нашлось бы о чем потолковать с логопедом. Улыбнувшись и пожелав им удачной рыбалки, я развернулся и пошел вверх, в сторону дома. Слушая их постепенно отдаляющийся от меня оживленный трепет, подобный чириканью встревоженных ласточек, я подивился переменчивости настроения в этом прекрасном возрасте. Только что они были не на шутку напуганы, а теперь увлечены всякими пантомимами. С этими размышлениями я продолжил свой путь.

Через часа два или три я добрался сюда. Сначала появилась темная точка. Потом сквозь деревья видно было, что эта точка постепенно превращается в квадрат, и вот конечный итог его воплощения – деревянная изба. Чем ближе я приближался к ней, тем дальше от меня уходили звуки природы. Это меня насторожило. Потом я увидел свет в окне: кто-то зажег керосиновую лампу, но труба уже не дымила. Незванный гость, ведущий себя как будто он у себя дома. Этому мне еще не хватало! В тридцати метрах от избы стоит бездонный колодец. Сколько я ни швырял в него камни и факелы, никаких намеков на наличие дна. Какая-то космическая черная дыра, нашедшая приют на земле. Из-за симпатии к этому колодцу я и выбрал именно это место для постройки избушки и проложил к нему от крыльца тропинку из белых камушков. К тому же, это идеальный мусоропровод. Направляясь к избе и уже разомкнув челюсти, чтобы крикнуть «Эй! Кто здесь?», как-то спонтанно мой взгляд снова переместился на колодец, к которому я уже приблизился. На мгновение мне показалось – как это обычно и кажется – что это краска. Подойдя ближе, я понял, что это кровь. Весь бортик колодца был заляпан кровью, в некоторых местах

уже высохшей, в некоторых совсем свежей. В этот момент у меня возникло очень ясное дежавю. Как будто кого-то убили и бросили в колодец. И от этого чувства – а вполне возможно, и оттого, что загляделся вниз, в черную тьму – у меня так сильно закружилась голова, что я в последний момент схватился за бортик колодца и чудом не упал в него. Мгновенно оттолкнувшись, я придавил пальцами виски. Головокружение, вроде, прошло. Расслабив пальцы и проведя ими вниз по лицу, я почувствовал липкость. Посмотрел на руки. На них были кровь и высохшая грязь. Кровь, я сразу понял, от бортика. А грязь, скорее всего, – не очень удачный спуск к реке. Теперь я понял, на что намекал тот мелкий «дознаватель» у реки. Его счастье, что он не видел меня в новом, с кровью, раскрасе. И на тропинке были видны следы крови – то ли от крыльца к колодцу, то ли от колодца к крыльцу. Все еще раздумывая об ужасе, который здесь творился, я поймал себя на мысли, что все это время нахожусь на виду.

Быстрым рывком, переместившись за колодец и притаившись, я прикинул план атаки. Кто бы ни проник в мой дом, это явно не Санта-Клаус с подарками. И я не помню, чтобы я оставлял окровавленные тела или еще что-либо требующее уборки в мое отсутствие. «Уборку» в моем доме придется устроить мне. С этими мыслями, настроившись на бой, я выбрал для атаки эффект неожиданности. Типа как при сдирании лейкопластыря с болячки. В фильмах про спасение заложников это выглядит иначе, но в моем случае единственным заложником, которого я желал спасти и уберечь, был я сам. И я решился на штурм своей же крепости. Отвлекающий маневр – и неожиданный штурм. Взвев курок ружья, я пальнул в воздух и проорал во всю глотку: «КТО БЫ ТЫ НИ БЫЛ, У ТЕБЯ РОВНО ПЯТЬ МИНУТ, ЧТОБЫ ВЫЙТИ ИЗ МОЕГО ДОМА С ПОДНЯТЫМИ РУКАМИ!» И сразу же, заменив вторым патроном стреляную гильзу в ружье, быстрым шагом, внимательно следя за окном и дверью, побежал к крыльцу. Добежав до двери, я прижался спиной к стене рядом с дверным косяком и стал прислушиваться. Сначала мне показалось, что это треск горящих в камине дров. Но потом с удивлением опознал в этом звуке до боли знакомый треск своей печатной машинки. Действительно, этот человек что-то печатал. И, судя по ускоренному тресканью клавиш, очень быстро. Я подумал: «Неужели он глухой – так отреагировать на мой выстрел и предупреждение! Или, того хуже, псих какой-то!» Вот тебе и эффект неожиданности. Но тот факт, что он все еще занят печатаньем, давал мне шанс застать его врасплох. Чтобы перевести дух и собраться с мыслями, я досчитал до десяти. Резко открыв дверь, я заскочил внутрь и взял его на мушку.

Увидев меня, он воскликнул: «Черт!» – и подпрыгнул как ужаленный. Задетый этим прыжком, стол качнулся в сторону, упала керосиновая лампа, пролилось горючее, на полу вспыхнул огонь. Тогда он начал взывать к Богу. Топча ногами пламя, он бросал быстрые взгляды то на меня, то на огонь у себя под ногами. При этом бормотал что-то типа: «Боже мой, этого не может быть! Что за чертовщина!» Чтобы убедить его в том, что может быть и не только это, я сделал еще один предупредительный выстрел ему под ноги. Тогда он встал спиной к огню, да так, что лица его совсем стало не разглядеть. Свет бил ему в спину, а на лице полутьма. Но бред свой он и не думал прекращать: «Это какая-то магия или сон. Тебя не может быть. Неужели я обезумел?» От его трепа и дыма в комнате у меня не просто закружилась, но уже разболелась голова. Взвев курок и целясь ему в лицо, я двинулся на него. По правде говоря, я планировал подобраться к нему ближе и оглушить его, ударив прикладом по голове. Но, похоже, он точно был безумцем. Он заорал еще громче: «СТОЙ, СТОЙ, СТОЙ, НЕТ! Я ЗНАЮ, ТЫ ВИДЕЛ КРОВЬ, И ТЕБЕ ПОКАЗАЛАСЬ, ЧТО Я УБИЛ. ДА, НО ДАЙ МНЕ ОБЪЯСНИТЬ – НА САМОМ ДЕЛЕ ЭТО

ТЫ!» С этим словами он бросился к столу, что-то схватил и развернулся с воплями: «ТОЧНЕЕ, ТЫ ЭТО...» Но в этот миг я спустил курок.

У меня не было выбора... Я не знал, что именно он взял со стола. Это могло быть что угодно: нож, пистолет или ружье. Самозащита с печальным исходом. Бедолага умолк навсегда. Слышен был только вой огня. Стащив с кровати одеяло, я накрыл им пламя. В комнате воцарились мрак и тишина.

Открыв дверь, чтобы проветрить комнату, и взяв со стола спички, я достал из угла запасную керосиновую лампу и зажег в ней фитиль. На полу вновь освещенной комнаты появилось два темных силуэта – одеяло, которым я накрыл лампу, и мой незваный гость с листками бумаги в руке. Подойдя ближе, я увидел, что вместо лица у него сплошной кровавый фарш. Хоть и видно было, что не стоит, но для формальности я все же проверил его пульс. Кто бы он ни был – вор, колдун или просто сумасшедший – отныне и навсегда – он покойник. На листках были брызги крови. Я швырнул их к камину. Еще я заметил, что этот безумец украл, точнее, вырядился в мой запасной охотничий камуфляж. Это надо же быть таким рассеянным! Я только сейчас вспомнил, что не проверил его карман. Вдруг он что стырил. Теперь-то поздно. Ищи его во тьме. Только что я додумался проверить тайник. Цел. И книжная полка не тронута. Снимать с него свою одежду я и не думал. Более того, с ним самим нужно было что-то делать. Вдруг у меня в голове появилась рифма: «Нет тела – нет дела». Закинув через плечо сначала ружье, а потом и его самого, я направился к колодезю. Дойдя до него, я прислонил свой «груз 200» к бортику. Немного отдышался и, схватив его за поясицу, перекинул за борт. Я так перестарался с броском, что чуть было сам не полетел следом. Выпрямившись, чтобы по привычке размять позвоночник, вдруг я почувствовал непривычную легкость в правом плече. Как оказалось, вместе с телом в колодезю полетело и мое ружье. Да, борец или грузчик из меня никакой.

Вернувшись в избу, я подобрал одеяло, поставил обугленную лампу в угол, а одеялом вытер с пола и со стола следы крови и положил лампу у камина. Взяв с пола рукопись, которую он испачкал – сначала своей писаниной, а потом и своей кровью – я взял со стола спички и, раздумав терять время на ее чтение, подошел к камину. Зажигая ее последними спичками из коробки, я решил, что завтра придется снова спускаться в то самое село, к этим невеждам. Пополнить свои запасы. Загоревшиеся листки я сунул под дровишки. А когда загорелись они, поместил на них свернутое в комок одеяло.

Наблюдая за тем, как пламя пожирает чьи-то мысли в виде бутерброда из бумаги и чернил, я задумался о взаимосвязи своего вещего сна и дежавю. И вдруг заметил те самые, недогоревшие полоски с надписями. Может, они из-за крови не догорели. Но мне это показалось чем-то вроде знака или типа того. В общем, навело на мысль писать. В итоге так я и сел за эту машинку и начал печатать этот текст.

Действительно, «написав сам для себя весь этот день с самого утра», я как будто камень с души снял. Так сказать, исповедь бумаге или самому себе. Но вторая надпись про то, что «эзотерический смысл этого дня открывается в процессе письма», пока что ничего мне не дала. Наверно, все же надо было прочесть его рукопись, перед тем как я ее сжег, хотя бы ради интереса, что творилось в его безумной голове. Да, поспешил. Просто он мне был настолько противен, что я только и думал, как бы поскорее от него избавиться. С самого пробуждения от сегодняшнего вещего сна я находился в состоянии предчувствия чего-то или кого-то чужого. Это не просто передать на бумаге. Но такое чувство сопровождало меня сегодня с самого утра. Из пещеры, в которой я проснулся,

до моего колодца. А дальше – сплошное головокружительное дежавю, которое в итоге перешло в острую боль. Но теперь мне, действительно, лучше. Очень успокаивающее занятие. Как будто уста твои превратились в пальцы. Чернила в машинке – это твой голос. А листок, на который ложатся твои размышления, это ухо или сознание самого внимательного слушателя.

В такие вот моменты совершенно плевать на тех, кто воспринимает писательство в штыки. Иногда я думаю: невежество – это их карма за ненависть к культуре или они просто по причине лени своей не желают заглядывать в эту дверь мудрости в виде книги, тем самым деградируя в тех же невежд. Я вспомнил про тех мальчиков у реки. Им ведь тоже навязали, что писательство – это зло, колдовство и еще черт знает что. Я тешу себя мыслью, что только ради того, чтобы они не совались в мои владения. Этот вечный настороженный взгляд, которым меня всегда встречают там, внизу. Как будто человек не имеет права на отказ от цивилизации, уйти с работы, продать дом и поселиться наедине с природой. Хотя причиной косых взглядов – как и вопроса того мелкого «дознавателя» – может быть мой вид. Из-за того, что я все никак не решусь вновь завести зеркало, так как знаю его участь. Очередная депрессия – и все: или я или оно. А этому стаду только бы найти новую тему для сплетен, которые даже меня заставляют задуматься. Особенно про то, что создателя образов в Судный день жестоко накажут. Где-то я даже слышал, что наказывать его будут созданные им же герои. И тут хочется спросить: «А как же тот бред, что придумываете вы сами за каждой спиной?» Они считают нормальным то, что их детей зомбируют через спутник. Гипнотизер с одним глазом в виде экрана – лучшее, что могла придумать проклятая система. «Пульт управления людьми», как точно заметил Пелевин. В итоге они сами уже наказаны, увязнув в этой соцпаутине. Думают, что у них есть выбор. На самом деле, им предлагают выбрать один из вариантов в пирамиде выборов. Но все в этой пирамиде предусмотрено. От первых, подобно сиренам влекущих к себе ступеней до конечной верхушки – итоговой человековыжималки. Я тешу себя тем, что общего у меня с ними – только эта планета. А порой после недолгого пребывания в обществе и это угнетает. Вот и приходится иногда уходить в свой мир – в себя, в галактику своего мозга. Подальше от фальши. Этот порой спасительный поход навстречу...

Только что, как гром среди ясного неба, раздался выстрел и возглас. Эпицентром его поражения было мое сознание. Или я увлекся мыслями, или керосиновый угар привел меня к слуховым галлюцинациям. Я четко слышал, как снаружи кто-то выстрелил из ружья и прокричал мною же пару часов сказанные слова. Как будто мое же заблудившееся в горах эхо вернулось сюда. Или это дурацкая пародия какого-то шутника. Жаль, что я выронил ружье. Все это наводит меня на странную мысль. Но, думаю, подождав одну минуту, я узнаю насколько возможно то, что...

Николай Бусленко

Родился в 1938 году в Курской области (с. Толстый Луг). В 1965 году окончил историко-филологический факультет Калининградского госпединститута. В 1975-ом – аспирантуру Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. В настоящее время – доктор политических наук, кандидат филологических наук, кандидат юридических наук, профессор Южного федерального университета и Чеченского госуниверситета им. Л.Н. Толстого. Член Союза журналистов России, действительный член Петровской академии наук и искусств (г. Санкт-Петербург), заслуженный работник культуры Российской Федерации. Лауреат Всероссийского конкурса «Аналитическая журналистика» (1996), обладатель Гран-при поэтического конкурса «Мой город – моя судьба» (2009), награжден медалями М.А. Шолохова и Н.А. Некрасова, обладатель высшей награды Союза журналистов России «За заслуги перед журналистским сообществом». Его перу принадлежит более 300 научных и художественных произведений и статей.

Чеченские мотивы**Чеченке**

Чеченка старая, в платке,
похожем на сгустившуюся тучу...
Застыл вдруг твой, как спица,
взор колючий
на шерсти бежевом мотке.
Нет, ты не хочешь рассказать,
как жизнь свою
из горьких лет вязала...
Решила внуку, как про все узнала,
одежку теплую связать.
Печали знак в твоём платке...
Напрасна благородная работа.
Ведь внуку не нужна твоя забота –
с шальною пулей он в виске
лежит в горах у каменного грота.

Аргунское ущелье

«Здесь жизнь сильнее смерти...»
Я с этим спорить бы не стал.
Бегут века, тысячелетья,
бежит Аргун в теснинах скал.

Вдали, за синими горами,
волчицы пестуют волчат...
Поговорил бы я с камнями,
но камни дикие молчат.

Язык камней услышать нам ли...
Молчанье – вечности сродни.
И я гляжу на эти камни –
о чем печалются они?..

Стоят меж зрячими горами
седые башни в полный рост...
Чернея грозными щелями,
уснул заброшенный блокпост.

Струится влага под скалою –
открыт для всех живой родник...
«Грузинка узкою тропею...» –
И образ женский вдруг возник.

Я оживал... И в меру сил
любовью к жизни упивался.
Нет, я не просто полюбил,
тобой, Кавказ, я восторгался!

Твои величественные горы
в далеком сне я увидал...
Вторую жизнь – о, что за горе! –
тебе, Кавказ, я бы отдал.

Отъезд из Грозного

Ранний сентябрь горизонт золотит...
Склонами гор, высотой минаретов
на белую гладь из мраморных плит
тихо стекает чеченское лето.

Время звенит на возвышенной ноте
Чувства – в достатке.
Вещей – налегке.
Сумрак вагона. Чеченка напротив.
Клекот орлицы в ее языке...
Слово чеченки острее кинжала.
Гул оживленья в вокзальной толпе.
...Солнце за поездом скорым бежало,
плакал младенец в соседнем купе.

Чеченскому другу

Л.А. Турпалову

С тобой мы славно пили
терпкое вино,
я на виски твои глядел,
что в снежной замети...

Мы говорили обо всем,
но было лишь одно,
к чему не прикасались
терпкой памятью.

Порядок слов, речей
я помню до сих пор –
не омрачался разговор
ни в малой малости...

...Вдали синела цепь
высоких мудрых гор,
как будто в них великое
хранилось таинство.

Страда чеченская

На равнине чеченской
дозревают хлеба.
Мир наступит вселенский
и начнется страда.

И хоть в полдень, хоть в полночь –
будь же хлеб на столах...
Люди, в помощь вам, в помощь
Всемогущий Аллах.

В хлебе Истина, правда.
С гор струится поток –
жизнетворная влага...
Люди, дайте глоток!

Расовый круг

Воевали мужчины...
Н. Егоров

Как всегда, находились причины.
Не всегда они были серьезные.
За оружие брались мужчины –
кожей белые, желтые, черные...

Погибали мужчины –
за хлеб, за кров...
Не напрасная смерть иль напрасная?
На тех бранных полях
проливалась кровь
равно красная, красная, красная...

Прилетали к ним вороны в гости.
И пески засыпали их серые.
Омывались дождями их кости
равно белые, белые, белые...

Умирили их светлые грезы,
уносясь в дали дальние, мгlistые.
Проливали их женщины слезы
Равно чистые, чистые, чистые...

Все по кругу проходит на свете.
Все, законам природы покорные,
Подрастают мужчины, их дети –
кожей белые, желтые, черные...

«Лунная соната»

Стояла ночь...
 В предчувствии ночных чудес
 Меня терзали
 ожиданья муки...
 Вот с высоты
 непостижимости небес
 упали вниз

божественные звуки.
 И слушал звуки те
 ночной подлунный мир,
 Как будто наступил
 вдруг Суд верховен...
 У Бога я тогда спросил:
 «Кто сотворил?»
 И Бог ответил мне:
 «Бетховен».

Как умирал Чехов

*В старые времена, если больному уже ничем
 нельзя помочь, ему наливали бокал шампанского*

В Баденвейлере тепло, уютно...
 И курортной жизнью городок живет.
 Черных бабочек над крышами полет –
 лето!.. В это время года многолюдно.
 Приезжают шведы, русские и чехи –
 поддержать здоровье тянется народ...
 Из России в Баденвейлер прибыл Чехов
 за последнею надеждой – на курорт.
 Чехов болен и ему смертельно плохо...
 Он, как врач, уже догадывался, знал,
 что с леченьем сильно опоздал –
 в легких торжествует вирус Коха.
 Старый немец, доктор, утром, в час осмотра,
 легкие послушав, горько промолчал,
 он вздохнул и ничего не прописал...
 И тогда спросил больной: «Ich sterbe, doctor?»¹
 Доктор деликатен – не сказал ни слова...
 Он открыл шампанское и налил бокал.
 «Как давно я пил шампанское...» – сказал
 Чехов, выпив, лег – и сном забылся снова.
 По палате тишина ходила робко,
 бабочка – чернее ночи – порх в окно.
 Громко из бутылки выстрелила пробка.
 О, как мало же ему отведено!
 Гений тихо умер. Гордость наша – Чехов.
 «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневым сад»...
 Душ певец, защитник слабых Человеков,
 незабвенен, как и сотню лет назад.

¹ Я умираю, доктор? (нем.)

Алиев Мохьмад**Забаре дийцарш****Нуц**

Стунцхой болчу цхьа г1уллакх эцна ваха везаш хьал х1обьтина невце. Уьш бежа юрт геннахь хилла, сарралц некъ бан безаш. «1уьйрре араваьлча, хьалхо ц1а кхочур вацара-те со», – аьлла, са матеснехь араваьлла х1ара. Делкбал т1аьхьа хьуьхьвоьлла д1акхаьчна: невцана хьалха, массо а тайпана, даарш дехкина охьахаййна стун йишас. «Юург йиьна ваьлча, мелла а сиха новкьавер ву со», – бохуш, чай молуш нуц а волуш, чубаьхкина стун вежарий.

– Тхан нуц, хьо майраллийца, доьналлийца вуьйцуш хезна тхуна, ткьа ахь цхьана х1уман т1ехь г1о дан деза тхуна, – аьлла, цара.

«Йо сан Дела, х1ун дохьуш баьхки-те шу х1инца, со хьенан коча таса г1ерта-те шу?» – воьхна нуц. (Б1аьргнег1ар тухучу заманчохь, х1орш дов а доккхий, хьаннах леташ буй хууш хилла невцана). Мелла а сиха ц1а ван ойла хиллачу пекьаран, г1уллакх духуш хилла.

– Дера шун г1уллакхе ца хьаьжча вер ма вац, х1ун ду хилларг? – хаьттина невцо.

– Гой хьуна, Кьурша, оха хьуна т1едуьллушдерг онда г1уллакх ду, оха маллара, хьо майра а, доьналла долуш стаг хиларх тхо тешна ду. (Нуц яхье ваккха г1ерташ деш кьамел хилла и вукхара, шайн х1ара вевза дела, ткьа нуц-м хилла, кадалахь водур волуш).

– Х1ун ду хилларг, сьхаалийша, со х1оккхехь ву-кх? – бохуш, гуттар кьонах хилла кьамеле ваьлла нуц.

– Тхан юьрта вог1уш цхьа стаг ву! – аьлла вежарех цхьаммо. Стаг ма хьаххийнехь, невцан юьхь-бос хийцабелла, дег1е йовхо хьаьдда.

– Х1ун стаг, цо х1ун дина? – аьлла, халла багара даьлла невцан, ша цуьнан коча таса бохкий а хиьна.

– Оха вуьйцу и стаг х1ора буса тхан юьрта вог1уш ву, синкьерамехь уггар хазчу йо1е бен сакьоьруш а вац, езаниг бен узуш цигаьрка а яц. И дерриг ловр дара оха, амма цо ден деза кьамелаш ца лало тхоьга.

– Ткьа ас дан дезарг дийцийша?

– Доккха х1ума дац. Тховса боккха синкьерам бу юртахь. Ахь дан дезарг, цуьнца дов даккхар ду, кхин д1а оха тхашь чекхдоккхур ду. Ткьа, тхан цуьнца дов д1адолада йиш яц и юьртана т1евог1уш хьаша волу дела.

– Со а ма ву шун юьртана т1евеана стаг, ас а шун юьртахь дов лелош товш ма дац, кхин т1е со кху юьртан нуц а ма ву, – аьлла, невцо ша к1елхьара валийтарх дог дохуш, балдаш а дегош.

– Хьо а т1евеана стаг ву, иштта иза а ву, ахь дов долиьча чорда хир дац, ткьа тхо бехке хир ду.

Ша валийта бохкуш боций а хиьна, невцо юха а хаьттина:

– Х1ун дан деза ас?

– Доккха х1ума дац: оха тховса оцу стагана юххе охьахаор ву хьо, ткьа ахь цуьнца дов долор ду, цул т1аьхьа оха луьстур ду.

– Х1ун аьлла доло деза ас дов?

– Бахьана карор ду хьуна. Арахь буйса т1ееьна вай кьамелаш деш 1ашшехь, вало, синкьерам болчу г1о вай! – аьлла, нуц хьалха а вакккхина, к1ентий сакьера бахна.

Х1орш д1акхаьчча, боккхуш хелхаран бал а болуш, д1абобьдуш синкьерам

хилла. Нуц хьалха а воккхуш чубевлла стунвежарий. Чохьболчарна нуц вевзаш ца хилла, цундела вукхара шайца верг хьаша ву аьлла. Бухарчара нуц вукху хьешана юххе дIатарвина. Хьал-де а хьаьттина паргIатваьлча ша стенна валийна дагара а даьлла, гола тIе ког а баьккхина, нуц хилар дицделла, томкийн лъодагах боккха кIур боккхуш самукьадаьлла Iачу невцана, шега хичаш еш стунвежарий гина.

Деригге самукьа дIа а даьлла, коьртах хIума кхетта котам санна, оллавелла Iаш хилла нуц. Дукха гIаддайна киснара схьаяьккхина лъодиг хьовзо гIерташ воллучу невце хьешо аьлла:

– Йита хьайн и лъодиг, дIаоза хIара цигаьрка, – аьлла, схьакховдийна цу хенахь механа езайолу. Схьаэцна, дIаозна невцо. Ткьа дов доладе бохуш хичаш еш стунвежарий а хилла, хIун дан деза ца хууш нуц а хилла.

Юха а лъодиг хьовзовоьлча, юха а цигаьрик елла дIаозийтина хьешо. Чуьрабевлла хичаш еш стунвежарий а хилла. КхозлагIа а томкийн лъодиг хьовзош воллучу невце хIешо аьлла:

– Йита хьайн и томкийн лъодиг, дIаоза хIара! – аьлла. Цигаьрка схьаоьцуш воллучу невцана гина оьгIазбахана, дIадоладе дов, бохуш лаьтта стунвежарий. Кхин дов доло бахьана ца карош Iаш волчу невцо:

– Стенна кхийдайо ахь соьга хIара цигаьрка? – аьлла, хьалаиккхина тIхьаз аьлла, оцу бетгах тIара тоьхна хьаша тIекIелэккхийтина. Чохь гIовгIанаш еьлла. Чуахакеьлчу стунвежарша хьешана хIума тоха йолийна.

Ткьа нуц: «ХIинца-м сийна цIе ялахьара кхунах», – аьлла, маьнгий кIел таьлна. Цул тIаьхьа и хьаша оцу юьрта а ца веара бохура, оцу хьешах кьаьхкина нуц, мел доккха дика-вуон керта дарах кхин стунцахой болчу а ца ваха бохура.

Кхиэл

Сахьавзина араваьлла воьгIучу Кьуршина духььалкхетта шен стунда. Кхечу юьртахь вехаш волу стунда гича цецваьлчачу кхо хьаьттина: «Хьо лаа варий?» – аьлла.

– Лаа вара со-м, котамаш ца юьтуш амал дайина цхьогалша, дико леташ жIаьла дезара суна-м, – аьлла стундас.

– Хьо хьайн метта нисвелла, шел диканиг кхин хир доцуш жIаьла сан ду-кха хьуна, юхадало оьшуш а дац, ас гуттаренна а дIалур ду-кх хьуна иза!

– Ма гIуллакх дар-кха иза, валол тIаккха, – стунда реза хилла цу кьамелана, – жIаьла эцна дIагIур вара со, гена ваха а деза.

Стунда а эцна, шен хIусаме дIакхаьчна нуц.

– ХIей, чохь юй хьо? – аьлла, мохь тоьхна невцо. Ара яьлла хIусамнана, лаьтгаш шен да гича цецьяьлла.

– Хьажал, хIокхул дика леташ жIаьла хьуна карор дац, дIадуйгур ду-кх ахь хIара, цхьогалла-м хаац, цхьа а тайпа са долу хIума йогур яц-кха хIара долчу керта, – аьлла невцо.

– ЭххIай, кIант! – аьлла стундас, – шовзткьа шо ду хIокхунан нана, женжIаьла, сан кертахь долу, ткьа хIара кIеза ду, хьалхе воьхна хьо!

Меллаша когаш тIе охьавахар боху нуц:

– Ма доккха хIума ду-кх хьо, дIадаьлларг пхи шо бен а дац, ца леш вахлахь, кхин а ткье пхийтта шарахь кху кьезане кадеттийтар, – аьлла.

ГIант

Цхьана юьртар, дукха тIаьхьа а ихна, шега и ярах цецвуйлуш нускал а далийна, ваха хиьна хилла Кьурша. Ша ялийнарг масазлагIа зуда ю, кхунна шена хууш а ца хилла. Ша динчу захалонна тIех реза хиларна хIора шолгIачу дийнахь дукха Iуьрре гIоттий:

– Со, да-нана хIун деш ду хьаьжна воьгIу, – олий, дIаоьккхий стунцахой болчу воьдуш хилла. Ткьа нускало, ма лела цига, товш дац, олуш а ца хилла, оцу балхана ша реза хилар гойтуш.

Стунцахой бехачу юьрта йисттехь цхьа боккха кхор хилла. Ша цу юьрта йистте мосазза кхочу невцана шен стунда оцу кхура к'еллахь хиьна лаш карош хилла. Цуьнга хьал де а хоттий, нуц баба х'лун деш ю хьажа вьодуш хилла. Стундега даиманна, «Хьо х'лун деш ву кхузахь?» – олий, хоттуш хилла цо, амма вукхо жоп луш ца хилла.

Цхьана луьйранна вог'луш, шен г'антана уллехь стундас дина кхин а цхьа г'ант гина невцана. Ткъа стундас невцана т'лаьхьа а хьожий: «Дукха хан ца йисна», – олуш хилла.

Цхьана дийнахь Къуршас бабега хаьттина стундех дерг. Д'айолаелла баба:

– Цо х'лун дийр дара цига охьа а ца хиьна, деш-дубтуш дац, суна вевзичхьана иштта ву иза, – бохуш, т'лаьхь-т'лаьхьа карзахьобьлуш багаётта йолаелла стуннана. И г'ловг'ла лан а ца елла, стундас лелочух кхетта араиккхина нуц. Гена ваьлча а хезаш хилла бабас ен г'ловг'ла. Башха стундега вистхилар а доцуш, т'лехьиккхина д'лавахна Къурша. Чехка хьаьдда вьодучу невцана т'лаьхьа а хьаьжна, стундас аьлла:

«Х'инца хан т'лехьача герга ю», – аьлла.

Цул т'лаьхьа жимма хан яьлла. Дукха луьйрана йоккхачу стаго ен г'ловг'ла лан а ца елла: «Тахана ма хьалхе меттах ели-кх хьо», – бохуш, ша-шега луьйш вог'лучу стундена, бухахь нуц карийна.

– К'ант, хьо ма луьрре схьакхаьчна, лаа вуй хьо?

Нуц вист ца хилла.

– Со-м хьобга луьйш вай, дийцал х'лун хилла? – аьлла, юха а хаьттина стундас. Стунда т'левеьча хьалаг'лаьттина лаьтташволчу невцо аьлла:

– Дера дуйьцур дац-кх, ахьа а ца дийцирий ас хьайга оццул хеттарх, – аьлла, жоп делла невцо.

Жимма ойлаеш а г'ийна, стундас аьлла:

– Схьавола к'ант, охьахаа, цхьа х'лума хууш динера ас х'лара шолг'ла г'ант, – аьлла.

Нуц, д'ла-схьа а хьаьжна:

– Х'лун дер т'лаккха, цхьаьний буур бу-кх вайшимо х'лара кхораш, – аьлла, стундена улле охьахиьна.

Талмаж

Дукха сихвелла са мере а кхаьчна хьаьдда вог'лучу стундена т'енисвелла Къурша. Стундеха б'лаьрг кхеттачу невцо шен невцалла лело дагахь хаьттина:

– Хьо лаа варий г'успа? – аьлла.

– Дера ву талмаж лобхуш лелаш.

– Х'лун до ахь цунах, лаа везий хьуна талмаж?

– Юьртара сан хьаша а волуш, цхьа накъост ву чохьволлуш, тахана кхиэл ю пунна еш, ткъа и еш берш оьрсий бу, цара дуйьцург гочдан везара суна талмаж. Х'ла, сан кхин л'айла яц, – аьлла, д'лахьаьдда стунда. Ткъа дехьо ваьлча соцунга хилла. Ладобг'луш и цхьаь ала г'ерттий хууш нуц а хилла.

– Къурша, хьо а ма вара г'лехьха элпаш дешна, хьо хьажа ца мега сан г'уллакхе?

Стундега шена оьрсийн мотт ца хаьа алар нийса а ца хетта: «Г'лехьха х'лума хаьа суна-м», – аьлла, невцо.

– Ма г'уллакх хирдара цара бохург ахь гочдича, ма л'елахь, валолахь, – аьлла, нуц такхийна д'лавахна стунда.

Йоккхачу стола хьалха г'ант а х'лоттийна, охьахайна нуц. Д'айолаелла кхиэл.

Кхиэл ечарах цхьаммо, невце а хьобжуш, къамел деш хилла, ткъа нуц: «Поня'лна», – бохуш, лаш хилла. Юха а вукхо чувуобьлиначух лоций цхьаь дуйьцуш хилла, ткъа невцо: «Поня'лна», – олуш хилла. Т'лаьхьхьара и болх к'ордийначу стундас, хаьттина:

– Къурша, хьо дуйьчучунна «поня'лна, поня'лна» бохуш, лаш ма ву, цара бохург тхуна а гочдехьа? – аьлла. Д'аса а хьаьжна, юха стундега а хьаьжна невцо: «поня'лна», – аьлла.

– Даваккха, длаваккха, аракхосса, – аьлла, маьхьарий девлла нахе. Меллаша ша хиьна лачуьра хьала а глаьттина, невцо аьлла:

– Аш вола аьлча схьа а веана, кху гланта тле охьа а хиьна, аш длагло бохуш хилча дла а глур ву, хлуммаа шуьца хлара глант кьуйьсур долуш а вац со-м! – аьлла, араваьлла вада глортина нуц. Обглазбахначу наха таржвеш хлума тоьхна невцана, ткьа Кьуршин студен хьаша хан тоьхна набахте дла хьажийна.

Кьуршин безам

– Заяну, хьо йоцуш со муха вехар ву, ас суьйренаш муха лан еза, цунна жоп лохьа суна? – бохуш, дуьхьал лаьтгаш стаг а воцуш, ладоьглуш волчуьнан йоккха ойла а кхоллалурийолуш, кхо цхьаьнга бехкаш доху моьттуш, юьртан юккьерачу цхьана боккхачу урамехь, цхьана нехан керта а хьобжуш, кьамел деш лаьтгара Кьурша. Мохь бетгаш члогла деш кьамел а дацара иза, ша-шен меркеллахь деш глам-глим дара. Оцунан бахьана дара, езачу йола шен безам длататтар, цо оцулла боккхачу безаман тлалам ца бар, цо иза ца ларар а.

– Хинца-м буйьса юккье яхна а хир ю, дера веза со длаваха, цхьанна гича товш хлума а дац хлара, – аьлла, глийлачу ойланца шен хлусаме вахара безамо вагийнар. Амма яьссачу хлусамехь шийла яра. Заяну шега йоглур ю моьттуш глийла аркьал а вижна, буйьса юккье яххалц, цкьацкьа сахиллалц а гай тле пондар биллина, цуьнах глийла плелг а тосуш кхо йина ойланаш, Заянус цхьана минотехь аьтта длаяхийтира. Ишта тахана а, ша цхьаь волчу Кьуршина дагадеара Заяну шена йовзар муха хилира и езаялар а. Езаялар-м йо! схьагушшехьа хилира Кьуршина.

Буьззинчу батгахь колхозан ара хьол чуерзош болх а бина, цунна доглу дий туьмий ши сом алапа схьа а эцна, дериг дуьне шен ду моьттуш башха киснахь сом хила марзвелла а воцу, ког байбелла воьгучу кхунна хитлара йоглуш гира Заяну. Коьрта хлума кхетта тентагьяьлла хлума санна, корта а хьавьзина, дукха члогла йо! езаяларна тлаьхьа хьаьжинчохь висира Кьурша. Цхьаь ала а глортира хлара, амма дага-м ца доглура ша хлун ала деза. Эццехь кхоллабелла безам бара иза.

Хлора денна воьгура Кьурша йо! йолчу ураме. Геннахь а гур яцар-те бохуш, йо! ехачу цленона юххехьа а соьцура иза. Амма, йола башха тергам ца бора кхуьнан. Цхьана дийнахь хитлара йоглуш шен безам длабалхо члагло а йина, дуьхьал ваьлла сацийра, кхо йо!

– Заяну, ши дош аллалц сацахьа! – аьлла, дегочу озаца дладолийра кхо шен кьамел. – Лекхачу ломал хьо йоккха хиларх, и лам баа ницкь хир бара соьгахь, боккхачу хлордал хьо йоккха хиларх, и хлорд кийра тарбан кийра а хир бара сан, амма ахь сан кьамел доха а дина, суна ца товш долу дош а аьлла, сан безам длататтахь, и кийра иккхина, баьржина длабодохь мел ницкь болуш со хиларх и лан ницкь хир бац соьгахь. Хьо езаро хлара маьрша дуьне гатдина суна, хьо эшаро массо а хлуманан чам бохийна сан, седарчий хьан дуьхьа догу моьтту суна, малх-бутт хьан дуьхьа богу моьтту суна. Йол чуерзош колхозехь болх а бина, схьаэцна дий туьмий ши сом алапа а ду вайшиннан, гладдайча лакха дечиг пондар а бу вайшиннан, йолахьа соьга! – аьлла, шен дехарна йола хлун жоп ло техьа бохуш ладогла хлортира Кьурша. Ойлане лара йо!. Ткьа Кьуршина-м моьттура, йоблан дог ша динчу кьамело дахьийна. И бакь доций хиира клантана, кура, ела а кьезна, йо! йистхилча.

– Даьбаза ма вала хьо Кьурша, ахь дуьйцу лаьмнаш, и боккха хлорд, и шадериг со долуш ю хьуна, хьобга а еьна сайн глудлакх даьбазадаккхал галььяьлла а яц со, дедобхначу дийнахь суна улле а яьлла сан дог эца йиша а ю сан, мел доккха дика-вон дарах и листа ворх! ваша а ву сан, – аьлла, жимма соьцунгла а хилла: – Амма хьан долу и ахь дозаллийца дуьйцу дий туьмин ши сомма-м дац сан! – аьлла, члогла ела а елла, длаяхара Заяну.

Бага а глаттийна, тлаьхьа хьаьжинчохь висира Кьурша. Дикка лаьттира клант ойлаеш, йола шега аьлчачуьнан. Цул тлехьа цла а веьна, шен дий туьмий ши сом шена гундолчче охьа а диллина, дечиг пондаран мерзаш озийна мукьаме а далийна, дла а тевжина, гай тле пондар а биллина иллий долиира Кьуршас.

Дебют**Элора Эльжаева**

Э. Эльжаева (псевдоним) родилась в 1989 г. в селе Талды-Курган Казахской ССР. В 2011 году окончила отделение журналистики филологического факультета ЧГУ. Учится (заочно) на историческом факультете ЧГУ. Редактор информационных программ радио ГТРК «Вайнах». Пишет стихи на русском и чеченском языках.

Здесь все так же, как и прежде...

***

Ты помнишь,
как мы ненавидели небо
И кровью залитый багровый рассвет?
Без всякой причины,
так просто и слепо –
Не день и не год, а несколько лет.

Наши жизни сгорали, как свечи,
Под мотив сумасшедшей зимы.
Это мы, это мы – постаревшие дети
Кем-то проклятой
дикой чеченской земли.

Мы тогда разучились
смеяться и плакать,
Огрубели, как древо, сердца,
Била в лица нам черная слякоть
Под дождем золотого свинца.

Ты помнишь,
как мы ненавидели небо
И как, ненавидя, молились ему?
Как хотелось:
«Не нужно нам этого свода!» –
Крикнуть белому свету всему!

***

Омывают дожди
И цветы, и траву,
Омывают дожди
И деревьев листву.
И стучатся в окно,
Прогоняя мечту.
Омывают дожди
Чью-то боль и тоску.
Может, плачет природа,
Нашу долю кляня,

Может, плачет о тех,
Кто не видел добра.
Может быть, не оплаканы,
Бродят горе и смерть,
Может, кто-то сквернит
Чью-то гордость и честь.
Может, кто-то сейчас
Грубо топчет любовь,
Может, где-то невинно
Льется чистая кровь.
Омывают дожди
И дороги, дома.
Грязью жизнь сама,
Словно лужа полна.

Эмигранты

Нам сказали эмигранты,
Уезжая из Чечни:
«Нет ведь родины той, прежней,
Лучше будет нам уйти.

Лучше будет нам покинуть
Эту землю вечных войн,
Ведь найдем мы за границей
Мир, и радость, и покой.

Ну и что ж, что не услышим
Дечиг-пондур и зурну,
Обретем мы на чужбине
Наше счастье и мечту».

А в то время на Кавказе
Разрывается земля,
Артобстрелы и удары
Вновь наносит нам война.

Рядом пепел, мгла и сырость,
Все окутал черный дым,
Честь Отчизны защищая,
Погибает чей-то сын.

Ну а где-то в Нидерландах
Иль в парижском казино
Наш чеченец, улыбаясь,
Смотрит новое кино.

Он далек от прежней жизни,
Закружила там война.
– У меня детишек много
Ты уж извини, Чечня.

Если кончится, приеду,
Если нет, то не беда,
Обустроюсь я в Европе,
И быть может, навсегда.

Из руин, разрухи, мрака
Не воскреснет вновь земля,
Что ж поделать, я не знаю,
Обернулась так судьба.

В это время у нас дома
Вдруг рассеялся туман,
Ожила моя Отчизна –
Нашим мольбам внял Аллах.

Вы не думайте, ребята,
Что сломались мы тогда,
Стать счастливыми сумели,
Хоть и рана так свежа.

Наша жизнь закипела,
Закружила на земле,
Что делили вместе горе,
Благодарны мы судьбе.

Здесь все так же, как и прежде,
Зацветает вновь кизил,
И о берег бьется Сунжа,
Вас никто тут не забыл.

Приезжайте, мы прощаем,
Пусть простит вас и земля,
Что покинута беспечно
Вами в эти дни была.

1994 год

Декабрь в адском вальсе закружило.
С проклятьями переплелась мольба.
И догорела на столе свеча...
Небо черной скорбью залито.

Сатана развернул этот бал,
Все сильнее сгущая свой мрак,
Заплутала смерть среди скал –
Неизвестно – кто друг или враг.

В этом хаосе смешаны люди
И убита давно тишина,
Бродят чьи-то разбитые судьбы.
Даже жизнь уже не нужна.

Анарбек Яндаров**История одной семьи**

Повесть

Окончание. Начало в №4.

С неба сыпал мелкий, холодный, часто переходящий в снег, дождь. Все было мокро, сыро, грязно, а главное – тревожно и безнадежно.

Ставший прифронтовым Урус-Мартан замер в ожидании. Не было электричества, газа, продовольствия. Воду брали из мутной речушки Мартанки, отстаивали, употребляли сырой, так как негде было кипятить. Цены на муку, сахар, дрова подскочили в несколько раз. Жители стали рубить плодовые деревья, чтобы прогреть дома, готовить пищу. Короткие декабрьские дни испуганно пролетали, а на смену им приходили долгие темные ночи ожидания и тревоги. В центре Урус-Мартана, на площади, целыми днями толпились люди, ловя любую весточку из города, где у большинства остались родные и близкие. Митинги спонтанно возникали то тут, то там, и так же быстро рассасывались. В один из дней Джамбулат, проезжая мимо площади, увидел очередной митинг, но на этот раз людей было больше, чем обычно. На наспех сбитой из толстых досок трибуне стояли незнакомцы в военной форме, вокруг толпились, шумели тысячи людей. Пробившись ближе к трибуне, Джамбулат начал слушать выступавших. «И что они все такие медлительные? Говорят много и не по делу, а некоторые вообще не знают, о чем говорят». Он собирался уже уходить, когда у микрофона раздался звонкий, спокойный голос, который не рассуждал, не укорял, а говорил с какой-то болью и отчаянием, быть может этим привлекая к себе внимание. Взглянув на трибуну, Джамбулат увидел худошавого, бледного человека, в желтого цвета дубленке и норковой шапке:

– Земляки, братья, тяжелое время переживает наш народ. Опять к нам пришла война и падают на наши дома и головы бомбы и снаряды. Военные пришли наводить конституционный порядок. Я не военный, но воевать надо с бандитами, а не с народом, и делать это надо законными путями. – Оратор повернулся в сторону военных: – Не устраивайте облавы, обыски без оснований к этому, не похищайте людей. Этим вы настраиваете против себя. Это не маленькая спецоперация, как говорит военный министр Грачев, это не война русского и чеченского народов, эта военная разборка русских и чеченских бандитов, которые делят награбленное и, обманывая, втягивают в эту драку ни в чем не повинных людей. Нам надо возвращать этих людей домой и разьяснять им, что скрывается за всем этим. Пройдет и эта война, и мы как жили веками, так и будем жить и дальше в дружбе с русским народом, а поэтому надо думать, как сохранить как можно больше людей, а эту воровскую разборку надо закончить.

Гудевшая толпа стихла, напряжено и тяжело вслушиваясь в эти не звучавшие здесь ранее слова.

– Человек говорит правду, но эти слова ему не простят. Слишком уж открыто он обо всем рассуждает, – услышал недалеко от себя чей-то голос Джамбулат. Потолкавшись еще немного среди собравшихся, Джамбулат поехал домой, пытаясь осмыслить услышанное.

26 декабря 1994 года был обычным днем. С затянутого низкими серыми тучами неба сыпала мелкая изморозь. Голые ветки деревьев мерзли в сыром, неподвижном воздухе и, как руки умерших, тянулись в небо, словно молили о прощении живых. Отвердевшая за ночь от мороза грязь днем размещивалась сотнями ног, томившихся в ожидании людей, и весь мир казался безысходной и

непроходимой черной грязью. Как всегда в последнее время, было холодно, сыро, неуютно. Джамбулат сходил в центр Урус-Мартана, так как из-за отсутствия электроэнергии только там можно было узнать хоть что-то из новостей. На площади собирались сотни людей, томясь от своего неопределенного положения, вынужденного безделья, переходили от одной группы к другой, жадно прислушиваясь к любой новости. Пробыв в центре некоторое время, Джамбулат после обеденного намаза решил поехать в Гехи, чтобы привезти оттуда муки и сахара. Он заправлял автомобиль, когда к нему подошла соседка Малика:

– По слухам, ночью Урус-Мартан будут бомбить. Если это правда, то надо бы нам всем в подвалы зайти.

Малике было давно за 30 лет, замужем она не была и, хотя она никуда не ходила, круглые сутки сидела дома и шила халаты, которые ее братья вывозили за пределы республики и продавали, многие новости она узнавала раньше других. И самое удивительное – часто эти слухи подтверждались. Малику недолюбливали за ее недобрые «предсказания».

– Зачем бомбить Урус-Мартан, здесь же нет дудаевцев? – отмахнулся Джамбулат, заводя двигатель автомашины, и добавил: – Ты побольше на воздух выходи, проветривайся, а то засиделась за своей швейной машинкой. Что ж они будут бомбить тех, кто с ними? То есть своих убивать? Это пустые разговоры!

– Ты думаешь, что они пришли убивать их, а не нас? – сказав это, она пожала плечами и пошла в дом.

Всю дорогу до Гехов и назад ее слова не выходили из головы Джамбулата, особенно последние, что федералы пришли убивать не их, а нас.

«Конечно же, федералы пришли навести в республике порядок, избавить народ от дудаевцев, которые разграбили республику. С какой стати они станут бомбить Урус-Мартан, когда в нем находятся противники режима, который они хотят свергнуть? Нет, не будут! Наведут здесь порядок и скажут: вы вот пострадали от прежнего режима. Теперь мы его свергли, вот вам власть и наводите сами порядок».

Он привез продукты, раздал их беженцам, поставил машину во дворе и хотел было идти домой, но, вспомнив слова Малики, что федералы пришли убивать не только дудаевцев, решил пойти к своему другу Харону, который жил на соседней улице. Под ногами чавкала не успевшая обледенеть грязь, а замерзшие комки земли мешали идти. Было темно, словно все: небо, горы, дома, заборы, весь мир – были залиты тушью, только кое-где мерцали огоньки керосиновых ламп, как бы в подтверждение тому, что в этом мире остались люди.

Харон был дома и через окна было видно, что он при свете керосиновой лампы читает книгу. Открыв дверь, Харон пригласил Джамбулата сесть, налил чаю и только после этого спросил:

– Ты чего по ночам грязь месишь? Не сидится дома?

– Да тревожно что-то, – ответил Джамбулат. Ему, действительно, хотелось с кем-то поговорить о том, что происходит здесь, в городе, по пути к Харону он видел зарево, полыхавшее над Грозным, а потому слова Малики не казались ему пустыми.

Харон окончил сельскохозяйственную академию, работал в свое время директором совхоза, но с приходом дудаевского режима уволился и сидел дома. Человеком он был умным, а главное – легко и без напряжения мог разложить все, что происходило вокруг, не усложняя и не упрощая событий. Джамбулат часто бывал у Харона, после разговора с ним многое становилось понятным, поэтому и пришел он к нему. Посидели, поговорили, вспомнили умерших, в последнее время их было много. Джамбулат рассказал Харону о словах

Малики. Тот не стал доказывать, что это невозможно. Он снял очки, поправил редкие волосы на лысеющей голове, подбросил в железную печь несколько поленьев дров и сказал:

– А ты думаешь, они порядок пришли наводить? Я думаю – нет. Они пришли подчистить все, что сами наделали. Очень даже может быть, что им нужна небольшая успешная военная операция. Очень может быть. А главное – в ней должно быть замешано как можно больше людей. Когда у бандитов идет «балдеж», они все сидят за столом, пируют, всем всего хватает, хвалят, распинаются в любви друг к другу. Но вдруг где-то получился сбой. Могут погореть все, а потому надо замести следы. Тогда вся банда набрасывается на самого маленького, самого слабого и обвиняет его в том, что он больше остальных ел, пил, что он подвел их, а затем жертвуют этим самым слабым, обвиняя его во всех грехах. Девяносто девять процентов денег по фальшивому авизо получили не чеченцы, а другие люди, но те, кто получил эти деньги, именно они обвинили чеченцев в грабеже через это авизо государство. Таков воровской закон, в нашем случае может получиться то же самое. Но дай Аллах, чтобы все обошлось.

Харон просто и ясно говорил о политике, о России, с которой надо жить в мире, а не грозить ей, тем более, что плевать она хотела на наши угрозы.

Со стороны гор послышался нарастающий гул, что-то ужасно заскрипело, а затем глухой, тяжелый удар расколол небо и потряс землю. Стены дома вздрогнули, пошатнулись, с потолка посыпалась известь. Заволновалась, забегала жена Харона, сгоняя детей в подвал. Даже при тусклом свете керосиновой лампы Джамбулат заметил, как побледнел Харон.

– Вот и на нас бомбы упали, – сказал Харон и стал одеваться. Все произошло так быстро, что Джамбулату показалось, будто Харон знал о том, что будут бомбить. Они быстро направились на соседнюю улицу, откуда были слышны крики, где-то метрах в трехстах были видны силуэты суетящихся людей. Не разбирая дороги, по грязи, по лужам они побежали к этим людям. Чем ближе и ближе, тем больше холодело у Джамбулата в груди. «Это же рядом с моим домом. Рядом. Совсем рядом», – на ходу думал он, не допуская мысли, что это мог быть его дом. И он молил Аллаха, просил всех святых, своих праотцов, чтобы это было не так. Но чем ближе он подбегал, тем больше убеждался, что ракета попала в его дом. Вокруг бегали, кричали, что-то говорили люди. Он, не понимая, что они здесь делают, ходил вокруг разрушенного дома и искал мать, не замечая, что она находится рядом с ним. Он искал жену, детей, хватался за вывернутые взрывом доски, разбрасывал кирпич, ему казалось, что дети зовут его, что он слышит их голоса. «Это все сон, тяжелый, дурной кошмар, все скоро пройдет, и все, что происходит кругом, неправда, это не в этом мире», – шептал он, не обращая внимания на других людей. Это было слишком страшно, чтобы поверить в то, что это могло быть правдой.

Среди обломков дома нашли изуродованные трупы детей, а на полу в кухне, в луже крови, без сознания, лежали жена и младший сын.

Трупы детей отнесли в летнюю кухню, которая пострадала меньше всего, а жену с сыном отправили в больницу. Джамбулат до утра просидел у тел своих детей.

– За что? Почему? Почему еще не успевших пожить детей? За что? – кричала его душа. – Это неправда. Сейчас придет хороший человек и скажет, что все это неправда, а дети, как всегда, будут ходить по этому двору, как ходили много раз. – Но чем ближе было наступление рассвета, тем больше он стал понимать, что дети не вернуться и что больше не пробегут они босыми ногами по этому двору, что они больше не увидят этот мир.

Утром, когда из-за горы в тумане стало подниматься бледно-серое солнце, детей стали готовить в последний путь и к обеду во дворе бывшего дома Джамбулата под остатком навеса на ковре неподвижно лежали три трупа, туго

завернутые в белую марлю. А к дому Джамбулата шли и шли люди, шли не только из Урус-Мартана, шли из других сел, шли по отдельности, шли большими группами. Двор Джамбулата, прилегающая улица, соседние улицы, переулки были заполнены мужчинами, подавленными произошедшим. Люди молчали, и только с выдохом произносимых слов молитвы «патиха» и «амин» над толпой повисал их стон. Хмурым декабрьским днем после полудня по грязным улицам Урус-Мартана детей Джамбулата понесли на кладбище. Мутный диск солнца бледно просвечивал сквозь низкие, неподвижно висевшие тучи, в сыром воздухе плавали влажные хлопья снега, а молчаливая похоронная процессия тянулась по улицам Урус-Мартана, собирая все больше людей. Люди молчали, но в этом молчании была угроза, скрытый гнев, боль. Глава администрации, высокий, худой чеченец, понимая опасность провокации, ходил среди толпы, пытаясь остудить горячие головы, его слушали и не слушали. Трудно сказать, что могло бы произойти, но, видимо, к такому повороту не были готовы ни боевики, ни федералы, и, пока не кончились похороны, никто не стрелял, самолеты не летали. В углу кладбища, под высоким орешником, появились три свежие могилы.

Оставшись один на кладбище, Джамбулат долго сидел возле могил детей. Несколько раз поднимался, но вновь опускался, садился возле могил и, раскачиваясь всем телом, издавал глухие стоны, со стороны это напоминало вой волка, отчаянный и горький.

Три дня похорон на людях Джамбулат держался, никто не увидел ни слезинки на его заросшем, осунувшемся лице. Но, оставшись один, он плакал беззвучно горькими слезами. Только красные воспалившиеся глаза, густая седая щетина и терявший твердость голос выдавали его. Он потерял чувство времени, не спал, не ел, молился усердно и неистово. Ему казалось, что в молитве он разговаривает с детьми, они слышат его, а Всевышний даст знать, почему и за что произошло это. Во всех своих молитвах Джамбулат спрашивал Всевышнего, за что он забрал его трех сыновей, зачем разрушил его дом? В чем он провинился перед Создателем? Разве нарушал он Его заповеди, разве не помогал больным и сиротам, чем он согрешил, что Всевышний так наказал его?

Занятый своими переживаниями, он не заметил, как вмиг состарилась, исхудала, сделалась маленькой, совершенно седой его мать. Но именно она вывела его из этого состояния, и позже, вспоминая этот день, Джамбулат удивлялся ее мужеству и силе.

– Это Всевышний дал тебе детей, и в Его власти их забрать. Не гневи Бога, смирись с тем, что Он тебе ниспослал, – строго сказала мать. Переведя дыхание, она добавила: – Мы не вправе обсуждать Его дела. Значит, Ему было так угодно. С мертвыми мы встретимся на том свете, надо подумать о живых. Айшат и твой сын лежат в больнице, позаботься о них, не отходи от них. Ищи любые лекарства, врачей, но помоги им.

Он видел, что мать не ест, не спит, что ей, старой и больной, очень тяжело, но она скрывает свою боль. Она, его мать, стоящая между ним и смертью, держится, а поэтому он не может быть слабым, и он повиновался. Потом он будет удивляться, откуда у этой слабой женщины нашлось столько сил спокойно произнести эти слова. Он по нескольку раз в день ходил в больницу к жене, к сыну, утешал их. Жена, не зная о смерти трех сыновей, удивлялась, что они не приходят в больницу, и все время просила Джамбулата привести их. Каждый раз Джамбулат обещал жене привести детей, а, выйдя из здания, задыхался от боли и бессилия. Через неделю, не приходя в сознание, умер сын, а через несколько часов от заражения крови – жена. Она так и не узнала о смерти сыновей.

Каким-то образом о гибели сыновей и жены Джамбулата узнал Илья, почта и телеграф в то время не работали, и он приехал вместе с Аллу. Успели они

до того, как похоронили жену и сына Джамбулата. И когда все ушли, все трое остались на кладбище и долго стояли возле пяти свежих могил, недалеко от старой могилы их отца и деда. И вновь стоял на кладбище Джамбулат, прижимая деревенеющими пальцами жесткую с песком и гравием землю могилы: «Наша земля, как наша жизнь, – песок с камнями. То одна смерть, то другая», – подумал Джамбулат, а с красных, воспаленных глаз по давно не бритому, заросшему густой седой щетиной лицу медленно катились слезы. Он уже не стеснялся их, и трудно было узнать в этом подавленном горем и болью человеке еще совсем недавно веселого, беззаботного Джамбулата. Тяжелые скорбные складки легки у рта, глаз, белой мукой седина посыпала голову и бороду.

Но если Илья, полный скорби и горя, плакал, то двое других думали о мести. Здесь, под двухметровым слоем песка и камней, лежали те, кто еще вчера были членами их семьи, их убили без всякой вины, и не могли мужчины жить спокойно, пока безвинные жертвы не будут отомщены. Боясь за брата и сына, Джамбулат попросил их уехать, а сам решил остаться на этой земле с матерью.

«Права была Малика, когда говорила, что они приехали убивать нас, а не дудаевцев», – сказал Джамбулат, когда они выходили с кладбища. Илья, сильно подавленный, молчал. Он не знал, что говорить, как успокоить брата и Аллу. Да и что он мог сказать, были ли за что убиты люди! Какие слова можно было привести в оправдание происшедшего? Аллу и по дороге в Урус-Мартан и на кладбище не проронил ни слова. Только приглядевшись, можно было заметить, как потемнел он лицом, как жестко и зло сжаты его губы. Только когда Джамбулат предложил уехать, он твердо заявил, что останется здесь.

«Нет, ты должен уехать, – строго и сердито перебил его отец. – Ты обязан уехать! Кто-то должен остаться, чтобы сохранить нашу фамилию и наш род. Это завещал нам отец».

В ночь перед отъездом Илья, Джамбулат, его мать сидели в полутемной комнате и молчали. Аллу куда-то вышел, все ждали его. Всем было очень тяжело. Илья уговаривал родных перебраться к нему на время боевых действий, но мать Джамбулата даже не отвечала на его просьбы. Поняв, что эти разговоры бесполезны, все молчали. Джамбулат решил, что он никуда не поедет, но его настораживало поведение Аллу. За короткое время он из тихого, покладистого мальчика превратился в угрюмого, злого волчонка. Да, большое горе свалилось на них, но жизнь их рода не может закончиться на этом. Он сам просил, чтобы Илья отвез Аллу в Воронеж, но Аллу отказался. Сейчас Джамбулат ждал Аллу, чтобы при матери потребовать его отъезда. Сын вернулся ночью, тихо сел в темный угол комнаты и приготовился слушать отца. Джамбулату не хотелось говорить с ним в резких тонах, но, чтобы исключить возражения, он начал строго:

– Завтра ты должен будешь уехать с дядей в Воронеж. Бабушка, Илья и я так решили.

Утром следующего дня они с Ильей уехали, но вечером того же дня Аллу появился дома и заявил, что он отправил дядю, а сам никуда не поедет. Самый тихий и добрый из сыновей Джамбулата, за всю жизнь ни разу не возразивший ему, сегодня ослушался отца. У Джамбулата не было желания и сил говорить об этом. Он чувствовал, что сын прав и не сможет спокойно жить в Воронеже после случившегося. Он понимал, что сын – самое дорогое и единственное, что связывает теперь его с жизнью. Вечерами они сидели в комнате втроем, не зажигая света, и молчали. Все думали об ушедших, саднила, болела память о них.

Перед тем как лечь спать, отец сказал Аллу:

– Ты должен присмотреть за бабушкой, а я пойду искать правду, если она есть. После того, что произошло, я не могу оставаться дома.

– Я знаю, куда ты идешь, но там нет правды, хотя, может, там есть утешение, – произнес Аллу. Всегда сдержанный, стеснительный, он подошел к отцу, обнял его и добавил: – Береги себя, хотя эти слова должен был ты говорить мне.

Джамбулат приобрел оружие и ушел в горы. В то время людей, восставших против произвола военных, в горах было много. Население, озлобленное беспределом федеральных войск, сочувствовало и оказывало им помощь. Вслед за Джамбулатом в горы ушел Аллу. Воевали они в одних горах, но к войне относились по-разному. Джамбулат, увидев убитых солдат после боя, был мрачнее тучи:

– Дети, совсем дети, как и мой Вока. Наверно, призвали их и заставили стрелять в нас. Они же еще ничего не понимают: куда сказали стрелять, туда и стреляют, совсем пацаны! Других надо было убивать – тех, кто послал этих детей сюда, в чужие для них горы, на верную смерть. Сидят они в своих теплых кабинетах, говорят складно и умно. Нет, до них не дотянешься. А погибают молодые, ничего не познавшие дети. Какие бы они ни были, они все равно дети, 18-летние дети, и у них тоже есть родители, которые будут плакать на их похоронах, – думал Джамбулат, глядя на трупы убитых солдат. И понимал бессмысленность этой войны.

У Аллу жалости не было ни к живым, ни к мертвым, он считал, что раз они пришли с оружием в руках в его дом и убивают, то они враги, и их тоже надо убивать. Не важно, летчики они или десантники, молодые или старые. Несмотря на отчаянную смелость, в отряде Аллу ни с кем не сходилась. Все свободное время молился и молчал и, не споря, шел, куда его посылали, и стрелял в солдат, не видя в них людей. Аллу назначили командиром, но он отказался, заявив что командир из него не получится, кроме того, он пришел мстить, а не защищать чьи-то политические интересы.

Разными путями, но оба – отец и сын – постепенно приходили к осознанию бессмысленности этой войны, к пониманию, что совсем другие цели преследуют те, кто начал эту войну, и что виновники этой бойни находятся за пределами республики, а чеченский народ просто затянули в эту катастрофу. А их месть не что иное, как стрельба из рогатки. Чего мстить солдатам, когда бомбы сбросили летчики?

В начале апреля от соседней поступила весточка, что Любан – мать Джамбулата – при смерти и просит сына вернуться домой. Оставив отряд, Джамбулат вернулся. Аллу, получивший известие раньше, был уже дома.

После похорон внуков и снохи Любан предлагали перейти жить к себе соседи, дальние родственники. Близких у нее не было. Она осталась жить дома, в единственной уцелевшей комнате, с затянутыми целлофаном окнами. Там было холодно, сыро, но Любан не уходила из дома, считая, что души снохи и внуков каждый четверг и пятницу прилетают к своему последнему месту пребывания и ночуют здесь. Поэтому покинуть дом ей казалось предательством памяти умерших. Все дни она молилась и за ушедших в горы сына и внука, и за умерших, и просила Всевышнего, чтобы Он был милостив к ним. В остальное время предавалась воспоминаниям о тех, кого потеряла за свою жизнь. Мать, украинку, которая, спасаясь от голодной смерти, в 33-м году появилась в Чечне. Здесь она вышла замуж за отца Любан Саида, его незадолго до войны назначили председателем колхоза. Она вспоминала холодную осень 42-го года, когда ее отца убили абреки, и девочка-подросток впервые узнала, что такое смерть, наблюдая, как внезапно состарившаяся мать и бабушка в черных платках принимают соболезнования.

Она была старшей из детей, и после смерти отца практически заменила братишке и сестренке родителей, ведь мать на рассвете уходила на работу, а приходила, когда было совсем темно. Она вспомнила, как мать отказалась от предложения остаться в селе на правах украинки, а выселяют только врагов народа – чеченцев и ингушей. Как можно было остаться, когда детей и

старую свекровь высылают как врагов народа? Депортировали их в Восточно-Казахстанскую область, и от лютых морозов и голода умерли сначала бабушка и брат, а затем мать и сестра. Любан сначала определили в детдом, потом ее забрал к себе дальний родственник отца. Простуженная, с кровохарканьем, девочка все время лежала в больницах, пока ее родственники не переехали в теплую Джамбульскую область, и там такой же, как и они, спецперселевец, кореец по национальности, лечил ее травами, собачьим жиром.

– Ошень ты больной, но жить можит будешь, – сказал кореец Любан, когда ее отправляли на лечение в Алма-Ату.

Как бы то ни было, в 1955 году Любан чувствовала себя почти здоровой и устроилась на работу в швейное ателье. В том же году она встретила с Хасаном. Господи, как недавно и давно это было!

Вспоминая умерших, она молилась, и ей казалось, что их души успокаиваются. Страшней всего было ночью, когда во сне ушедшие приходили к ней. Она разговаривала с ними, обнимала, а, проснувшись, долго плакала от боли и тоски. Потом молилась и опять плакала. Может, от этого она резко сдала, похудела, черные глаза впали еще глубже и смотрели откуда-то из потустороннего мира печально и безнадежно. Она чувствовала, что скоро все кончится, и вызвала детей. Ей было страшно уйти, не повидав их. Вернувшись домой, Аллу первым делом растопил печь. А вечером пришел Джамбулат. Любан, еще больше похудевшая, в черном платке, из которого выглядывала прядь редких седых волос, лежала в постели и со слов соседки давно не вставала. В последнее время она часто впадала в бессознательное состояние. Оба решили остаться дома, пока ей не станет лучше. Джамбулат ходил к знакомым, родственникам, а Аллу сидел дома и рисовал в школьной тетради. Как-то, заглянув в его тетрадь, Джамбулат увидел портреты своей жены, сыновей, матери, отца. Были они другие, то серьезные, то грустные, но не такие, какими бывают на фотографиях – важными и строгими, чужими. Здесь они были как живые, только очень печальные. Было много рисунков других незнакомых людей, разрушенные дома, останки убитых детей, несколько рисунков волка. Приглядевшись, он заметил, что у волка человеческие глаза, жестокие и беспощадные. Джамбулат попытался вспомнить, где он видел эти глаза, но так и не смог. Перевернув лист, он увидел рисунок другого волка, который, задрав голову, выл на луну.

– Ты не знаешь, почему на нашем гербе волк и почему он воет на луну? – спросил Аллу, он вошел незаметно и стоял за спиной.

– Может, потому, что его нельзя приручить. А может, потому, что для всех он враг и все для него враги, – ответил Джамбулат, разглядывая тетрадь. – Я раньше не думал, почему нас все время бьют. Твой дед, сколько я помню, все время думал об этом. Отец за то, что он хотел спросить у власти, за что она расправилась с его семьей, попал на Колыму. Поэтому он не любил власть. Я всегда сторонился власти, старался быть дальше от нее, но она, как и к моему отцу, пришла, разрушила мой дом, семью. Мне хочется знать, за что и сколько мы будем гонимы и преследуемы. У нас волчья участь, они тоже гонимы, и, может быть, поэтому они воют в ночи на холодную луну. Да, я хотел тебя спросить, почему у волка человеческие глаза и кого они мне напоминают?

– Я сам не могу понять, но почему-то все время получают эти глаза. Я думаю, это глаза этой власти, несправедливой и ненасытной.

Разговаривая, они зашли в комнату, тускло освещаемую керосиновой лампой. Мать Джамбулата лежала на кровати и при слабом свете лампы казалась неживой. На потолке высвечивалось желтое пятно лампы, а из черных углов комнаты, казалось, смотрели глаза ушедших из этого дома людей. Женщина слабо пошевелилась, только тонкие пальцы быстро и привычно перебирали четки. Было слышно только тихое «Аллаху Акбар». Когда Джамбулат приблизился к матери, она улыбнулась одними губами и тихо заговорила:

– Я завещаю вам, чтобы не прервалась нить жизни ваших отцов. Придут

другие времена, и там должна быть наша кровь. Большая беда пришла в наш дом, но ты Джамбулат не замыкайся, не злись на этот мир. Женись, пусть у тебя будут новые дети. Аллах знает, зачем Он посылает нас в этот мир, от Него и все хорошее, и все остальное, пусть Он будет благосклонен к вам. Аллу, ты с детства был самым умным моим внуком, я ничего не понимаю в рисунках, но мне они понравились, они как живые. Это не фотографии, там мои дети словно чужие, а на рисунках они такие, как будто только что вышли из комнаты. Я старая женщина и многое чувствую, не понимая. И ты Аллу, сделай так, чтобы больше никогда война не пришла в наш дом. Поклянитесь, что вы выполните мою волю.

Оба молчали, не зная, что ответить. Джамбулат первым подошел к матери, присел на кровать и произнес:

– Разве я не твой сын? Я исполню твою волю.

– Я тоже, – заверил Аллу.

В ту ночь мать Джамбулата умерла. Перед смертью она открыла глаза, осмотрела комнату, тяжело выдохнула и закрыла их навечно. Утром пришли такие же старенькие бабушки, омыли ее тело, завернули в марлю, и после обеда ее повезли на кладбище, где уже была вырыта могила.

Был холодный апрельский день. С гор дул свежий ветер. По мутному небу ползли рыхлые белые облака. Они цеплялись и зависали над горами. Вороны, сидя на деревьях, рассматривали копошащихся на земле людей и сердито каркали, перелетая с дерева на дерево. Несколько стариков в больших каракулевых папах положили тело на край могилы и стали молиться. Из-за холмов появился вертолет. Он, то набирая высоту, то снижаясь, облетел кладбище. С вертолета стали стрелять. Все отбежали, легли под деревья, только Джамбулат, несмотря на крики ложиться, стоял. Стоял, как много раз стоял, когда видел приближавшийся вертолет, когда те стреляли в него, а он стрелял в эту хищную стрекозу, заставляя ее вертеться, делать виражи, взмывать вверх. Но сейчас у него не было оружия, на кладбище мусульмане не носят оружие, и он стоял, прикрывая собой мать, которая и сейчас была для него живой и которую он не мог бросить даже мертвой. Об одном жалел он в этот момент, что не убивал летчиков, этих бесчувственных убийц, которые убивали, не зная и не видя, кого они убивают. Он увидел вертолет, заслонивший диск черного солнца, ослепительную вспышку, кусок неба с плывущими в нем грязными облаками, а затем в мертвой пустоте и тишине уплывающий в сторону гор вертолет, Джамбулат упал на песчаную с мелкой галькой землю. Смерть наступила почти мгновенно, и его в тот же день похоронили рядом с матерью, женой и его четырьмя детьми. Так, в очередной раз в дом Джамбулата пришла смерть.

После смерти отца Аллу вновь пошел воевать. Его звали непримиримым, жестоким, но он, потеряв за год всех своих близких, не знал, каким еще можно быть и как вообще жить дальше. Аллу устал от крови, от взрывов, чувствовал, что дальше так продолжаться не может. Он искал смерти, а она упрямо избегала его, пустота и усталость все больше заполняли душу Аллу. Оставшись один, он часто спрашивал себя, как жить дальше. Куда идет эта неорганизованная масса вооруженных людей, ведь любая война должна рано или поздно закончиться? Жизнь загнала его в тупик, выхода из которого он не видел. Часто приглядываясь к флагу Ичкерии и видя на нем фигуру волка, он ощущал какую-то связь с ним. Он, такой загнанный, гонимый, пытался просто жить, но его обложили, загнали, заставили убивать и ему так же, как четвероногому волку, хотелось завывать протяжно, безнадежно от тоски, одиночества, безысходности.

Летом 1996 года приехал Илья и потребовал, чтобы тот сложил оружие и выехал из республики. Аллу так и не понял, как Илья нашел его среди тысяч военных, высоко в горах. На Илье была гражданская одежда, он обнял Аллу, рассказал, что больше не служит в милиции, а занимается правозащитной

деятельностью. Они сходили в село, пошли на кладбище. Как же разрослось за последний год это кладбище!

– Когда хоронили твоих братьев, эти могилки были на окраине, а теперь они почти в центре кладбища, – с горьким удивлением произнес Илья, разглядывая надгробные камни. – Сколько же за это время людей убито.

Аллу молчал, он смотрел на могилы и думал, что все они, самые близкие и дорогие ему люди, лежат здесь рядом, что, наверно, им не так одиноко, как ему.

«Только меня здесь не хватает, – неожиданно подумал он. – Ничего, недолго ждать». Он прочитал молитву, прикоснулся ладонями к каждой могиле и, опустив голову, пошел прочь с кладбища, уверенный, что скоро, очень скоро будет со своей семьей.

От фамильного дома остались стены, на которых рос бурьян, и только одна комнатка летней кухни была цела. Илья и Аллу застыли в размышлениях. Дядя обнял своего племянника, который был намного младше его собственного сына, но как же много всего ему пришлось пережить! Аллу продолжал растерянно смотреть на исковерканный, поржавевший детский велосипед, торчащий из-под обломков дома, на котором когда-то катался его младший брат Абу, и пытался справиться с нахлынувшими воспоминаниями.

Илья требовал от Аллу выезда из республики. Но молодой воин был непреклонен.

– Да, ты старший из оставшихся в нашем роду. Осталось нас только трое: ты, твой сын и я. И все же, пока войска будут здесь, я не уеду.

Так Илья и уехал ни с чем.

Всего в 60-ти километрах от Урус-Мартана – Ингушетия. Далее, куда ни глянь, Россия, широкая, просторная, и там каждый день люди отправляли своих детей в детсады, школы, институты и не боялись, что их дети не вернуться вечером домой. Люди шли на работу, возвращались домой, любили, создавали семьи, а здесь, в той же самой России, шла война, гремели взрывы, голодали и гибли люди, и никто, запирая на ночь дверь, не был уверен, что доживет утра.

Страна, словно ничего и не происходило, проводила конкурсы красоты, на экранах телевизоров веселые киноартисты рассказывали, как приготовить мясо по-бразильски или малохолестериновую пищу, как срочно и без вреда для здоровья похудеть.

Прошло три года. В августе 1996 года Аллу ушел из отряда и больше его не видели. Может быть, уехал за границу, как и тысячи чеченцев, которым не нашлось места на родной земле. Дом Джамбулата в Урус-Мартане так и стоит разрушенный, дожди, снег, ветер покосили оставшуюся крышу дома, все заросло дикой, сорной травой, а на разрушенной стене выросло какое-то деревце, и качает его ветер, навевая воспоминания и тоску о живших когда-то в нем людях. Помня произошедшую в нем трагедию, люди стараются не заходить в этот двор, горько и больно видеть съехавшую, покосившуюся крышу, пробитые осколками ворота и не верится, что когда-то в нем жили люди, красивые и добрые. Где они? Куда унесла их безрадостная судьба?

Вахит Бибулатов

Представленные к Герою...

Еще в годы СССР я услышал от одного студента-чеченца такую историю: к ним в вуз, на очередной юбилей Победы, приходил офицер-коммунист, ветеран Великой Отечественной войны, гость республики. Во время своего выступления он сказал студентам, что у осетин больше героев и офицеров, чем у чеченцев и ингушей, хотя осетин количественно значительно меньше. Он намекал, что чеченцы и ингуши были бандитами и дезертирами, поэтому их и выслали. Тогда сами чеченские ветераны мало говорили о своих ратных делах, потому что были не в милости у государства, многие погибли на полях сражений, у многих, оставшихся в живых, отбирали награды. Молодежь не владела такой информацией (не было доступа), какую мы имеем сегодня. И тогда студенты не могли аргументированно ответить на оскорбление этого офицера...

Рассказывают, что на закате карьеры Н.С. Хрущева, кажется, в типографии города Горького, должна была выйти большим тиражом книга о защитниках Брестской крепости, и в ней говорилось о чеченских воинах (видимо, воспоминания ветеранов защиты Брестской крепости со всего СССР). Так вот, в это время сместили Хрущева и книга, не успев попасть на прилавки магазинов, отправилась, как говорится, «под нож».

Многие из среды интеллигенции тогда говорили, что у нас было немало воинов, представленных к Герою, но им из-за их национальной принадлежности не давали эти заслуженные награды и воинские звания, хотя среди чеченцев были талантливые полководцы. Это Мовлади Висаитов, Сакка Висаитов, Маташ Мазаев, Абу Ахметханов, Хамид Куразов и другие.

Когда у нас не было доступа к архивным материалам ВОВ, москвич С. Кашурко, бывший военный, общественный деятель и правозащитник, находил в центральных и многих других архивах информацию о чеченских воинах. У него было около сотни наградных листов с представлениями к званию Героя СССР на чеченских участников Великой Отечественной.

Сегодня на сайтах ОБД «Мемориал» и «Подвиг народа» можно найти приказы, наградные листы и другие документы об участниках этой войны из числа вайнахов.

Кстати, эти наградные листы с представлениями к Герою обнаружила на этих сайтах зам. начальника отдела научно-исследовательской работы Архивного управления Правительства ЧР Батаева Раиса Бибертовна. Каждый день она ищет новые документы, свидетельствующие о героических подвигах чеченских воинов в период Великой Отечественной войны.

В этом материале речь пойдет о наших земляках, представленных к званию Героя Советского Союза: чеченце Алибекове Саиде Ахмедовиче из Гудермесского района, чеченце Шидаеве Айсе Укоевиче, ингуше Куриеве Жавране Жамалдиновиче из Ачхой-Мартановского района и чеченце Арслангерееве Ильесе Акбулатовиче из Хасавюртовского района.

Алибеков Саид Ахмедович свой боевой путь начал с штрафбата, так как отбывал срок в заключении в Коми АССР. Несмотря на это, он отличился на войне и даже воевал в разведроте на передовой и в тылу противника.

О подвигах героев и наградах свидетельствуют их наградные листы.

Из наградного листа Алибекова Саида Ахмедовича, уроженца Гудермесского района ЧИАССР

Алибеков Саид Ахмедович, 1910 г.р., чеченец, призван Кожвенским РВК Коми АССР, кандидат в члены ВКП(б), гв. лейтенант, командир разведвзвода

13-ой отдельной разведывательной роты 95-ой стрелковой Верхнеднепровской Краснознаменной дивизии.

Представляется к правительственной награде – званию Героя Советского Союза.

В Великую Отечественную войну воевал на Западном фронте с 2.11.42 года по 1.06.1944 года, с 1.06.1944 года – на 2-ом Белорусском фронте. Легко ранен 17.07.1943 года, 16.11.1943 года и 12.12.1943 года на Западном фронте.

В Красной Армии – с сентября 1942 года.

Ранее награжден: орденом Красного Знамени Приказом 10-ой Армии №015 от 8.03.1944 года; орденом Отечественной войны 2-ой степени Приказом 10-ой Армии №0548 от 12.10.43 года; орденом Красной Звезды Приказом по 49 СД № 05 от 23.01.1944 года; орденом Славы 3-ей степени Приказом по 49 СД № 059 от 21.12.1943 года; медалью «За отвагу» Приказом 49 СД № 027/н от 27.03. 1943 года.

Есть наградной лист о награждении Алибекова С.А. орденом Славы 1-ой степени от 24 ноября 1943 года. На орден Красного Знамени у Алибекова С.А. два представления с разными датами.

Краткое изложение боевого подвига:

Гвардии лейтенант Алибеков, командуя взводом 13-ой отдельной разведывательной роты 95-ой Верхнеднепровской Краснознаменной стрелковой дивизии, является умелым офицером-разведчиком.

*Алибеков Саид
Ахмедович,
1910 г.р., г. Гудермес*

Тов. Алибеков неоднократно ходил в тыл противника, разведывая глубину его обороны и сосредоточение резервов, приносил ценные данные о противнике, которые давали возможность командованию наносить удары с меньшими потерями своих войск.

С 17 на 18 августа 1944 года тов. Алибеков с группой разведчиков в количестве 9 человек и рацией в районе Гженды Белостокской области форсировал канал Вожна-Вейслы и реку Лега, а потом ушел с указанной группой в тыл противника. Во время форсирования канала и реки группа была обнаружена обороняющимся врагом, но тов. Алибеков, приняв бой и уничтожив 18 солдат противника, сделал ложный отход и, изменив маршрут, провел группу в тыл противника без потерь. Группа под руководством Алибекова находилась там 8 дней и углубилась до 50 км, тщательно разведав оборонительные сооружения и сосредоточения войск и техники противника в районах Граево, Руда, Вонсош, Родзилув.

Несмотря на исключительные трудности ведения разведки этих районов, тов. Алибеков два раза в сутки информировал по радио о результатах разведки, этим самым своевременно докладывал командованию о передвижении пехоты и техники противника.

Тов. Алибеков тщательно разведал и вскрыл оборонительную систему на рубеже: Граево, Родзилув.

Алибеков С.А. в 1944 году приезжал на родину в отпуск, а на обратном пути пропал без вести при загадочных обстоятельствах...

Из наградного листа Шидаева Айсы Укоевича

В Красной Армии с сентября 1939 года. Гвардии старший сержант, командир взвода 80-ой гвардейской отдельной разведроты 79-ой гв. стрелковой дивизии.

Участвовал в Сталинградской битве. Четырежды ранен. Награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За оборону Сталинграда». «В ночь с 11 на 12 октября 1943 г. Шидаев во главе своего отделения <...> первый ворвался на высоту, лично уничтожив пулеметный расчет, захватив при этом пулемет. Со своим отделением разведчиков. Шидаев уничтожил до 20-ти гитлеровцев, закрепившись на высоте и отразив 3 контратаки, разведчики во главе подоспевших стрелков двинулись на Запорожье. <...> 1 августа 1944 г. под сильным ураганным ружейно-пулеметным и артогнем в составе отделения первыми переправились на левый берег реки Висла, уничтожили несколько огневых точек противника и увлекли за собой пехоту. В дальнейшем приняли неравный бой с противником и уничтожили по 10-15 немцев. За свою храбрость и инициативу достоин звания Героя Советского Союза. 5 августа 1944 года.

ЦАМО фонд 33 опись 686044 дело 2322.

Из наградного листа Куриева Жаврана Жамалдиновича, уроженца Ачхой-Мартановского района ЧИАССР

Все графы записывать полностью

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

КУРИЕВ ЖАВРАН ЖАМАЛДИНОВИЧ.

1. Звание: **Старший сержант.** 2. Должность, часть: **Командир отделения связи штабной батареи 1043 артиллерийского полка, 306 стрелковой Рибшевской дивизии, 43 армии, 1 Прибалтийского фронта.**

3. Имя: **Жавран** 4. Звание: **Герой Советского Союза.** 5. Награжденность: **Ингуш.** 6. Партибилет №: **6211147.**

7. Член ВКП(б) с **1913** года, партбилет № **6211147.**

8. Имя и фамилия, должность в отечественной войне: **Легко ранен 16.10.43 г. Инг.**

9. С какого армейского соединения: **Красной Армии с 10 июня 1941 г.** 10. Каким РК призывался: **Ачхартановским РК Чечено-Ингушской АССР.**

11. Медаль «За отвагу» приказ № **1043** артиллерийского полка № **016** от **28.08.43** года.

12. Последний домашний адрес представляемого и награждаемого и адрес его семьи:

1. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг:

В боях с немцами оккупантами при форсировании у. Западная Двина проявил личный героизм и отвагу. Первым с тремя пехотинцами переплыл с автоматом в руках р. Западную Двину и выбил группу немцев из х. Шарыпино, уничтожив 15 человек солдат и офицеров, отбил у немцев 10 лошадей. Своим подвигом тов. Куриев содействовал захвату плацдарма на противоположном берегу и успешное ее форсирование стрелковым подразделением. В процессе форсирования реки держал бесперебойную связь командира батареи, что способствовало уничтожению огневых точек и успешному форсированию реки пехотой.

За личный героизм и отвагу при форсировании реки, тов. Куриев достоин присвоения звания «Герой Советского Союза».

Инициал: **ПОЛКА** / **МОСКАЛЕВ**
подполковник

« **1** » **ИЮНЯ** **1944** года.

Подпись командира артиллерийского полка 1043 артиллерийского полка, 306 стрелковой Рибшевской дивизии, 43 армии, 1 Прибалтийского фронта

Подпись заместителя командира артиллерийского полка 1043 артиллерийского полка, 306 стрелковой Рибшевской дивизии, 43 армии, 1 Прибалтийского фронта

Куриев Жавран Жамалдинович, 1922 г.р., национальность – ингуш. Призван в СА Ачхой-Мартановским РК ЧИАССР 10 июня 1941 года. Воинское звание – старший сержант. Член ВКП(б) с 1913 года, партбилет № 6211147. Должность – командир отделения связи штабной батареи 1043-го артиллерийского полка 306-ой стрелковой Рибшевской дивизии 43-ей армии 1-го Прибалтийского фронта. Воевал на Калининском 1-ом Прибалтийском фронте с 03.09.42 года. Легко ранен 16.10.43 года. Награжден медалью «За отвагу». Приказом 1043-го артиллерийского полка №316 от 28.08.43 года представлен к званию Героя Советского Союза.

Краткое описание боевого подвига:

В боях с немецкими оккупантами при форсировании реки Западная Двина проявил личный героизм и отвагу.

Первый с тремя пехотинцами переплыл с автоматом в руках Западную Двину и выбил группу немцев из деревни Шарыпино, уничтожив 15 человек солдат и офицеров, отбил у немцев 10 лошадей.

Своим подвигом товарищ Куриев содействовал захвату плацдарма на противоположном берегу реки и успешное ее форсирование стрелковым подразделением. В процессе форсирования реки держал бесперебойную связь

с командирами батарей, что способствовало уничтожению огневых точек и успешному форсированию реки пехотой.

За личный героизм и отвагу при форсировании реки тов. Куриев достоин присвоения звания Героя Советского Союза.

*Командир полка,
подполковник /Москалев/
4 июля 1944 года.*

В наградном листе есть приписка полковника Хубалеева с ходатайством о присвоении Куриеву Ж.Ж. звания Героя Советского Союза.

Из наградного листа Арслангереева Ильяса Акбулатовича

Чеченец, уроженец с. Османюрт Хасавюртовского р-на, призван в Красную Армию в 1942 г. Рядовой 3-ей роты 1-го батальона 224-го стрелкового полка 162-ой стрелковой дивизии. Взвод из 18-ти пограничников, куда входил Арслангереев, повторил подвиг Панфиловцев. Они задержали и разбили немцев у д. Самодуровка Курской области. Взвод неоднократно переходил в рукопашную, даже раненые продолжали воевать. Вместе с командиром – лейтенантом Романовским – пограничники героически погибли, но не пропустили врага в тыл 224-го стрелкового полка. После боя были обнаружены 18 погибших бойцов и вокруг них 83 мертвых гитлеровца.

ЦАМО Ф – 33 оп- 686044 д-900.

Арслангереев был представлен к званию героя Советского Союза, но вместо звания Героя его наградили орденом Отечественной войны 1 ст. посмертно.

Наши земляки так и не удостоились своих заслуженных наград.

Как мы знаем из истории Великой Отечественной войны, представленным к званию Героя на войне получать это звание мешала графа «06» в их паспорте, то есть принадлежность к репрессированному народу, который огульно и без всяких на то доказательств относили к

«врагам народа» и предателям Сталин, Берия и их палачи. Это следующие народы: поволжские немцы, калмыки, крымские татары, турки-месхетинцы из Грузии, карачаевцы, балкарцы, чеченцы и ингуши. Если бы награды доходили до адресатов, то граждане СССР узнали бы о вкладе репрессированных народов в войну против фашизма и была бы развенчана пропаганда по их очернению Сталиным и его кликой, не нашлось бы повода для их выселения.

Сегодня, слава Всевышнему, мы имеем возможность опровергнуть лживые наговоры сталинистов на наш гордый, свободолюбивый и героический народ.

Наши потомки имеют право гордиться славным боевым прошлым своих отцов. Вечная память и слава героям!

*Арслангереев Ильяс
Акбулатович*

Роза Межиева

Герой из Атагов

9 мая 2013 года исполняется 68 лет со дня Победы над германским фашизмом. И этот праздник «со слезами на глазах», без преувеличения, можно назвать событием планетарного масштаба. Ведь благодаря беспримерной храбрости, стойкости и мужеству миллионов воинов, сражавшихся на фронтах той войны, сегодняшний мир, каким мы его знаем, худо-бедно развивался, строился и, отчасти, даже процветал. Конечно, это не означает, что «победному шествию прогресса» на земле с мая 1945 года ничто не мешало – войны локального характера (но от этого не менее жестокие и разрушительные в масштабах отдельных стран) идут в мире, практически, беспрерывно. Мы узнаем об этом из новостей по телевидению, радио; читаем в печатных СМИ – и испытываем, в конце концов, на себе. Чеченский народ в этом смысле не стал счастливым исключением...

Однако сегодня речь все же не о войнах последней четверти двадцатого – начала двадцать первого веков в истории чеченцев – а о судьбах героев и ветеранов той самой Второй мировой, а для нас, бывших советских граждан, – еще и Великой Отечественной войны.

Мовлди Умаров... Кто этот паренек в остроконечной буденовке, с пристальным взглядом, проникающим, казалось бы, в самую человеческую суть, на старой, пожелтевшей от времени фотографии? Его жизнь, яркая и стремительная, как полет метеора, оказалась словно бы вбитой в лаконичную строку из двух дат: «1921–1943», заставляя с особенной остротой заново осмыслить и прочувствовать слова из песни «Звезда, по имени Солнце» в исполнении советского рок-певца Виктора Цоя:

Ведь судьбою больше любим
тот, кому умирать молодым...

Страна должна знать своих героев... Но что можно рассказать о человеке, в восемнадцать лет призванном в ряды Красной Армии, окончившем Ленинградское пехотное училище и в 1941 году ушедшем на войну в звании старшего лейтенанта? Почему для кого-то могут понадобиться долгие десятилетия жизненного опыта, испытаний и потрясений, прежде чем станет ясно, что же за человек из него получился – а кому-то отпущено немногим более двадцати? Воспоминания родных о Мовлди Умарове (в первую очередь, его младших братьев) скупы – и в этом нет ничего удивительного – много ли времени для совместного проживания, общения было у братьев, чтобы, вот так, прошла вся жизнь одного – перед глазами другого? Но то, что в памяти все же осталось, рисует читателю цельный и волевой характер будущего героя.

Мовлди Умаров родился в селе Новые Атаги. В двенадцать с половиной лет остался круглым сиротой – сначала умерла мать, а спустя полтора года после ее смерти скончался отец. В семье Мовлди был старшим ребенком, так что на его плечи легла забота о трех сестрах, двух братьях и мачехе. Что не мешало тянуться к знаниям – Мовлди очень любил чтение, причем не только светской литературы – в свободное от работы и школы время он учился в медресе, умел

читать Коран. В 1939 году с отличием окончил Серноводский педагогический техникум.

И еще один очень характерный эпизод, свидетельствующий о становлении личности Умарова задолго до начала войны – как горнила исключительных испытаний для каждого человека. Сразу по окончании педтехникума выпускника-отличника оставили работать преподавателем. С 1 сентября 1939 года Мовлди приступил к работе. Но уже через два месяца получил повестку из Атагинского РВК о призыве на действительную воинскую службу. Эта новость настолько ошеломила его родных (ведь он был, что ни говори, кормильцем в семье), что растерянная мачеха даже обмолвилась: «Не поговорить ли с начальством, чтобы не забирали в армию?»

Реакция юноши была жесткой: «Отслужу, как положено джигиту, истинному чеченцу, и вернусь домой. Неужели вы хотите, чтобы я опозорил себя и свой род? Ведь я – мужчина, а мужчина должен пройти тот путь, который ему предначертан». Вряд ли кто из родных Мовлди, да и он сам, мог тогда представить, что след предначертанного ему пути оборвется в Вечность спустя каких-то три года. Отныне решительный шаг навстречу судьбе был сделан, и память о его дальнейшей (недолгой, но невероятно насыщенной и емкой) жизни родные черпали из скупых и суровых писем с фронта – от однополчан и командира части, в которой воевал Умаров, из сухих архивных данных.

«Отбить у фашистов село Матренино и продержаться до прихода основных сил. Любой ценой...» – такой приказ получил в морозный январский день 1943 года старший лейтенант, командир роты Мовлди Умаров. Приказ был выполнен...

А спустя месяц командир стрелкового батальона майор Девятинер родным Мовлди Умарова написал такие строки:

«Ваш сын и брат, командир стрелковой роты, старший лейтенант Мовлди Абдул-Вахабович Умаров, защищая нашу Родину от немецко-фашистских захватчиков, пал смертью храбрых. Вечная ему память! Мы отомстим за него и за всех советских людей и вернемся с победой!»

Долгие годы родные Мовлди Умарова писали письма, разыскивали однополчан, чтобы узнать обстоятельства его гибели и точное место захоронения, а также судьбу награды – за героическое выполнение боевых заданий, проявленные мужество и отвагу Умаров был награжден орденом Красного Знамени, о чем свидетельствуют следующие выписки из архивных документов:

1. «Сообщаем что в приказе по войскам Западного фронта № 015/ н. от 13.01. 43 г. значится: «От имени Президиума Верховного Совета Союза СССР за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом мужество и отвагу – награждаю:

По 7 гв. стр. корпусу орденом Красного Знамени ст. лейтенанта Мовлди Абдул-Вахабовича Умарова (так в пр.) – командира стр. роты.

Основание: оп. 717037, д. 4345, л. 258».

Наградного листа к приказу на сохранении нет.

*Архивная справка №2 673359 от 27.11.95 г.
Начальник хранилища п/п-к Тихонов».*

2. «В Красной Армии с 1939 года, призван Атагинским РВК ЧИАССР с. Н. Атаги.

11.02.43 г. в районе Скучарево, на участке, обороняемом ротой, которой командовал ст. лейтенант Умаров, противник после интенсивной артподготовки повел в наступление до 350 солдат. Командир роты Умаров подпустил на близкое расстояние гитлеровцев и в упор, ружейно-пулеметным огнем начал расстреливать их. Первые наступавшие цепи фашистов были почти полностью уничтожены. Противник подбросил численно превосходящие силы и ворвался в траншею обороны роты Умарова. Будучи дважды раненным, с перебитой

рукой, с возгласом: «За Родину! За Сталина! Вперед!» перешел в контратаку. В этой ожесточенной схватке тов. Умаров пал смертью храбрых. На поле боя (в траншеях) противник оставил 100 трупов.

За проявленное мужество и героизм в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне 1943-1945 гг. Умаров Мовлди Абдул-Вахабович, 1921г.р., приказом командования войсками Западного фронта представлен к присвоению посмертно звания Героя Советского Союза 18.02.43 г.

*Основание: Ф-208, оп. 2522, д.558, л. 188
Начальник хранилища п/п-к Тихонов».*

3. «НКО СССР.

4-ый отдельный стрелковый батальон.

Извещение

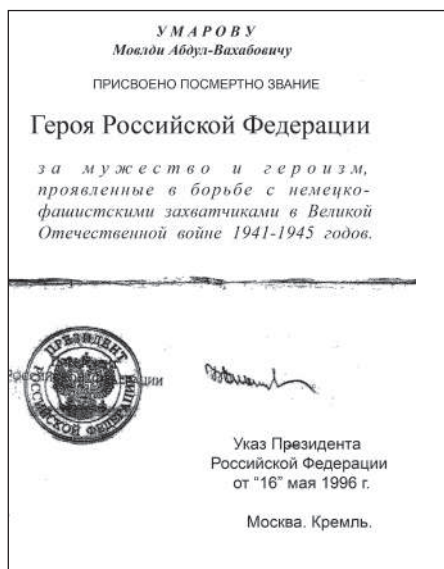
Ваш брат, старший лейтенант Мовлди Абдул-Вахабович Умаров, уроженец Чеченской АССР, Атагинского р-на, с. Н. Атаги, в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит.

Похоронен в с. Матренине Темского р-на Смоленской области 11.02. 1943 г.

Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии.

*Приказ НКО СССР
Командир части п.п. /Девятин/
От кого: 175 полевая почта, часть 69».*

К сожалению, заслуженная награда осталась неврученной. Как и звание Героя Советского Союза не было М. А.-В. Умарову присвоено даже посмертно лишь по одной причине – чеченец. Справедливость восторжествовала только по прошествии долгих 53 лет, когда Указом Президента Российской Федерации от 16 мая 1996 г. Мовлди Абдул-Вахабовичу Умарову было присвоено звание Героя Российской Федерации посмертно – за мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов. А 19 февраля 2006 г. на сходе граждан селения Новые Атаги было принято решение о переименовании одной из улиц села в улицу имени Героя России М. Умарова». Именем Героя России М. Умарова также была названа средняя школа № 1 с. Новые Атаги и одна из улиц г. Грозного в районе «Минутки».

P.S. Известная российская правозащитница Валерия Новодворская как-то в одном из своих интервью, сравнивая судьбы двух народов – еврейского и чеченского, – назвала первый «народом Книги», а второй – «народом из Книги». Имея, должно быть, в виду, что испытания, выпавшие на долю чеченцев и способность противостоять им были настолько исключительны, что аналогичные примеры тому можно найти разве что на страницах книг о великих героях прошлого. И пусть это сравнение не покажется кому-нибудь слишком уж лестным. Ведь на долю «книжных» героев (а уж на чеченский народ и подавно) доставались не только и не столько лавры. Подлость, клевета, предательство и жестокость – разве не в

таких условиях каждодневной реальности ковался характер тех (известных из легенд и преданий самых разных стран), кого принято называть народными героями? А когда подобные испытания падают на целую нацию?

От такого маленького народа, как чеченцы, до депортации 44-го года общей численностью немногим более 600 тысяч, на фронтах Великой Отечественной сражались (по разным оценкам) от тридцати до сорока тысяч воинов.

Слава о подвиге Ханпаши Нурадилова, пулеметным огнем уничтожившего 920 фашистов, гремела на всех фронтах. Газеты призывали равняться на его подвиг. Но только после личного вмешательства маршала Рокоссовского, заявившего, что «Донской фронт не поймет, почему Нурадилов не присваивают звания Героя», эта вопиющая несправедливость была устранена, но с одной поправкой – в графе «национальность» его записали дагестанцем.

Чеченец Алавди Устарханов – знаменитый командор Андре, участник итальянского и французского Движения Сопротивления. Первый воин из Советского Союза, ставший кавалером Ордена Почетного Легиона – высшей награды Франции.

Комполка Мовлади Висаитов оказался первым советским солдатом на Эльбе, Герой Советского Союза. Был единственным представителем из СССР, награжденным президентом США Гарри Трумэном высшей наградой этой страны – орденом Легиона Чести – «Пурпурное Сердце».

Абдул-Хаким Исмаилов – чеченец из Хасавюрта (как и в случае с Х. Нурадиловым, в центральных российских СМИ его предпочитают называть «дагестанцем») первым водрузил флаг на крыше Рейхстага. Легенда о солдате Кантария, после распада СССР и отделения Грузии, стала больше невыгодна – но и признать первым чеченца, должно быть, духу не хватает. Впрочем, если вышеприведенные примеры мужества и героизма чеченских воинов покажутся кому-то «единичными» – не проблема добавить: первый удар германской военной машины приняли на себя защитники Брестской крепости, треть из которых составляли чеченцы. Об этом однажды сказал и президент России В.В. Путин. Однажды... Вот только вал клеветы на чеченский народ, запущенный почти семьдесят лет назад, не снижает оборотов, исправно множа и тиражируя ее в печатных СМИ, в так называемой «научной» исторической литературе, в Интернете...

Открыто чествовать наших ветеранов Великой Отечественной войны стало возможным лишь в последние два десятилетия – самосознание чеченского народа крепнет, и для нынешних поколений молодых и пожилых чеченцев важно чтить и помнить героев – потому что, в первую очередь, это нужно нам самим. Потому что это НАШИ герои.

Бела Шавхелишвили**Что посеешь...**

(О переселении чеченцев в Грузию)

Посвящается Юсупу Маргошвили

Панкисское ущелье Грузии стало известно мировой общественности совсем недавно – всего каких-то 15-18 лет назад, в результате событий, происходивших на Кавказе в постсоветское время (я имею в виду войну в Грузии, за которой незамедлительно последовала война и в Чечне)... В прессе было написано очень много – и правды, и неправды... Мы стали свидетелями «перетягивания одеяла» в разные стороны, чтобы, поймав «в мутной воде рыбу», дать толчок к новому перекраиванию мира. И каждая из сторон искала здесь свою собственную выгоду... – упустить такой лакомый кусочек как благодатный Кавказ т.н. «вершители мира» себе бы не простили... Ну а вышло – как вышло... В результате – одна часть его населения расплзлась по всему миру в поисках средств к выживанию, а другая – по сей день терпит жизнь такую, какая есть, ибо любовь к родине они понимают немного по-своему и хорошо осознают – уехать и оставить родные места – равно потере собственных корней... Это так! Такие моменты вольной и невольной миграции на протяжении своей долгой истории население Кавказа прошло не единожды, поэтому каковы их последствия для них – тоже не секрет...

Результатом одной такой (в данном случае – вольной) миграции и образовался в Грузии маленький, уже знаковый оазис, называемый Панкисским ущельем, где в течение вот уже почти двух веков проживают этнические вайнахи, которых здесь называют кистами. На различных Интернет-форумах я часто сталкиваюсь с разногласиями в том, откуда же именно вайнахи переселились в Грузию?..

Давайте обратимся к труду моей мамы, профессора Лейлы Маргошвили – ей вполне можно доверять, ибо работая над монографией «Культурно-этнические взаимоотношения между Грузией и Чечено-Ингушетией» (издана в 1990 г.), исследуемый ею материал она записывала непосредственно от своего отца Юсупа Маргошвили – выдающегося кистинского просветителя, писателя, поэта и переводчика, который перевел на чеченский язык произведения известных грузинских писателей и поэтов. В детстве меня учили, что проявлять лишнее внимание к своим родным прилюдно, тем более рекламировать – не очень этично, но здесь случай особенный, поэтому я воспользуюсь той благодатью, которую мне даровал Господь – быть внучкой Юсупа Маргошвили – и постараюсь изложить материал, касающийся жизни его семьи, по которой можно не только хронологически точно воспроизвести всю историю переселения вайнахов на территорию Грузии, но и детали дальнейшей жизни кистов в Панкиси. И еще: я хочу на примере прямых предков моей мамы – переселенцев из Чечни – рассмотреть, как происходили процессы интеграции вновь прибывшего населения с местными грузинами и какова роль моего дедушки в становлении и культурном образовании этого края.

Начну с того, что познакомлю вас с моим дедом – Юсупом Маргошвили. Это был необычайно образованный для своего времени человек – имел духовное (окончил медресе) и светское образование, свободно владел арабским (древнеарабским), турецким, русским, грузинским и литературным чеченским

языками. Его знание арабского языка было настолько глубоким, что академик Гиорги Церетели, известный ученый-востоковед, неоднократно бывал у него дома в с. Дуиси с целью консультаций, а когда в Тбилисском государственном университете им. Ив. Джавахишвили открывался факультет востоковедения, то он несколько раз специально приезжал к Юсупу с просьбой вести лекции по арабскому языку, но добиться согласия так и не сумел... Причина была более чем проста – а что будет с кистами, если он уедет, и кто поможет им в трудную минуту?.. Сейчас эта причина мало понятна, т.к. каждый стремится создать свой собственный уют, а мысли о таких высоких материях присущи только героям из книг... Однако на примере жизни и деятельности дедушки вы убедитесь, что среди нас тоже могут быть люди, для которых общечеловеческие ценности, как ни странно, превыше личных...

Юсупу Маргошвили довелось непосредственно жить с теми людьми, которые были первопереселенцами – он был рожден в 1894 году и был самым младшим из шестерых детей. Его окружали люди, которые сами были носителями истории и каждый из них мог рассказать о том, что они переехали из страны вайнахов, которая находится непосредственно на границе с Грузией – по ту сторону Кавказского хребта. Досконально мог рассказать тропы и дороги, по которым им пришлось пройти этот длинный путь, сказать о причинах, побудивших сделать этот шаг, и то, почему их выбор пал именно на Грузию – по сути, страну с чужой верой и чужой культурой. Впрочем, вера для некоторых из них и не была чужой – скорей наоборот, ибо в ту эпоху многие из переселенцев сами были православными. А так как в то время шла Кавказская война, и имам Шамиль часто силой насаждал ислам, то не желавшим стать мусульманами, приходилось уезжать из родных мест. Кстати, жертвой такой размолвки с Имамом был и Джокола Даркизан-кант (кант – «сын»), его мюррид, который, отказавшись принять магометанство, ушел из Чечни в Грузию, забрав с собой все свое село (впоследствии его именем в Панкиси было названо село Джоколо, где по сей день живут его потомки).

Миграции вайнахов в Грузию происходили и раньше, но шли семьями или в одиночку и, поселившись в окружении грузин, как правило, подвергались ассимиляции настолько, что многие из них даже не помнили о своих корнях. Однако начало XIX века (с 1831г.) можно считать временем самой активной миграции горцев Северного Кавказа в Грузию, и причиной тому была не только война. Шли дагестанцы, осетины, вайнахи... – одних было больше, других меньше, и расселялись они в разных регионах Грузии. Именно на этот отрезок времени приходится довольно большой поток переселенцев-вайнахов, компактное поселение которых в Панкисском ущелье произошло с доброй воли грузинских князей Чолокашвили и при непосредственном участии тушин. Причины, заставлявшие вайнахов уходить с родных мест, были самые разные – нежелание принять ислам, кровная месть, традиции «байталваккхар», неимение средств к существованию из-за мелких земельных угодий и т.д. Я не буду их описывать, они хорошо изложены в научной литературе.

Дед Юсупа Маргошвили – Махьмад – и его брат Бахьмад были сыновьями Хьанакха, жили в местечке Гиезах, Майстинского общества близ горного Шатоя Чечни. Согласно вайнаховской традиции «байталваккхар», его сыновья вместе со своими семьями и всем скарбом вынуждены были податься в Грузию. Само слово «байталваккхар» передает суть этой традиции: б-аъа – «еда, кушанье» (-ит – повелит наклон.) + в-аккха – «лишить», где -б и -в – классы, маркирующие то, чего лишают (множества еды) и кого лишают (класс мужчины), то есть «лишить продуктов питания» (сюда входили домашний скот, зерно и др.) – весь лишний урожай отдавался тем, у кого урожая на тот год не было. Часто

это были односельчане, которые весь год бездельничали, поэтому нередко вызывали справедливый протест тех, кто своим трудом получал прибыль. Но против адатов горцев не пойдешь, поэтому, в знак протеста, сыновья Хьанакха, оставив родителей в родных пенатах, не желая подвергнуться процессу «байталвакхар», забрали весь скарб и вместе с семьями покинули свои дома приблизительно в 1839–40 гг. В Грузии они поселились в с. Панкиси, которое позже было переименовано в Дуиси (в честь старейшины села Дуи). Согласно существовавшей среди кистов в те времена традиции, вновь прибывших в свой род принимала одна из местных, ранее обосновавшихся фамилий; это сопровождалось определенным ритуалом – резали барана или быка, и представители обеих сторон приносили клятву поддерживать родство в радости и в беде, согласно всем существовавшим тогда канонам – между ними запрещались браки, на обе стороны распространялась кровная месть и все жизненные события (женитьба, строительство дома, рождение детей и т.д.) должны были отмечаться совместно. Каждая из породнившихся сторон имела свою выгоду, со всеми вытекающими из этого привилегиями: одна сторона получала защиту, опеку и т.д., а другая – укрепляла свой род.

Переезд братьев Махьмада и Бахьмада хронологически совпал со вторым этапом поселения переселенцев (35–50 гг. XIX в.), так как в Панкиси к этому времени жили первые представители фамилии Маргошвили, которых сюда, с согласия князей Чолокашвили, переселили из Тианетского уезда (село Чабано – 30–35 гг. XIX в.). Именно эта фамилия и приютила вновь прибывших братьев, дав им кров и обеспечив средствами для пропитания. Внуком Махьмада и был Юсуп Маргошвили – мой дед, отец моей мамы. Согласно сведениям, представленным в его же записях, и архивным данным, Панкисское ущелье было заселено выходцами, в основном, из Майсты, Хилдихарой и Итум-Кали. Хотя есть переселенцы из Аькхий и других мест, т.е. переселялись в основном чеченцы, хотя были и ингуши – это население, главным образом, из приграничных с Грузией высокогорных районов Чечни и Ингушетии. Однако надо заметить, что до прихода кистов в Панкисское ущелье эта территория по побережью р. Алазани вплоть до подножья горы Бахтриони и дальше по Алванской долине, включая близлежащие земли и Лопота – принадлежала тушинам, т.к. они их использовали для перезимовки овечьих отар. Дорога в Тушетскую Цовата тоже поднималась вверх от Панкисского ущелья и, надо заметить, что и после поселения здесь кистов тушины не изменили своим старым порядкам и именно по ней перегоняли овец вверх в горы и обратно. В селах Биркиани, Бацара, Омало, Хорбало до последнего времени оставались жить тушинские семьи из общества Цова. К прибытию кистов в селах Кварелцкали, Каклиани, Земо-Халацани и Думастури – жили пшавы и осетины. Таким образом, территория Панкисского ущелья не была свободной от населения – просто количество семей, проживающих в этих селах, было невелико. Вновь переселившихся не только обеспечивали земельными наделами для поселения на территории ущелья, но и просто подселяли к тем, которые уже там жили (как это произошло с тушинскими селами Биркиани, (Нижнее) Омало и Хорбало).

Тушины были очень заинтересованы в поселении здесь вайнахов, так как северокавказские, мягко говоря, любители легкой наживы, устраивая постоянные набеги, угоняли скот, уничтожали наделы, похищали людей с целью выкупа и т.д. В истории Грузии этот период именуется «лекианоба» (груз. леки значит «дагестанец») – вспомните похищение дочерей князя Александра Чавчавадзе. Поселив в ущелье вайнахов-кистов, правители Грузии и сами тушины надеялись как-то оградить северо-восточную пограничную зону от набегов неблагонадежных соседей. По сути, в какой-то степени это им

удалось – перестали похищать людей. Но полностью оградить скот от угона им так и не удалось. Надо заметить, что все вновь прибывшие вайнахи, согласно государственным канонам Грузии, принимали православие и оформлялись по модели грузинских фамилий. Это ускорило процессы интеграции с грузинским населением. Переход вайнахов на территорию Грузии шел в несколько этапов (1838–40 гг., 1841, 1847 г. и т.д.). Переселение длилось вплоть до начала XX века (1931г.) – это все хорошо описано у проф. Лейлы Маргошвили, поэтому я опушу детали. В результате, к этому времени в Панкиси образовалось компактное поселение вайнахов, которое обосновалось в пяти селах: Дуиси, Джоколо, Биркиани, Шуа Халацан, Квемо Халацани и Панкисское (Нижнее) Омало. Тушинских и пшавских семей здесь было очень мало, поэтому одни из них окистинились (например, Сулханаури, Цихесашвили, Цискарашвили, Пареулидзе, Цинцалашвили и т.д.), а другие стали переезжать жить поближе к городам или в тушинские села, расположенные по побережью р. Алазани на Алванской долине. В настоящее время, в связи с известными событиями последних 20-х лет XX столетия, часть христианского населения ущелье покинуло вовсе (в основном, осетины: их дома закупили кисты и некоторые беженцы войны в Чечне. Таким образом, учитывая поток последних переселенцев, население Панкиси за последние годы существенно прибавилось, и живут здесь, в основном, этнические вайнахи-кисты (мусульмане).

Но давайте вернемся в годы молодости моего деда, Юсупа Маргошвили. Я уже писала, что, поселившись в Панкиси и приняв православие (XIX – нач. XX вв.), вайнахи (кисты) легко и быстро нашли общий язык с местным грузинским населением, поэтому все события, происходившие в Грузии, непосредственно касались их тоже. С точки зрения добрососедства и куначества, это были, наверно, самые благодатные времена их жизни в Грузии. В Панкиси часто навевывались грузинские князья и представители интеллигенции: одни – с целью охоты, рыбалки, другие – ради интереса к самим кистам, как к новому этносу, поселившемуся в Грузии (А. Хаханашвили, Ив. Цискаришвили, Ив. Букураули и др.). С соседями у кистов тоже складывались ровные, дружеские отношения, особенно с тушинами, так как дорога в Тушетскую Цовата, куда тушины с Алванской долины каждое лето поднимались на отдых с семьями и всем скарбом, лежит через Панкиси. Проезжая по ущелью, они часто общались с кистами, и это общение нередко перерастало в побратимство и куначество. К примеру, мой прадед – тушин Гиго Эдишеридзе (фамилию Шавхелишвили мы приняли много позже) – имел названного брата из кистинской фамилии Гаургашвили – я сама хорошо помню, как даже поколение моего папы долго поддерживало родственные отношения с их кистинскими потомками, а с другой стороны – мой дед Юсуп был побратимом одного из предков тушинской семьи Бартишвили (из с. Земо-Алвани); часто эта дружба отцов и дедов перерастала в последующие поколения и поддерживалась детьми и внуками.

Таких семей, породнившихся по институту побратимства и куначества, у кистов было немало по всей Восточной Грузии – среди пшавов, хевсуров, мтиульцев, кахетинцев и т.д. Грузинские князья кистинцев тоже очень ценили – за их мужество, стойкость, принципиальность, за позитивный нрав, за бескомпромиссность и многое другое. К примеру, моя кистинская бабушка Зази (Дзаадзеи) Багакашвили (мать моей мамы) рассказывала, как князь Кайхосро (Какуца) Чолокашвили был частым гостем ее семьи, дружил с ее отцом, Бейсаром Багакашвили. Будучи одним из зажиточных людей среди кистов, Бейсар слыл надежным в делах человеком. В то же время он умел по достоинству принять и уважить гостя любого ранга, в любое время придти на помощь ближнему, взять на себя чужие хлопоты. В общем, это был человек чести – о таких вайнахи

говорят: «обзда стаг» (мужчина с достоинством). Эти качества, по-видимому, и снискали ему симпатию князя Кайхосро Чолокашвили. Князя Чолокашвили часто приезжали к кистам и по другим делам – через князей проходили все законодательные договора и акты, да и все волнующие кистов вопросы тоже разрешали сами князья. Такое отношение князей к кистам было своеобразным примером для простого населения, поэтому какие-то мелкие недовольства или социальные неурядицы между соседями легко разрешались. Видя веселый нрав кистов, князья не пропускали случая побывать на кистинских свадьбах, они также всегда присутствовали на траурных церемониях и относились к кистам как к себе равным. Возможно, поэтому у них было много доброжелателей среди кистов – по сей день с особой теплотой кисты относятся к имени Кайхосро (Какуцы) Чолокашвили и при случае часто рассказывают различные истории, услышанные ими от своих дедов. Семейные трапезы Бейсара и Кайхосро проходили как в Панкиси, так и в селе Матани – в имении князей Чолокашвили, и были так часты, что благодаря этим встречам, к примеру, моя бабушка хорошо говорила по-грузински и очень дружила с сестрами князя. В моей семье и по сей день хранятся самовар и сахарница, подаренные бабушке на приданое.

В заключение расскажу один эпизод из рассказов моей бабушки Зази (Дзадзей) о проводках Какуцы Чолокашвили, который в 1921 году покидал Грузию: «Однажды пришли мужчины в одежде похожей на ту, что носят абреки... я даже не сразу узнала: один из них Какуца был; мой отец в ту же минуту зарезал баранов, а нам сказал, чтобы мы торопились с едой... Я удивилась: «Зачем резать столько баранов на один ужин?» – думала я; но здесь дело было в другом – Какуца уходил в чужую страну, поэтому ему много припасов надо было приготовить – им же предстоял большой путь. Один день и одну ночь он пробыл у нас; пока мы готовили провизию, он был в укрытии... Оказывается, за ним была слежка со стороны правительства, чтобы его поймать и посадить, поэтому мой отец его никуда не выпускал, боясь, что люди его заметят... Уехали они на рассвете. То, что надо было взять с собой – все у нас подготовили... Очень был несчастный, бедный Какуца... не хотел уезжать... Никогда не забуду, как он сказал моему отцу: «Я уезжаю, но долго не останусь – обязательно увидимся»... Не хотел уезжать, очень не хотел... Хорошие они были люди и наш народ любили»...

Забегая вперед, скажу, что Какуцу (Кайхосро) Чолокашвили сопровождали преданные ему люди, среди которых были и кисты – один из них, Бейсар Багакашвили, мой прадед. Дорога лежала через Горную Тушетию, по перевалу Большого Кавказского хребта – в горную Чечню и, наконец, в Грозный. Отсюда Какуцу должны были переправить в Баку, а потом, по морю – в Европу. Бейсар проводил Какуцу до границы с Чечней, и передал его в надежные руки двух своих побратимов из фамилии Алханашвили.

Саламбек Алиев

Один день в Итум-Кали

Решено: в субботу – в Итум-Кали. Понедельник, вторник, среда, четверг, пятница... Люблю Грозный рано утром: сквозь сон протирающий глаза город окончательно просыпается и с удивлением взирает на то, как мало машин и людей. Вдруг вспоминает, что выходные, и на радостях, умыв лицо росными каплями с цветочных клумб, благоухая ароматами и утренней свежестью, сбегает по длинным каменным ступеням к площадям, проспектам, к паркам, аллеям и улицам.

Газель – это строфа арабского стихосложения или что-то в этом роде. Также газель – это такое животное, типа антилопы. В том и другом случае имеем дело с грацией. То ли дело «Газель» – микроавтобус! Тонкий восточный намек на толстые российские обстоятельства и никакой тебе грации. И это «животное» повезет нас в горы? Но-но! Ты, это, не обижайся! Это не твоя вина, а твоя беда, что так со страной-производителем не повезло.

Муса Ахмадов – главный редактор журнала «Вайнах» (это он решил в майские выходные организовать для своего коллектива «горный праздник») – терпеливо и спокойно вышагивает по тротуарной плитке, выложенной вдоль ступенек возле здания Дома печати, и ждет, когда закончатся сборы. Ахмадов напоминает человека, в ком средоточие терпения и спокойствия сконцентрировано, как солнечный луч в увеличительном стекле, в одной точке.

Абдулла Давлетгириев, коммерческий директор журнала, наоборот, бойкий, быстрый, резвый, хваткий, энергичный... Но без всякой суеты. Абдулла – поэт. Нет, он не пишет стихов – он любит все прекрасное и не может этого скрыть.

Девчата – Роза, Яха, Лида – заносят в салон нашу дорожную провизию.

– Фатима? Где Фатима?

– Она едет?

– Она ждет нас на атагинском перекрестке!

– А Сацита? Лиза?

– Звонили. Они не едут.

Наконец уселись, устроились. «Газель» нехотя, но поехала.

Дорога вытягивает шею и поднимает голову – все явственнее становятся горные подъемы. То она, как боксер, уклоняет голову вправо, влево – то, как гимнаст, развивающий гибкость, скручивается в круг, выписывая дорожную виньетку.

Первая остановка возле родника по пути в Шатой. Большая белая декоративная стена – творение рук человеческих, вделанная в горно-лесную скалу. У изголовья стены стоит сторожевая башня, построенная уже в наши дни, а сам контур стены выполнен в форме горной гряды. На стене – рельефная скульптура в виде коня, двух молодцов и двух горянок – не иначе как обряд свидания у родника. У подножия молодых вытекает сам родник, красиво обрамленный горным камнем, а на самом верху – вязь арабских букв, что может означать или пожелание доброго пути всем направляющимся туда или обратно, или непосредственно по части родника: пейте на здоровье! Выпили. Сели в салон нашей «Антилопы-гну». Едем дальше.

Почему людей влечет в горы? В чем они «провинились»? Что это? Тоска по далекой, оставшейся и оставленной в этих теснинах родине? Тогда почему

современный «равнинный» человек, выехавший на выходные на пикник в горы, способный с воодушевлением крикнуть – в горах мое сердце, а сам я внизу! – содрогается от одной мысли, что мог бы остаться наедине с этой дикой природой на год, два или на всю жизнь? Почему нам, оказавшись здесь и сейчас и ненадолго, будоражащим глубокие овраги и рытвины собственной исторической памяти, вспоминая героические деяния предков, наслаждающимся этим поистине чистым воздухом, кажется, что погибли бы именно от недостатка оно, стоило бы только сделать попытку жить и умереть среди этих камней? Почему мы любим не любя? Или нет..? Или что..? Нет же, мы любим, искренне, от души, от... И нам остается только восхищаться теми, кто еще не оставил эти леса и ущелья, теми, кто, сами того не подозревая, сохраняют нам нашу историческую колыбель, готовые встретить нас, выехавших на выходные на пикник в горы, с мудрой улыбкой и щедрым гостеприимством.

– Куда же ведет эта дорога?

– Не ведет уже, а вела.

Параллельно нашей асфальтированной трассе справа, внизу, видна проселочная дорога, вернее, то, что она когда-то из себя представляла. Вся обросшая, она петляет вверх по противоположному склону, исчезает в лесной чаще, появляется вновь и теряется где-то там наверху, где видны каменные развалины жилища и покосившаяся одинокая стена от сигнальной или сторожевой башни.

На ум приходят строки из стихотворения Шайхи Арсанукаева (воспроизвожу по памяти):

Д1атесна шира некъ.
 Зама мел ели
 Йистошца къух г1оттуш,
 Азло, ницкъ оьшу.
 Д1атесна массараъ,
 Адам ца лела
 Ткъа некъ-м цхъаъ варе
 Сатуьйсуш хьобжу.
 Хьобжу и, дог дилла ца лууш,
 Хьалхах, говрахъ я г1аш вог1уш
 Вац-те стаг генахъ.
 Д1атесна шира некъ,

Тера бу цхьалха,
Йиссинчу к1енташка
Хьобжучу ненах.

Следующая остановка – Ушкалойские башни! В этом самом месте дорога сужается, но вместе с тем тут останавливается столько машин, что кажется – а проедут ли другие? Но, посмей только не остановиться наша «антилопа», мы погнули бы ей все бока! Ведь это красота, которую невозможно проехать и пропустить, красота, которую можно постараться описать, но ничего из этого не получится. Что там Париж, который всегда с тобой? От восторга першит в горле и правая рука неистово чешет левую.

Маленький пешеходный мостик через ревуший Аргун перекинут на ту сторону, где и находятся чеченские башни-близнецы. Им, говорят, не менее 900-т лет. Правда, они не только отреставрированы, но одна полностью обновлена: в 2000-м году башни были подвергнуты акту вандализма со стороны федеральных войск.

Расположены они в скальной нише так, что четвертой стороной у каждой является сама скала. Сверху над головами башен нависает естественный природный козырек – часть той самой скалы. Кругом возвышаются причудливые исполинские хребты-великаны, и Аргун, как лава вулканическая, в стремительном потоке бежит по ущелью.

Фотографируемся. То так, то сяк, пытаемся объять необъятное – поймать каждый ракурс, каждую панораму, фон, камень, дерево, кустик...

Впереди нас ждет Итум-Кали. Оказывается, ждал не только в переносном смысле, но и в прямом. Историко-архитектурный комплекс Пакоч, являющийся памятником архитектуры и археологии федерального значения (XIV-XVI вв.), в котором также расположен краеведческий музей имени Хусейна Исаева, в субботу и в воскресенье не принимает гостей – обычные технико-профилактические выходные. Но к приезду Мусы Ахмадова и редколлегии журнала «Вайнах» заранее извещенное другом Ахмадова руководство музея распахнуло свои двери и радушно встретило гостей. И это, наверное, было наше путевое крещендо.

Комплекс «Пакоч» не может оставить равнодушным ни одного чеченца и не только чеченца, а любого представителя рода человеческого, для которого интересно историческое прошлое отдельно взятого народа. Вызывало уважение и то, с какой любовью и трепетом сотрудники музея относились к каждому экспонату. И это неудивительно, так как все они были местными жителями, то есть плоть от плоти причастны к этой истории. Древняя кухонная утварь, женская и мужская верхняя одежда, кинжалы и пояса и многие другие предметы из обихода прошлой жизни чеченского народа – все это в отдельном помещении нижнего этажа. На верхнем этаже главного здания комплекса – музей Хусейна Исаева. Здесь собраны его почетные грамоты, прижизненные и посмертные награды, воспроизведен рабочий кабинет.

В «Пакоче» нас также встретил тот самый друг, постоянный автор журнала «Вайнах», поэт и писатель Муса Шамсадов, который после осмотра музея отвез нас в свое родовое село Халде, где проживает его младший брат. И уже здесь, в тени навеса, за длинным, большим столом, который гнулсЯ от обилия всевозможных яств, на фоне горного пейзажа, протянув под столом усталые, набегавшиеся за полдня ноги, мы принялись, что говорится, трапезничать. Мясо молодого барашка запивали бульоном, сискал и далнаш закусывали т1о-берамом, мед заливали чаем, и все это сдабривалось чистым горным воздухом.

Музейный комплекс «Пакоч».

Человек, говорят, может привыкнуть ко всему, кроме как к несправедливости. А к хорошему человек привыкает настолько моментально, что по скорости с ним может тягаться разве что скорость света или звука. Да, кстати, и свет, и звуки в горах тоже на высоте. И вот сидим мы во дворе дома Шамсадовых, сытые духовной и материальной пищей, довольные настолько, что одна только мысль об отъезде кажется той самой несправедливостью, против которой готовы даже взбунтоваться, но... Мир дому вашему, добрые люди! Пусть Аллах приумножит вам богатства и благодати!

Громяхая и позвякивая всеми своими внутренностями и наружностями, «антилопа» наша взяла курс «домой». То ли это была обида, то ли издержки той самой родины, но на обратном пути, на самых ответственных и опасных участках дороги, где сплошные спуски перемежаются с крутыми поворотами, «антилопа» начала выкидывать странные фортели – периодически отказывали тормоза. Пришлось немедленно принять меры! «Мерседес»? Да, тьфу ему под колеса, за его немецкое надменное сердце! Да разве «Мерседес» – машина?! Это ты, «антилопушка», машина! Да, да, это «Мерседес» – большая ржавая, гнилая бочка с гайками и болтами, а не ты! Вот так! Умница! Молодчина! Красавица! Вот еще чуть-чуть! Еще чуть-чуть! Вот-вот на равниночку выскочим! Все! Фу!.. Чтоб ты сдохла!

...Вечерний Грозный от утреннего отличается тем, что утром солнце находится на востоке, а вечером на западе. Автомобилей, правда, стало чуть больше. Народу тоже. В сквере Журналистов под зонтиками сидят счастливые молодые пары. Двое мужчин на скамейке играют в нарды. Малыш, с чумазым лицом, в руках мамы о чем-то громко плачет. Судя по недоумевающему выражению лица мамы, ей не совсем ясно – о чем? От этого плач ребенка становится все истеричней. Немытые цыганята с протянутыми руками пристают к молодому парню, развалившемуся на скамейке и рассказывающему преинтересную историю сидящей напротив девушке. Девушка заливается смехом. Парень доволен. Цыганята наседают.

Автомобильный поток. Сотрудники ДПС. На горизонте, в туманной дали, видны горы. Горизонт залит красным цветом заходящего солнца. Макушки снежных вершин отливают багрянцем. Горы готовятся ко сну.

И в шутку, и всерьез

Ахмет Денисултанов

Сентенции концептуального

Афоризмы

Не уверен – не обгоняй время!

– Господа, чем бы ветер перемен ни тешился, лишь бы не диктовал условия социальному флюгеру.

Если не пойман и не вор – значит, находится в бегах и неподсуден.

Чем меньше в политике разногласий, тем конструктивнее становятся прения оппонентов.

Лучше темные пятна на Солнце, чем озоновые дыры в перспективе.

Хорошо, что Бермудский треугольник не квадрат, иначе бы это был замкнутый круг.

Искусство компромисса требует жертв!

Лучше любовь к трем апельсинам, чем платонические чувства к яблокам раздора.

Если для вас открылась истина – считайте, что перед вашим носом захлопнулась дверь.

Мало расставить политические акценты, нужно, чтобы и политика имела свой статус.

Хороший почин видно издалека, плохой – в упор.

Ничто так не разбавляет в человеке желчь, как зависть к ближнему.

Стоит вам сказать ломовой лошади стартовую цену, как она тут же будет требовать финишные расценки.

Правде жизни нужно смотреть в глаза, предварительно закрыв ей рот.

Пока красота правит миром, финансовые воротилы им заправляют.

Хорошо, когда человек – кладезь! Значительно хуже, если он – высохший колодец.

Господа, если жизнь – индейка, то это обязательно к Рождеству!

К Всемирному потопу готовились все: Ной, ковчег и службы МЧС.

– Простите, по Зодиаку вы кто?

– Бык колхозный!

Диалог в дурдоме:

– Слышь, Диоген, а кем ты был в прошлой жизни?

– Бобылем. Как жена из дома выгнала, снял бочку за умеренную плату.

– Эх, мне бы арфу, я бы таких «битлов» накаркала! – сказала ворона.

Глупее женщины может быть только курица, несущая золотые яйца, которые ее учат, как жить.

– Вы Шекспир?

– Нет, что вы! Разве я похож на автора, написавшего «Тринадцатую ночь»?

Время – это пространство для Бога.

– Фандор, вы не журналист, вы – бумагомаратель. Изводите бумагу, чернила и гусиные перья, а ведь гуси спасли Рим, не совестно?

– Захлопни забрало, Цицерон!

– Джентльмены, если вас каждый раз ловят на слове – значит, вы те еще дятлы!

Лучше мордобой, чем мордой в грязь.

Ищите себя, господа, и обрящете! (Библия. Псалом 200)

Если небеса обетованные, то почему никто не спешит туда попасть, не правда ли?

Это там – Бог, а здесь – острог.

– Жизнь, джентльмены, это постоянный блеф с самим собой.

Чем больше политика – грязь, тем труднее от нее отмыться.

В музыке слов чаще всего слышен камертон демагога, чем сама музыка.

– Если вы Наполеон, то и барабан вам пионерский в руки – а треуголку купите на блошином рынке!

– Вам классику?

– Избави Бог, мне что-нибудь попроще: Чарли Чаплина, Челентано, Пьера Ришара.

Одно дело – найти себя в жизни, другое – обустроиться в ней.

Не обращайтесь на него внимания! Он не дружит ни с головой, ни с шляпой.

Где дьявол, там не десять заповедей, а чертовщина.

Мысли, которые путаются у нас под ногами, чаще всего пудрят нам мозги.

Трудно сойти с той дистанции, когда ты уже натоптал колею.

Любовь к женщине – это вечные условия, которые предъявляют нам наши чувства.

Аксиома: Субординация – это искусство молча высказать ближнему все, что вы о нем думаете.

Книжные новинки**Вижу футбол**

Весной этого года в республике для любителей и фанатов футбола вышел в свет весьма познавательный справочник-календарь «Вижу футбол» (тиражом в 500 экземпляров). Его автором является С.-А. Лулуев, сам, кстати, любитель-футболист с многолетним стажем и поклонник профессионального футбола с детства. Если вы хотите знать все (ну, или почти все) об этом виде спорта, обязательно приобретите эту брошюру, и она станет для вас надежным гидом в историю как зарубежного и советского, так называемого, большого футбола, так и местных любительских команд республиканского уровня. Вы узнаете, что, в общем-то, несмотря на официальную британскую «прописку», ни год, ни место рождения футбола истории неизвестны. Подобие этой игры использовали в Древнем Египте, Греции и Риме для физических упражнений, тренировки военных навыков. Узнаете, как постепенно изменялись правила этого самого популярного в мире вида спорта. Справочник снабжен редкими и потому ценными фотографиями советских и иностранных футболистов, запечатленных

в различные игровые моменты, списками самых результативных игроков и вратарей из команд разных стран, чемпионов Олимпийских игр.

Роза Берсанова

К нашим иллюстрациям**Мир глазами молодых художников Кавказа**

16 мая в Мемориальном Комплексе Славы имени А.А. Кадырова в Грозном, при поддержке Российской Академии художеств, открылась Межрегиональная молодежная выставка «Мир в картинах молодых художников Кавказа». Это мероприятие проводится в нашей республике впервые, в рамках программы «Год музеев культурной Олимпиады – Сочи-2014». Высокие гости из Москвы и республик Северного Кавказа, официальные лица

из Парламента и Союза художников Чеченской Республики, в числе которых: Н.И. Боровской, первый секретарь Союза художников России; Е.А. Некрасова, референт по Южному Федеральному округу Союза художников России; Т.И. Бойцова, начальник отдела информации Союза художников России; У.А. Оздамиров, депутат чеченского парламента; В.О. Умарсултанов, председатель Союза художников ЧР (представлены на снимке) и другие – поздравили пришедших на открытие с этим знаковым для культурной жизни республики событием. Целью организаторов выставки, по их собственным словам, является укрепление межрегиональных и межнациональных культурных связей как на Северном Кавказе, так и в целом в России. И городу Грозному в этой благородной миссии предстоит стать одним из важных культурных центров на юге России. В выставке приняли участие более ста авторов из Кабардино-Балкарии, Дагестана, Северной Осетии, Карачаево-Черкесии, Ингушетии, Ставропольского края и Чеченской Республики – с художественными картинами, написанными в различной жанровой манере, и скульптурными работами.

На обложке нашего журнала представлены картины некоторых участников выставки из республик и краев СКФО.

1 стр. – Луиза Рассуханова, «Хал Келой», ЧР; 2 стр. – Яна Лапина. «Вода», Ставропольский Край; 3 стр. – Зульфия Батчаева, «Аланка», Карачаево-Черкесия; 4 стр. – Аюп Цуров, «Ландыши», Ингушетия.

Роза Межиева

Сведения об авторах и переводчиках

Лидия Довлеткиреева. 1-й зам. главного редактора журнала «Вайнах», доцент кафедры русского языка ЧГУ. Журналист, литературовед, критик, переводчик. Кандидат филологических наук. Участник Вешинского форума молодых литераторов ЮФО (2005), Совещаний молодых писателей и критиков Северного Кавказа в Нальчике (2008), Майкопе (2009), Домбае (2010), Цее (2011), VIII–X Всероссийских форумов молодых писателей и критиков в Липках (2008-2010), стипендиат Министерства культуры РФ в номинации «Молодые таланты России» (2008). Лауреат премии журнала «Вайнах» (2008). Публикации – в республиканской прессе, «Литературной газете», «Литературной России», журналах «Дон», «Дружба народов», «Знамя», «Октябрь», «Волга XXI век», «Культурная жизнь Юга России», в сборниках научных трудов КБГУ, ЧГПИ, в сборниках «Новые имена» (М., 2010), «Молодые писатели Кавказа: параллельные взгляды» (М., 2009), «Каталоге лучших произведений молодых писателей Кавказа» (М., 2011) и др.

Светлана Куразова. Родилась на острове Сахалин, где проходил службу ее отец – участник ВОВ. Окончила Северо-Осетинский медицинский институт в г. Орджоникидзе (ныне Владикавказ), работала психиатром на «Скорой помощи» в Грозном. В настоящее время живет в г. Гудермесе. Работы Куразовой ранее издавались в печатных изданиях Чеченской Республики. Сборник авторских стихов «Океан неизвестности» вышел в Грозненском книжном издательстве в 2012 году.

Тауз Исс (Тауз Исаев). Родился в 1951 г. Поэт, эссеист, прозаик. Окончил Московский литературный институт им. М. Горького (семинар поэзии). Автор поэтических сборников «Пространство души», «Горсть», «Линии», эссеистики «Грани», прозы «Путешествие в полдень». Вице-президент Академии культуры Кавказа. Член СП Абхазии (2002), ЧР и РФ (2007).

Муса Шамсадов (1961). Поэт, прозаик. Окончил (1984) Ставропольский государственный университет (физико-математический факультет). Писать начал в школьные годы. Его стихи и рассказы печатаются в республиканской периодической печати с 1978 года.

Халим Бурчаев (1956). Окончил филологический факультет ЧИГУ в 1980 году. Публикуется в республиканских периодических изданиях с 1977 года. Прозаик, публицист, литературный критик. Является членом Союза писателей России и Союза журналистов России.

Ваха Докаев (1968). В 1996 году окончил филологический факультет ЧГУ. По окончании вуза несколько лет работал по специальности в средней школе. Также работал в качестве замредактора в газете «Кавказский дом» (1995–1996 гг.). Пишет стихи, прозу, статьи публицистического характера. Публикуется с 1989 года в местной периодической печати, а также в советской центральной газете «Красная звезда».

Фаиза Халимова. Окончила ЧГПИ. Пишет на чеченском и русском языках. Публиковалась в журналах «Стела!ад», «Вайнах», «Нана», «Территория СНГ». Участница совещания молодых писателей республик Северного Кавказа (Домбай-2010), (Махачкала-2012), а также 12-го форума молодых писателей России, стран СНГ и дальнего зарубежья (2012). В настоящее время работает в информационном агентстве «Грозный-информ» корреспондентом отдела общественно-политических новостей. Пробует себя в разных жанрах литературы.

Асламбек Якубов (1958). Окончил ЧИГУ. Пишет стихи. Был членом литературного объединения «Прометей». Работал на разных должностях в Министерстве Чеченской Республики по внешним связям, национальной политике, печати и информации. В настоящее время возглавляет пресс-службу Министерства труда, занятости и социального развития ЧР.

Магомед Алиев (1958). Родился в Ножай-Юртовском районе, в селе Ялхой-Мохк. Прозаик, поэт. Окончил филологический факультет ЧГУ. Публиковался в республиканских журналах и газетах: «Вайнах», «Орга», «Даймохк», «Гумс». Лауреат конкурса на лучшее поэтическое произведение памяти первого Президента ЧР А.А. Кадырова (2012). Победитель конкурса «Золотое перо» на лучший аналитический материал о роли и деятельности первого Президента ЧР (2013).

Бела Шавхелишвили (1950). Окончила Тбилисский государственный университет, факультет кавказских языков. Кандидат филологических наук, автор многочисленных научных работ по кавказоведению. В журнале «Вайнах» публикуется впервые.

Вахит Бибулатов (1956). Окончил техникум советской торговли в 1983 году в г. Орджоникидзе (Владикавказ). Пишет статьи, посвященные истории родного края на основе архивных материалов. Публикуется с 2007 года в газетах «Грозненский рабочий», «Вести республики», в журналах «Вайнах», «Дош», «Нана» и др. Член Союза журналистов России.

Роза Межиева. Редактор отдела публицистики литературно-художественного журнала «Вайнах», историк, журналист, психолог. Пишет стихи, прозу, публицистические статьи. Публиковаться начала в школьные годы (стихи в газете «Комсомольское племя»). Участница Форума молодых писателей ЮФО в ст. Вешенской в 2005 г., 2-го и 3-го Совещаний молодых писателей и критиков Северного Кавказа в Майкопе (2009) и Карачаево-Черкесии (2010), X Всероссийского форума молодых писателей и критиков в Липках (2010). Автор рассказов и поэтических подборок в журналах «Вайнах», «Нана», «Дон» (2006) и в журнале «Эльбрус Минги Тау» (2009) в переводе на балкарский язык.

Подписка на «Вайнах» в отделениях Почты России и в редакции журнала. Стоимость полугодовой подписки - 330 руб.